

ВЫХОДИТ В СВЕТ
КНИЖНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ
К ЖУРНАЛУ «ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ»
«ПРОБЛЕМА СУБЪЕКТА
(междисциплинарный анализ)»

Учебное пособие профессора В.Е. ЛЕПСКОГО выходит в серии в помощь аспирантам «**БИБЛИОТЕЧКА МОЛОДОГО УЧЕНОГО**» и предназначено аспирантам нефилософских специальностей, а также студентам, изучающим философию. В пособии проведен междисциплинарный анализ проблемы субъекта, при этом особое внимание уделено философии, психологии, кибернетике, проблематике управления, экономике, историческому анализу и прогнозированию. Целостность работы задают представления философии об этапах развития науки и соответственно о типах научной рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая). В контексте трех видов научной рациональности предложены три парадигмы управления, адекватность которых продемонстрирована на примерах из сферы экономики.

ЛЕПСКИЙ Владимир Евгеньевич — доктор психологических наук, главный научный сотрудник и профессор кафедры «Истории и философии науки» Учреждения Российской академии наук Институт философии РАН. Президент клуба инновационного развития на базе ИФ РАН. Главный редактор международного научно-практического междисциплинарного журнала «Рефлексивные процессы и управление». Член редакционных коллегий журналов «Вопросы искусственного интеллекта» и «Информационные войны». Автор более 200 научных работ, среди которых монография, утвержденная к изданию Ученым советом ИФ РАН: *Лепский В.Е. Субъектно-ориентированный подход к инновационному развитию* — М.: Когито-Центр, 2009. — 208 с.

Подписные индексы журнала
45490 и 79007

3`2009

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ФН

- ◆ *К 100-ЛЕТИЮ «ВЕХ»*
- ◆ *ЭТИЧЕСКИЙ КОД*
- ◆ *ИСЛАМСКИЙ БИЗНЕС*
- ◆ *BUSINESS OF BUSINESS IS BUSINESS*
- ◆ *КРАСОТА В ИЗГНАНИИ*
- ◆ *СУБКУЛЬТУРА АНДЕРГРАУНДА*
- ◆ *АМСТЕРДАМ-1948*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ 3/2009

МОСКВА
ГУМАНИТАРИЙ

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

3/2009

Москва
Гуманитарий

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года

Редакционный совет журнала “Философские науки”

Алексеев П.В., Апресян Р.Г., Губин В.Д., Гусейнов А.А.,
Доброхотов А.Л., Журавлев А.Л., Кристиан Д., Кузнецова Т.Ф.,
архимандрит Макарий, Мариносян Х.Э. (председатель),
Миронов В.В., Павлов А.Т., Пивоваров Ю.С., Розин В.М.,
Рыбаков Р.Б., Рябов В.В., Солонин Ю.Н., Степанянц М.Т.,
Степин В.С., Толстых В.И., Турбовской Я.С., Фельдштейн Д.И.

Редакция журнала:

Аршинов В.И., Водолазов Г.Г., Ермишин О.Т.,
Пантин В.И., Розин В.М., Северикова Н.М.,
Сиземская И.Н., Тульчинский Г.Л.,

Научный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Русак И.Ф.

Шеф-редактор: Мариносян Х.Э.

<http://www.academyRH.info>

E-mail: academyRH@list.ru

Журнал включен в «Реферативный журнал» и
в базы данных ВИНТИ РАН.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся
изданиям «Ulrich's Periodicals Directory».

Подписные индексы журнала:

– в Объединенном каталоге “Пресса России” 45490
– в Каталоге российской прессы “Почта России” 79007

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.
Изд. лиц. ИД № 03821 от 25.01.2001 г.

Подписано в печать 20.02.2009 г. Формат 60x90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0.

Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано в ФГУП

«Производственно-издательский комбинат ВИНТИ»,
140010, г. Люберцы Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.

© Философские науки, 2009

© Академия гуманитарных исследований, 2009

© Издательский дом «Гуманитарий», 2009

ISSN 0235-1188

ОГЛАВЛЕНИЕ

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

**Корпоративность и социальное
партнерство в развитии
современного общества** ■

<i>ОТ РЕДАКЦИИ</i>	От общества недоверия к новой консолидации	5
<i>А.А. НЕЩАДИН</i>	Социально-экономическое развитие: национальные особенности и коллективное бессознательное	7
<i>Н.Д. ШМЕЛЕВА</i>	Социально-онтологические аспекты феномена партнерства	11
<i>Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ (С.-Петербург)</i>	Корпоративность как социальная технология и свободы, и ответственности	25
<i>В.К. КАШИН, А.П. ПАХОМОВ</i>	Конкурентоспособность организации и многоукладность коллектива	45
<i>О.А. ЛЕЩЕНКО (С.-Петербург)</i>	Корпоративность бизнеса в России и социальное развитие	55
<i>А.П. ЛЮСЫЙ</i>	Бренд и трофей	69
<i>В.И. БАКШТАНОВСКИЙ (Тюмень), М.В. БОГДАНОВА (Тюмень), Ю.В. СОГОМОНОВ (Тюмень)</i>	Университет как научно- образовательная корпорация: дуализм самоидентификации и выбор приоритета	78
<i>Рефлексируя проблему</i>		
<i>Андрей НЕЩАДИН, Ольга НЕЩАДИНА, Владимир БАКШТАНОВСКИЙ, Марина БОГДАНОВА, Юрий СОГОМОНОВ, Владимир КАШИН, Алексей ПАХОМОВ, Александр ЛЮСЫЙ, Олеся ЛЕЩЕНКО, Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ</i>		95

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

К 100-летию выхода «Вех» ■

<i>В.Н. ШЕВЧЕНКО</i>	Отечественная интеллигенция вчера и сегодня	107

Философское измерение ■

<i>Д.П. КОЗОЛУПЕНКО</i>	Мифопоэтический нарратив как основание преемственности мировосприятия	125

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое ■

<i>С.Н. КОРСАКОВ</i>	X Всемирный философский конгресс (Амстердам, 1948) в истории отечественной философии	141

Рецензии, аннотации, отзывы ■

<i>Т.И. СУСЛОВА</i> (Томск)	А.А. Васильев. Красота в изгнании	151

Обзоры, объявления, сообщения ■

	Переквалификация против кризиса	155

	■ Наши авторы	159

	■ Contents	160

От редакции

Редакция принимает для рассмотрения материалы, отправленные только по адресу электронной почты журнала (формат MS Word 2,6/7, для архивирования использовать формат ZIP) с обязательным указанием Ф.И.О. автора, места его работы, ученой степени и звания, домашнего адреса, телефона, e-mail. Объем принимаемых материалов – до 40 тыс. знаков (вместе с пропусками).

Цитируемая литература должна быть приведена в конце текста и оформлена в соответствии с ГОСТ 7. 1-2003. В тексте приводится лишь надстрочная сплошная нумерация ссылок, в соответствии с которой в конце текста нумеруется цитируемая литература с указанием соответствующих страниц издания или примечания.

Авторы опубликованных статей несут ответственность за точность приведенных цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий, прочих сведений и соответствия ссылок оригиналу. Редакция при подготовке материалов к публикации имеет право их сокращать, разумеется, без искажения идей автора и с условием сохранения его основных мыслей и стиля. Позиции редакции и авторов не всегда совпадают.

ФИЛОСОФСКИЙ ФОРУМ

Корпоративность и социальное партнерство
в развитии современного общества

ОТ ОБЩЕСТВА НЕДОВЕРИЯ
К НОВОЙ КОНСОЛИДАЦИИ

Современное российское общество часто квалифицируют как корпоративное. Причем, чаще всего, в негативном оценочном контексте. Действительно, если социальные институты и гражданское общество не развиты, общество структурируется принадлежностью к различным корпорациям, каковыми выступают не только бизнес-структуры, но и государственные службы, теньевые сообщества, а то и организованный в кланы криминалитет. Горизонт корпоративного сознания, корпоративных интересов ограничен, а зачастую и конфронтационен по отношению к другим. И это вряд ли может быть конструктивной предпосылкой консолидации общества при решении реальных и важных задач, стоящих перед обществом. Наоборот, общество оказывается расколотым частными и корпоративными интересами, взаимным недоверием, когда государство не доверяет бизнесу, который в свою очередь, не доверяет государству, а граждане не доверяют ни тем, ни другим.

Сегодняшние кризисные тенденции только повышают актуальность решения проблемы. Кризис – это время концентрации и перегруппировки сил. Из него можно выйти окрепшими при условии сохранения и укрепления человеческого капитала, отношений с клиентами и партнерами, а значит – репутации и привлекательности не только на экономических рынках, но и в социальной среде в целом.

Способна ли корпоративность играть реальную конструктивную роль в развитии российского общества? И если – да, то в чем это выражается или может выражаться? А если – нет, то что может противостоять корпоративности? Или, может быть, сама динамика развития этого явления имеет

некие обнадеживающие тенденции? Не создают ли корпоративность и сопутствующее ей корпоративное сознание культуральные и субкультуральные предпосылки экономического и социального развития? Наконец, главное — как соотносятся корпоративность и социальное партнерство? Исключают они друг друга или предполагают и дополняют? И как перейти от общества и экономики недоверия к социуму, объединяемому не пропагандистской мифологией, а реальной общностью интересов? Какое значение при этом играют нравственные традиции, моральные устои, коренящиеся в традиционном обществе?

Этот комплекс вопросов стал предметом обсуждения как в статьях авторов данного проекта, так и последующего обсуждения подготовленных материалов. Вряд ли можно было бы ожидать полного и исчерпывающего рассмотрения причин и следствий нынешнего российского социогенеза. Некое начало, тем не менее, положено.

*Г.Л. Тульчинский,
руководитель проекта*

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ И КОЛЛЕКТИВНОЕ БЕССОЗНАТЕЛЬНОЕ

А.А. НЕЩАДИН

Прогнозы будущего развития мировой экономики говорят о том, что дальнейший ее рост зависит не столько от успехов развитых государств, сколько от роста экономики развивающихся стран Азии, Латинской Америки и в первую очередь в Китае, Индии, Бразилии, странах мусульманского мира.

Многочисленные исследования процесса глобализации показали, что успехи в бизнесе чаще связаны с культурными основами и этикой поведения деловых людей, присущей той или иной стране, с определенными поведенческими схемами, которые складывались веками. Основу этого поведения составляет то, что Юнг называл «коллективным бессознательным». Сегодня это принято именовать архетипом этноса.

По существу, сегодня в мире можно выделить несколько подходов к построению экономической системы страны и рыночных отношений.

Американский стиль управления и моральные ценности.

Здесь личность является самоцелью развития общества. Система демократии в нем строится на том, чтобы большая группа населения не могла не учитывать мнение меньшей группы и ее возможность к самореализации и развитию.

Основная цель американского бизнеса — это прибыль. Форд-старший трактовал это положение так: «Что выгодно Форду, то выгодно и Америке». Правила поведения людей в бизнесе диктуются привычным лозунгом — каждый может утром проснуться богатым и знаменитым. При этом основополагающим является приоритет конкуренции, которая рассматривается как свобода действия и довольно агрессивный путь развития экономики.

Европейская система построена иначе, на протестантской этике, основанной на системе корпоративности.

Это система учета мнений крупных корпоративных групп, достижения определенного консенсуса по основным

направлениям развития бизнеса и страны. Практически это означает, что бизнес должен договариваться с обществом с целью обеспечить себе определенную общественную поддержку при контроле государства, которое выступает арбитром этого процесса. Конкуренция в данном случае рассматривается как система гарантий равных возможностей.

Идеология *восточно-азиатского*, «конфуцианского капитализма», исходит из классического конфуцианства.

И хотя в каждой из стран региона — Японии, Китае, Корее, Сингапуре — собственный подход к конфуцианству, ценностные ориентиры населения в основе своей едины. Представление о том, что человек ценен лишь как часть коллектива, присуще деловой этике всех стран региона.

Основатель теории так называемого *конфуцианского капитализма* Сибусава Эйити (1840 — 1931) на основе трактата Конфуция «Лунь Юй» создал своего рода Библию японского предпринимательства. «Истинная ценность Лунь Юя, — писал Сибусава, — может быть постигнута через использование его в бизнесе. С одной стороны, без сильного желания добиться получения прибыли невозможно повышение народного благосостояния. Не развив предпринимательства, мы никогда не достигнем национального процветания. С другой стороны, национальное процветание не продлится долго, если не будет базироваться на нравственных принципах добра и справедливости». Сибусава ввел понятие истинной выгоды, которая должна включать в себя сочетание личной выгоды и общественной, где приоритет всегда остается за общественной.

Основатель компании «Самсунг» Ли Бенцзе, именуемый «отцом финансов Кореи», утверждает: «Источник благосостояния — не власть, не деньги, а человек». Отсюда проистекает иное, нежели на Западе, представление о конкуренции. В Восточной Азии оно трансформировалось в понятие соперничества. Основатель фирмы Мацусима говорил: «Соперничество — это сосуществование, сопроцветание». «Заботясь о своей выгоде, заботятся о выгоде партнера». По мнению главы корпорации «Сони» Мориты Акиты, идея соперничества выражается в сильном поощрении соперничества, в том, что один из центров соперничества должен быть сосредоточен на отличном обслуживании, тогда

соперничество разворачивается во имя пользы потребителя. Помимо этого, считал он, один из центров тяжести соперничества должен быть сосредоточен на производстве, которое «опирается на будущее», т.е. основывается на научно-техническом развитии.

Восточно-азиатские предприниматели выделяют два вида взаимосвязанных выгод — большую и малую выгоды. Большая выгода означает выгоду государства и нации. Малая — выгоду предприятия и его владельца. Первая из «семи заповедей духа» японской компании Коносукэ Мацусима звучит так: «Промышленное производство — служение Родине».

Идеология *исламского бизнеса*.

Не всякий бизнес и не всякая финансовая операция подходят правоверному мусульманину. Бизнес возможен только в рамках шариата — «прямого пути». Например, в банковской сфере под запретом выдача кредитов и выплата депозитов, что является основой этого бизнеса в Европе, США, России и других странах. Однако для мусульман «риба», или ссудный процент полностью запрещен Кораном. Что делать? Выстраивать партнерские отношения между банками и их клиентами.

Исламский банк принимает прямое участие в бизнесе клиента. Заключается не ссудный договор, а договор о партнерстве — *мушарака*. Банк становится непосредственным участником бизнеса заемщика, а свое вознаграждение получает по результатам деятельности своего партнера. Такой подход обеспечивает заинтересованность сторон, а не навязывание ссуды заемщику, в надежде после «выбить» деньги с заемщика любыми методами.

Услуги, предлагаемые исламскими банками в случае ипотеки или лизинга, еще более привлекательны для заемщика.

Мурабаха — контракт на покупку с последующий перепродажей. Банк сначала приобретает недвижимость или основные средства для своего клиента, после чего собственность, с учетом интересов банка, передается клиенту на условиях выкупа в рассрочку.

Иджара — когда дорогостоящая собственность остается во владении банка и по мере взноса арендных платежей величина займа сокращается и после последнего взноса

собственность переходит к заемщику полностью. Исламские банки работают по таким схемам не только с мусульманскими клиентами, а с любыми другими, которые будут работать по халяльным нормам. Понятие халяль в *шариате* означает дозволенные действия, лежащие между *обязательным* и *запретным*. На сегодня зарегистрировано более 300 исламских банков, причем объем мусульманского банковского и финансового капитала в мировой экономике оценивается в более чем 740 млрд. евро.

Правила шариата распространяются также и на остальной бизнес – предприятие не имеет права делать наценку более чем в полтора раза оптовой цены. Нельзя торговать бракованными товарами и продуктами, допускать обвешивание, обсчет и другой обман. Благодаря таким правилам мусульманские компании все больше увеличивают свое присутствие на мировых рынках и не испытывают недостатка в клиентах любой национальности и вер. Однако по мере расширения сфер мусульманского бизнеса в мировой экономике, желающим с ним работать придется учитывать мусульманский менталитет и правила бизнеса по законам шариата.

В тех или иных формах в каждой стране мира присутствует одна из четырех основ этики поведения финансовых и промышленных кругов.

Если говорить о России, то она только отрабатывает собственную систему моральных ценностей и правил поведения, что связано с реформированием общества. Однако Россия имеет свой ярко выраженный архетип, который послужил барьером насильственной попытке прививания американских норм и стандартов поведения в бизнесе.

Отличительными чертами архетипа российского этноса, что неоднократно подчеркивалось многими исследователями, являются социоцентризм и «зов империи». Если персонифицированный европеец способен к постоянной заботе о себе (в определенном смысле его сознание персонифицировано), то средний россиянин не способен к этому, пока не доведет себя до крайности. Он ждет, когда о нем кто-то позаботится и воспринимает это как само собой разумеющееся. Это и есть социоцентризм.

«Зов империи» – преобладание ценностно-рациональных установок над целе-рациональными. Реализация идей, выступающих как некая сверхценность, имеет более высокий ранг, чем достижение прагматически ориентированных результатов. Однако, видимо, помимо собственного архетипа, Россия не избежит влияния корпоративности и конфуцианской теории, и, возможно, мы получим сложный симбиоз, который можно будет определить как систему норм и поведения российского капитализма.

В начале исследований о влиянии глобализации на мировую экономическую систему многие специалисты размышляли о том, что мировые экономические и финансовые системы, крупные транснациональные корпорации, информационные системы Интернета значительно изменят культурные ценности стран, пытаясь привести их к усредненному показателю мировой системы как массовой культуры. На деле гипотеза оказалась несправедливой. Оказалось, что государства, корпорации, финансовые и информационные организации, наоборот, изменяют свою систему управления, максимально используя преимущества той или иной культуры.

Таким образом, глобализация и интеграция мировой экономики не усредняет общественные ценности и морали, а ведет к более точному пониманию моральных и этических основ делового партнера, взаимопроникновению различных культур – без утраты своей собственной национальной культуры. Иначе эффективное международное экономическое сотрудничество не представляется возможным.

СОЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФЕНОМЕНА ПАРТНЕРСТВА

Н.Д. ШМЕЛЕВА

В современном обществе, которое характеризуется конфликтностью, ростом напряженности, внутренней неустойчивостью и непредсказуемостью, все более быстрым темпом изменений, в значительной степени актуализировалась про-

блема *социального партнерства*, рассматриваемого как особый регулятор общественных отношений, направленный на противодействие этим негативным тенденциям. В этой связи социальное партнерство рассматривается как способ согласования интересов, ответственности, полномочий и конкретных функций различных социальных субъектов, институтов, социальных организаций различного уровня. Феномен партнерства, особенности его организации и проявления рассматриваются через контекст оптимизации самых разных сфер общественной жизни: в трудовых отношениях, во взаимодействии государства и общества, в пространстве межконфессиональных и межэтнических взаимодействий, социальных коммуникаций, отношений бизнеса и государства и др.

Активизация научных исследований в сфере партнерских отношений связана с заинтересованностью общества в освоении и раскрытии потенциала партнерства. «В становлении и развитии системы социального партнерства... заинтересованы все социальные группы и государство в целом, так как при этом достигается стабильность в обществе, его прогрессивное социально-экономическое развитие»¹. Социальное партнерство рассматривается сегодня различными общественными науками: социальной философией, социологией, социальной психологией; оно входит в содержание концепций социального управления, социальных коммуникаций, в исследования социальной динамики и социального порядка и т.д. В соответствии с этим тенденция расширения направлений и аспектов исследования темы партнерства, обнаружения и анализа все новых ее аспектов значительно преобладает над процессом интеграции, выработки согласованных позиций по основным характеристикам этого феномена. Отсюда и многообразие определений социального партнерства, в которых акцент делается на различные функции, свойства и особенности этого феномена.

Так, В.В. Ткаченко выделяет в качестве направлений исследования социального партнерства конфликтологичес-

¹ Ковалева М.А. Социальное партнерство как фактор формирования и развития общественных отношений. — М., 2007. — С. 4.

кий, институциональный и социологический подходы, а также подходы технологический, правовой, проблемный, управленческий, политический². В каждом из выделенных направлений рассматриваются какие-либо специфические черты социального партнерства, раскрывающие новые стороны его содержания. Так, в рамках институционального направления социальное партнерство определяется как «устойчивая институциональная система связей между социальными субъектами, сложившаяся в процессе их взаимодействия по поводу взаимопределения различных интересов, целей, значимых для каждой из сторон ценностей»³.

В конфликтологической трактовке социальное партнерство выступает как «особая система взаимоотношений между наемными работниками и работодателями при регулирующей роли государства, которая направлена на согласование экономических интересов и урегулирование социально-трудовых конфликтов, эффективно действующая в условиях относительного равенства между трудом и капиталом... социальное партнерство есть не что иное, как признание, институционализация и конструктивизация конфликта. Оно строится на признании принципиального равенства партнеров и их способности договориться между собой»⁴.

О.Б. Ионова, анализирующая различные аспекты трактовки социального партнерства в современной социологической литературе, рассматривает партнерство через призму реализации идей конвенционализма, неконфронтационного способа регулирования общенациональных и корпоративных интересов, через консенсус социально-экономической и политической подсистем общества. Рассматривая феномен партнерства как коренное свойство гражданского общества, автор отмечает, что «социальное партнерство возможно и необходимо при такой системе институциональной организации гражданского общества, которому

² Ткаченко В.В. Социальное партнерство. — Благовещенск, 2006. — С. 1 — 17.

³ Там же. — С. 14.

⁴ Разумилов О.Г. Теоретические и методологические основы анализа становления и развития социального партнерства в рыночной экономике. — М.: ВЦУЖ, 2002. — С. 8, 9.

имманентно присуще существование и сосуществование социальных противоречий и конфликтов различных социальных групп, ассоциаций и организаций. Они, с одной стороны, в рамках гражданского общества *свободны и равны* в плане выражения, проявления и реализации своих интересов и убеждений и т.д., но, с другой стороны, — они *не свободны и не обязательно равны* в плане согласования этих интересов по отношению друг к другу.

Таким образом, система социальной самоорганизации и социального согласия внутри гражданского общества может называться партнерской в том случае, если при ее определении мы будем акцентировать внимание и на первом, и на втором условии ее существования. Следовательно, перед нами такая система социального согласия, где множество свободных и равных перед законом граждан, социальных групп, ассоциаций, организаций и т.п. включены в рамках гражданского общества в некоторую (структурно определенную) систему их самоорганизации⁵. Далее автор выделяет несколько условий, которые должны согласовывать юридическое равенство интересов различных социальных групп и реальное их неравенство в практической жизни. Среди этих условий — легитимность коренных интересов различных социальных субъектов, признание необходимости баланса этих интересов при разрешении конфликтных ситуаций, взаимозависимость и комплиментарность интересов, эволюция институциональных механизмов и правовых процедур, с помощью которых обеспечивается процесс социального согласия и др.⁶ Здесь просматривается системная направленность исследования феномена социального партнерства, раскрытие тех понятийных структур, через которые конкретизируется его место и роль в обществе (социальная справедливость, легитимность, социальное регулирование и др.). Стало быть, обозначилась тенденция перехода исследования социального партнерства «от абстрактного к конкретному».

⁵ Ионова О.Б. Социальное партнерство (опыт социологического анализа). — М.: МАКС Пресс, 2004. — С. 40 — 41.

⁶ См. там же. — С. 42.

Другим направлением такой конкретизации исследования социального партнерства выступает попытка конкретизировать его место и роль в общественной системе. Так, в коллективной монографии «Грани социального партнерства»⁷ социальное партнерство рассматривается как предпосылка устойчивого развития общества, как способ функционирования общества, как игра интересов; рассматривается его роль в системе социально-экономического управления, в маркетинговых и других коммуникациях и т.д. Все эти выделенные «границы партнерства» выявляют его собственные свойства именно через систему общественных отношений и функций.

Л.А. Иванова и П.Н. Киричек считают, что «социальное партнерство как конечный результат определенного вектора общественного развития постепенно кристаллизуется (и стихийно, и сознательно) путем различных трансформаций самого процесса общения со временем обретающего все более устойчивые признаки сущностно-функционального оформления. В самом общем виде этот процесс «кристаллизации», включающий в себя четыре последовательных стадии, можно представить следующим образом: «общение — социальное взаимодействие — социальные отношения — социальное партнерство»⁸. Попытка найти социально-генетические основания феномена партнерства явно указывает на то, что в его исследовании происходит поворот от позиции выяснения и определения «что это?» — к позиции его обоснования, т.е. выявления не только тех факторов и условий, которые порождают этот феномен социально исторически, но и в значительной степени активизируют его роль в современном обществе.

Исследование феномена социального партнерства с позиций философии как раз и предполагает выявление тех наиболее общих и значимых оснований, которые можно обозначить как *онтологические детерминанты* становления

⁷ См.: Грани социального партнерства / Под общей ред. Т.И. Костиной. — М.: МГАДА, 2008.

⁸ Иванова Л.А., Киричек П.Н. Социальное партнерство: новый модус бытия. — Саранск: Тип. «Красн. Окт.», 2002. — С. 17.

и развития этого феномена. Но поскольку эти основания выступают как некие закономерности общего характера, они имеют и собственные формы проявления, которые значительно отличаются от конкретно-эмпирического уровня существования социального партнерства. Их нельзя сводить к интересам, отношениям консенсуса, социальной справедливости и другим, выражающим субъективную сторону социального партнерства, хотя она сохраняется и на социально-онтологическом уровне.

Предварительно можно утверждать, что *социальное партнерство выступает как особое свойство бытия общества, тесно связанное с регулированием соответствия между структурами общества и его динамикой, между его пространством и временем*. В этом процессе социальное партнерство выражает «алгоритм» развития как существенного свойства бытия общества. Можно сказать, что социальное партнерство выступает существенной формой диалектического развития общества. Действительно, когда социальные противоречия выявлены и требуется их разрешение, без которого качественных изменений в обществе не происходит, здесь — на этапе уже интеграции общественных процессов и отношений, в ходе которой возникает новое социальное качество (проявляясь как временное единство общества), — на первый план и выступает социальное партнерство, которое способно подчинять требованиям единства сохраняющиеся в обществе различия интересов и позиций. Следовательно, социальное партнерство — это такое свойство социального бытия, в котором момент тождества (согласия) может сохранять различия на основе принципа субординации: тождество (или единство) здесь оказывается более важным для общества, чем различия в его внутреннем содержании. В этом плане партнерство, если рассматривать его как свойство бытия общества — это зависимость или подчинение различий частного уровня единству целого.

Какую же роль играет партнерство в бытии и развитии современного общества?

Отметим, прежде всего, что одним из наиболее существенных свойств информационного (или постиндустриального) общества является его беспрецедентное ускорение.

А. Тоффлер еще в 60-х годах XX века показал, что отношение людей к ускользящему времени, изобретение различных способов его освоения, а также структурирование общества XX века под воздействием огромных темпов социальных изменений является едва ли не важнейшей проблемой постиндустриализма. Именно постоянный дефицит времени здесь становится той «осевой» детерминантой, которая определяет образ жизни, мышление и ценности наших современников, а значит — и общие параметры общественного бытия и сознания. «Мы не просто расширили сферу деятельности и масштабы перемен, но радикально изменили их темп. В свое время мы выпустили на свободу абсолютно новую социальную силу — неуклонно растущий поток перемен. Его влияние на темпы нашей повседневной жизни, чувство времени и способы восприятия окружающего мира имело революционное значение... Ускорение скрывает непостоянство — быстротечность. Быстротечность проникает и пропитывает наше подсознание, радикальным образом меняя наши отношения с другими людьми, предметами, с целым миром идей, искусства и ценностей»⁹.

Сегодня важнейшей функцией общественной системы и проблемой самих людей является адаптация к этому быстро меняющемуся бытию. В этом плане начало информационной революции, которая обеспечила не только массовое производство информации, компьютеров, информационных программ и технологий, но и такое новое планетарно-виртуальное пространство, которое технически структурируется в виде Интернета и сети телекоммуникаций, усиления воздействия СМИ и массовой культуры, информатизации экономики и обучения, — стало своеобразным ответом на вызовы современного сверхсложного общества. Ведь только информация все еще сохраняет возможность опережать в своем развитии (возрастании) темпы развития общества.

Но информационно-техническая адаптация еще не обеспечивает усвоение и овладение темпами современных изменений. В своем комплексном применении эти инфор-

⁹ Тоффлер А. Футурошок. — СПб.: Лань. 1997. — С. 15 — 17.

мационно-технические средства лишь порождают искусственную, техногенную среду, которая негативно влияет на человека, превращая его в «обслуживающую функцию» технической среды. И поскольку в реальном социуме, который по своему бытию (вместе с культурой) оказывается достаточно сложным и многомерным, включая экзистенциальные, смысловые, ценностные и другие параметры, не поддающиеся воздействию техногенных факторов, — в нем также должны быть созданы свои формы адаптации к этому бегу времени, то здесь возникают свои механизмы «преодоления» этого потока изменений.

Один из таких механизмов — социальная (производственная) кооперация. Суть кооперации — в соединении различных усилий людей, их интересов и форм деятельности в некотором общем направлении, обеспечивающем более быстрое и гарантированное достижение намеченных результатов, чем при деятельности разрозненных индивидов. При этом создается такое целое, которое способно гибко регулировать данный процесс, несмотря на изменение обстоятельств, ситуации на рынке сбыта и заинтересованности компаньонов, уровня подготовки новых членов кооператива и т.п.

Стало быть, кооперация — это порождение и функционирование особого пространства, через которое осваивается время. Именно в организованном пространстве кооперации (как и в равнозначных ему других формах социальной организации людей) происходит такое ускорение процессов и действий, которое способно выдержать натиск ускоряющихся процессов перемен.

Но социальное пространство стало средством освоения новых темпов социального времени — темпов изменения общества — не только через кооперацию и сотрудничество, но и через конкуренцию. В последнем случае выделяются те уровни организации общества и производства, при которых субъекты, представляющие эти уровни, оказываются в принципе не способными освоить время. Конкуренция — это специфическая «брита Оккама», которая формирует постоянную угрозу для субъекта снизить его уровень существования и таким образом бросить его на дно общества.

Поэтому конкуренция выступает одновременно огромным стимулом освоения времени через различного рода инновации — технические, организационные, информационные и т.д. Конкуренция — это способ постоянного повышения и совершенствования форм и средств выживания за счет освоения потенциала социального времени и связанной с этим прибыли.

Все вышесказанное позволяет теперь вернуться к анализу онтологических аспектов феномена социального партнерства. В контексте нашего подхода это партнерство уже не сводится к практике согласования интересов, преодоления противоречий или же действию социальных институтов. Оно предстает теперь особым *социальным качеством*, которое сформировалось под действием все ускоряющегося времени перемен в обществе и выражает тотальную организацию социального пространства, в значительной степени повышающую его собственную внутреннюю динамику. Именно все более организуемое социальное пространство способно быть проводником и соотношением процессов, которые могут существовать в условиях все более быстрых и глобальных изменений.

Как раз социальное партнерство выступает универсальной формой (или видом) такого организованного социального пространства, в котором значительно ускоряются и синхронизируются все его внутренние «потоки». Таким образом, диапазон проявления видов и направлений социального партнерства расширяется не просто потому, что оно экономически и социально «выгодно» из-за роста доверия друг к другу взаимодействующих сторон, снижения различного рода издержек и уменьшения рисков; фундаментальной основой этой тенденции является процесс «конструирования» самого социального пространства, которое становится все более внутренне организованным и целенаправленным. В свою очередь социальное пространство начинает «конструировать» время, т.е. *обеспечивать условия осуществимости определенных, социально необходимых темпов социальных изменений*.

В анализе общественных отношений, включая и капиталистические, марксизм делает упор на борьбу против-

положностей. Борьба классов, противоречия между производством и потреблением, базисом и надстройкой и др., выступавшие внутренними условиями существования антагонистических обществ, переносятся в эпоху сосуществования социализма и капитализма в международную сферу, образуя идеологическое, политическое и другие виды борьбы. Как ни парадоксально, но именно фиксация внимания на самих противоречиях, а не на сложном и тонком процессе их реального разрешения в более высоком синтезе воспрепятствовала социальной теории в социалистическом обществе увидеть необходимость решения *проблемы соответствия* между динамикой изменений в социальной сфере и качественным изменением самой общественной системы — ее переходом от индустриального к постиндустриальному этапу. Отсюда — запоздалая и неадекватная реакция социалистических стран на развертывание НТР, которую марксистская теория не смогла раскрыть именно с позиций мировой социально-экономической целостности — как ускорение динамики преобразований общества, вступающего в свою постиндустриальную фазу.

Новое, возникающее качество общественно-исторического процесса воспринимается лишь с позиций целостности, что предполагает синтез противоположностей, т.е. не только противоборство различных социальных субъектов, но и их партнерство в рамках целого, в котором они играют различные роли. Даже видимый антагонизм противоположных классов все же опосредован целостностью тех социальных, экономических и политических условий, в которых эти классы находятся. Поэтому простая фиксация различных социальных противоречий оказывается недостаточной для того, чтобы раскрыть отношение к этому целому каждой из этих противоположных сторон и тем самым выявить содержательные аспекты их связи не только с этим целым, но и друг с другом.

В то время как капитализм адаптировался к ускорению социальных изменений — т.е. к новому качеству общества — через совершенствование техники и технологий, стремление снизить материальные и энергетические издержки, социалистические страны выбрали путь развития как бы «из

самих себя», планомерно выстраивая собственную экономику и другие социальные отношения. При этом была упущена (а потому и не рассматривалась) проблема *стагнации* социальных отношений, остановки их собственной продуктивности, т.е. превращение реального партнерства трудящихся классов в их формальное сосуществование (под руководством КПСС и других компартий). Но отсутствие реального партнерства привело к тому, что так и не было создано какой-либо социальной формы или института, на основе действия которых социализм смог бы улавливать и осваивать новые требования времени и вместе с этим — новые потребности людей. Получалось, что простое выявление противоречий и их классификация в социальной теории не раскрывали становления тех новых свойств мирового сообщества, тех основных «трендов», на основе которых начинался процесс развертывания постиндустриализма и информатизации.

Поэтому сам метод диалектического освоения и оценки реальности оказывался для марксистской общественной науки недостаточно продуктивным именно потому, что улавливал лишь различия и противоречия настоящего, но не видел тех интегральных форм, в становлении которых подготавливалось и содержание будущего. Последнее оказывалось формой развития общества уже потому, что сам социализм считался более высоким общественным строем, чем капитализм с его кризисами и противоречиями. Но то будущее, которое объективно складывалось в мировом масштабе, возвышаясь как некоторое целое над противоречиями двух противоположных общественных систем, имело другое содержание и качество, чем запланированные показатели и цели социалистического общества. И в контексте изменений постиндустриального общества, в формах и свойствах которого воплощались планетарные тенденции второй половины XX века, социалистическая система оказывалась все более устаревшей.

Запад, который методологически и практически опирался на принцип «вызов — ответ», на нелинейность общественных изменений, смог более адекватно воспринять и освоить особенности постиндустриализма, чем соцстраны. Более того, разработанная с 70 — 80-х годов XX столетия

концепция социальной синергетики выделила два основных состояния общества, важных для его существования в современной реальности – порядок и хаос. Именно их взаимодействие позволяло оценить ту общую эффективность организации общества для решения его собственных проблем, которая соответствовала понятию «порядок» и могла быть создана через преодоление хаоса – разбалансированности общественных связей и отношений.

Возникает вопрос о разработке самых разных социальных технологий, которые должны повышать эффективность и темпы любых направлений социального развития и социального регулирования. Но технологическое воздействие должно быть направленно и на совершенствование структур и особенностей самого социального пространства. В.Н. Иванов отмечает, что «активное использование социальных технологий в практике управления позволяет говорить о технологизации в определенной мере социального пространства. В ее основе лежат методологии и принципы социального проектирования и моделирования социальных систем... Пока уровень социальной технологизации в нашем обществе очень низкий. Крайне неразвита потребность в разработке и внедрении социальных технологий для достижения благородных целей, концептуальная модель развития социального пространства призрачна, размыта, что усложняет сам процесс технологизации, разработки и внедрения частных технологий, которые всегда опираются на глобальные технологии социального обустройства общества»¹⁰.

Если рассматривать социум, в котором сосуществуют хаос и порядок, как единство бытия и небытия, то основным «модусом» его существования является становление. В масштабах современного общества этот процесс регулируется через систему рынка, в которой действуют и осознанные процессы, и бессознательные, выступающие как механизмы саморегулирования общества. Именно многовариантность, многовекторность бытия общества, его способность осваивать новые возможности, повышающие

¹⁰ Иванов В.Н. Социальные технологии в современном мире. – М.: Славянский диалог, 1996. – С. 32.

его устойчивость и жизнеспособность выступают как важнейшие черты современного общества как постиндустриальной, информационной системы. Ф.А. Хайек писал: «Научный анализ показывает, что, следуя спонтанно складывающимся нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного порядка... мы производим и накапливаем больше знаний и богатства, чем возможно добыть и использовать в централизованно управляемой экономике, приверженцы коей претендуют на строгое следование “разуму”... порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы»¹¹.

Другими словами, социальная и информационная «емкость» порядка, который возникает стихийно, значительно больше любого планирования. В этом – одно из оснований объективности формирования порядка. Но это не значит, что данное обстоятельство делает активность людей в этом процессе не нужной. Наоборот, именно из оптимального соотношения объективного и субъективного, их общей направленности к выработанным в обществе целям и перспективам и возникают наиболее эффективные способы и технологии освоения хаоса, его превращение в совокупность тех условий или связей, посредством которых социальные субъекты способны осваивать все новые «вызовы» современного общества.

Таким образом, социальная адаптация к ускоряющимся темпам перемен, выступая как проявление направленности общественного бытия к согласованию различий, к сближению и интеграции противоречий, которые постоянно присутствуют в реальной жизни общества (т.е. к поискам наиболее устойчивого «режима» существования самой общественной системы), выдвигает на передний план формы социального партнерства, которые оказываются эффективными не только в выявлении различных противоречий, но и в их *разрешении* – на этапе, когда они должны соединиться в новое, более высокое по уровню качественное единство.

¹¹ Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. – М.: Новости, 1992. – С. 16 – 17, 18.

Именно в этом контексте партнерство оказывается формой социальных связей, максимально адекватной внутренней самоорганизации современного общества. Действительно, партнерство предполагает добровольное и заинтересованное сотрудничество в сфере и направлениях совпадения не только интересов хозяйствующих и других социальных субъектов, но и возможность совмещения тех материальных (финансовых, организационных, технологических и др.) условий, которыми эти субъекты располагают. Следовательно, партнерство обеспечивает рост внутренней связности самой социальной «ткани» — тех инфраструктур и средств обеспечения деятельности, которые объективно повышают сам уровень организованности общества, т.е. уровень его внутреннего порядка. *Партнерство* именно поэтому *оказывается сегодня универсальной формой связи* субъектов, эффективно действующей в самых разных пространствах общественной жизни, в различных ее сферах — производственной, политической, культурной, научной, этнической, социальной, религиозной и др. Отсюда — и разнообразие подходов к его изучению, а также и те затруднения с выработкой его общей концепции, о которой упоминалось выше.

С другой стороны, современный процесс глобализации, уже доказавший зависимость любых региональных процессов от складывающихся общепланетарных тенденций и структур (финансовых, информационно-технологических, политических и др.), показывает, что социальное партнерство в его различных формах и проявлениях все больше *становится не только желаемым, но и обязательным условием современной жизни* — не только как способ разрешения конфликтов и острых противоречий, но и источник формирования инновационных процессов и достижений. Отсюда теоретическая и практическая актуальность его дальнейших исследований.

Таким образом, прояснение онтологических оснований феномена социального партнерства методологически выстраивает тот категориальный «каркас», в рамках которого получают свое обоснование исследования и других, более конкретных форм партнерских взаимосвязей в современном обществе.

КОРПОРАТИВНОСТЬ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ И СВОБОДЫ, И ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Вебер, аскеза и организованная преступность

В серьезных аналитиках, в оценках и прогнозах экспертов, в публицистике, в общественном мнении в качестве общепринятого распространен тезис о культурно-нравственных (духовных, ментальных) предпосылках (факторах, условиях) успешной модернизации российского общества и экономики. Полностью разделяя этот тезис в качестве исходной посылки, следует подчеркнуть принципиальную неадекватность и несостоятельность одного из наиболее распространенных его уточнений, поскольку, взятые вместе, эти идеи способны приводить и приводят к существенным заблуждениям и даже опасным практическим выводам.

Речь идет о понимании и оценке коллективизма как одной из основных составляющих российского и советского духовного опыта. С либеральных позиций он оценивается как одно из главных препятствий преобразования общества, лишаящее личность мотивов свободного и ответственного отношения к труду, своей жизни в целом. Поэтому условием успешной модернизации оказывается слом традиционной нравственности — в противном случае Россия оказывается обреченной брести по обочине столбовой дороги исторического прогресса. С позиций же изоляционизма и «особого пути» коллективизм трактуется как особое качество российской духовности, проявление соборности, отрицающее ценности модернизации, связываемые с индивидуализмом и потребительством.

Диаметрально противоположные позиции сходятся в главном — в оценке важности коллективизма как фактора преобразования и в трактовке жесткости его связи с «рыночными» ценностями свободы. Насколько верно это убеждение? Ведь простое обращение к фактам порождает серьезные сомнения. Разве японцы, корейцы, китайцы — меньшие коллективисты, чем русские? Скорее наоборот. Но почему-то у них традиционный коллективизм не препятству-

ет рыночной модернизации, даже способствует большей эффективности менеджмента, а в России почему-то становится камнем преткновения.

Обе упомянутые оценки часто подкрепляют свою аргументацию ссылками на авторитет М. Вебера и прежде всего — на его работу «Протестантская этика и дух капитализма», в которой убедительно доказано, что Реформация явилась важнейшей и необходимой предпосылкой экономического преобразования (капитализации) западного мира. Однако в классической работе М. Вебера имеется одно обстоятельство, которое часто упускается из виду: в ней речь идет не о протестантизме вообще, а о нравственной культуре протестантских общин, прежде всего кальвинистского толка, методистах, анабаптистах и т.п. Капитализацию западного мира, включая север Америки, осуществляли именно эти общины со свойственной им ригористической нравственностью.

Существование религиозной общины в конфессионально, культурно, а то и этнически чуждой среде предполагало необходимость обеспечения воспроизводства этой общины: сохранение священных текстов, традиций, воспитание детей и т.д. Это, в свою очередь, предполагало активную хозяйственную деятельность с изрядной мотивацией самоограничения, а то и самоотречения, аскезы индивида во имя интересов общины. Иначе говоря, речь идет о довольно коллективистской нравственной культуре по отношению к хозяйственной и трудовой деятельности — в том числе.

Это наблюдение позволяет сделать вывод, что М. Вебером описан важный, но частный случай следствий существования общины (клана) в противостоящей социально-культурной среде¹. Именно последнее является общим случаем; а то, на какой основе создавалась община, что обеспечивает ее сознание «Мы» — является частными проявлениями. И исторический опыт подтверждает этот вывод. Без учета этого обстоятельства оказывается необъяснимым опыт еврейской, армянской, китайской диаспор, для нравственной культуры

¹ См.: Тульчинский Г.Л. О М.Вебере, аскезе и организованной преступности (Коллективизм как необходимый фактор успешной модернизации) // Философия и цивилизация. — СПб.: СПбГУ, 1997. — С. 160 — 163.

которых характерна высокая степень мотивации на активную хозяйственную деятельность. В ряде случаев она дополнительно усиливалась прямым противодействием среды, например, запретами на владение недвижимостью, следствием чего стало вытеснение представителей скотоводческой и земледельческой культур в коммерческую деятельность.

Капитализацию японского общества осуществили остатки феодальных кланов. В Африке это делают тейпы. В Китае — родовые кланы. Да и в самой дореволюционной России предпринимательская и коммерческая элита состояла преимущественно из староверов и выкрестов из иудеев и мусульман, а также протестантов-инородцев.

Поэтому, во-первых, М. Вебером описан лишь частный случай социально-культурных предпосылок и механизма модернизации — для западного мира это были конфессиональные общины кальвинистского плана. Во-вторых, коллективистская мораль не противоречит рыночной модернизации, а наоборот — предполагается ею. И главное, в-третьих, для успешной модернизации в обществе должна быть достаточно зрелая традиционная культура с ее общинно-коллективистским сознанием и мотивацией.

Оголтелый индивидуализм и потребительство не могут быть нравственной основой модернизации. Последняя предполагает нравственную аскезу, самоограничение индивидуального потребления в интересах общности. Из этого принципиального факта, применительно к современной России, можно сделать два, представляющихся существеннейшими, вывода: один оптимистический, а другой — трагический.

Оптимистический состоит в том, что традиционный российский коллективизм отнюдь не противостоит модернизации. Наоборот, он, да еще в сочетании с терпеливостью, неприхотливостью, смекалистостью и т.д. является золотым фондом реформирования и преобразования российского общества. Необходимы только реальное знание содержания и развития социальной культуры (не просто как сферы, а именно духовной, нравственной культуры) и опора на реальные социально-культурные механизмы структурирования общества, воспроизводящие этот коллективизм. Именно опора на них, а не ломка. Установка типа «Россия —

пластилин и мы слепим ее заново» ничего хорошего не принесла ни России, ни самим модернизаторам.

И в этой связи второй – трагический – вывод. Дело в том, что в России не вызрела традиционная культура. Ее ткани и механизмы постоянно и систематически разрушались серией реформ, проводимых сверху силовыми методами. В современной же России практически не осталось нормальных, здоровых механизмов структурирования общества, а значит – и обеспечения общинного сознания. В России практически не осталось структур зрелой традиционной культуры. «Клановизация» на конфессиональной основе оказывается невозможной. Ведь не опираться же на общины типа «Белого братства» или «Аум синрикё». Хотя само возникновение и бурное развитие таких общин – очевидное подтверждение наших выводов «от противного». Аристократические кланы в России разрушены полностью. Семейная клановизация также оказывается практически невозможной – семьи порушены и «размазаны» в такой степени, что большинство знает, в лучшем случае, только своих бабушек и дедушек, да и то не всех.

А в отсутствие здоровых социально-культурных механизмов клановизации начинают действовать не-здоровые, патологичные. Что и проявилось с очевидностью в России, где чуть ли не единственным реальным социально-культурным механизмом необходимой клановизации оказалась организованная преступность, кланы которой и осуществляли «модернизацию», «преобразование» России на свой лад. И вряд ли кто-нибудь сможет доказать, что в преступном клане нет своеобразной «аскезы», самоограничения и работы на «общак», т.е. своеобразного коллективизма. Срабатывает общий универсальный социально-культурный механизм. Другой разговор, что большому обществу свойственны и болезненные, патологичные формы развития.

Сказанное не вина, а беда нынешней России, беда ее дисперсного общества. Особую актуальность приобретает известная мудрость: «Не плакать и не смеяться, но понимать». Без опоры на реальное знание реального духовного и исторического опыта, реальное знание состояния общества и конкретные социально-культурные технологии, учитывающие

это знание, принятие решений и попытки их реализации оказываются не только малоэффективными, но и безответственно усугубляющими патологические черты общества.

Этика и российский бизнес – две вещи несовместные?

Этика деловых отношений играет исключительно важную, если не определяющую роль в динамике нравственной культуры общества. В этой связи нельзя не признать парадоксальность этики современного российского бизнеса.

Этичность предпринимательства и менеджмента, деловой успех и этика, честный бизнес в нынешней российской ситуации воспринимаются как нонсенс, что-то вроде круглого квадрата или железной деревяшки – не то прилагательное к не тому существительному. У подавляющего большинства людей в России и за рубежом образ отечественного предпринимателя ассоциируется с цинизмом, рвачеством, обманом, пренебрежением к человеческой жизни, а то и кровью. Бизнес и менеджмент ставятся рядом с преступностью. Общественное мнение, до сих пор убежденное, что «от трудов праведных не наживешь палат каменных», весьма агрессивно по отношению к «новым богатым». «Наворовали», «награбили» – не самые жесткие объяснения происхождения новых благосостояний. К сожалению, речь идет не только об общественном мнении, но и о самооценке самих представителей делового мира, живущих и действующих буквально по-ленински: «Мораль? Выдумка слабых, жалобный стон неудачников».

Честно говоря, трудно было ожидать чего-то иного. Российский духовный опыт (русское православие, философия, художественная культура, политическая жизнь, обывденный здравый смысл и т.д.) отрицают ценность жизни в «этом мире», являющемся испытанием личности. Это рождает особый российский нравственный максимализм в сочетании с правовым нигилизмом (аксаковское «закон – немецкий фокус»), эскапизм, доходящий до утопизма и эсхатологизма. В сочетании с особенностями российской политической истории, преимущественно вотчинным характером экономики, особой озабоченностью проблемой власти это придало российскому духовному опыту особую нрав-

ственную напряженность амбивалентности кротости и крутости, чреватую метафизическим самозванством.

Но обо всем этом уже многое сказано и написано, в том числе и мною. Стоит только добавить, что советский опыт довел эти черты до эйдетической чистоты. Установка на распределительную справедливость, когда блага распределялись «по заслугам», у нескольких поколений выработал представление о привилегиях, соответствующих социальному статусу. Последний же достигался на основе патронажа и личной преданности патрону, что создавало питательную среду цинизма. А если добавить к этому ханжескую индоктринацию, заболтавшую высокие нравственные идеалы и выработавшую у тех же поколений устойчивый иммунитет к социальной нравственности, то становится ясным, какая гремучая смесь аморализма накопилась в постсоветском отечестве. Неудачные, а то и авантюрные действия реформаторов выпустили этого джинна из бутылки обесиленного государства.

Главная беда новейшего российского реформаторства и руководства заключается, пожалуй, именно в том, что они мало отдавали себе отчет в том, с каким обществом, с какой нравственной культурой они имели дело. Да, собственно и сами они, принадлежа этому обществу, были и есть носители той же нравственной культуры. Приватизация по наименее перспективному пути, Чечня, общий явный аморализм правящей элиты и «истеблишмента»... И это отсутствие нравственных тормозов все более явно осознается как главная угроза российскому обществу. Угроза большая и более существенная, чем экономическая стагнация или даже перспектива распада государственности. Тем острее вопрос — каковы перспективы российской нравственной культуры? И имеются ли они вообще?

Либеральный проект этики успеха

Несомненного внимания в этой связи заслуживает по своему уникальный проект «Этика успеха», реализованный Центром прикладной этики СО РАН в Тюмени совместно с Финансово-инвестиционной корпорацией «Югра».

Вышедшие в течение 1994 — 1997 гг. одиннадцать выпусков «Этика успеха. Вестник исследователей, консультан-

тов и лиц, принимающих решения» содержали тематизированные экспертизы, развернутые ответы на вопросы, интервью успешных предпринимателей и менеджеров, руководителей регионов и отраслей, политических деятелей федерального уровня, публицистов². Подводя промежуточные итоги проекта, авторы вынуждены были отметить, что перспективы достижительной этики успеха в контексте российского этоса весьма неоднозначны: как в плане российской модели успеха, так и в плане рецепции ее известной протестантской модели.

Действительно, имеется ли в российском духовном и историческом опыте нравственный потенциал социально ответственного автономного поведения? Связан ли он с идеей экономической свободы и успеха? Если — да, то тождествен ли он либерализму, и тогда — почему тот оказывается до сих пор столь несостоятельным и невостребованным? Если — нет, то имеются ли в российской культуре иные импульсы и ткани свободы и ответственности? Разумеется, поиск ответов на эти вопросы имеет смысл только при условии признания свободы в качестве чаемой ценности, необходимого фактора развития российского общества. Впрочем, так же, как и при условии принятия России в качестве желаемого должного. Условия эти не лукавы. Вся российская история, включая советский период, свидетельствует об особой напряженности, если не стрессогенности постановки проблемы свободы в российском контексте. Дело доходит до несовместимости и противопоставления России и свободы.

Речь идет не только о периодически раздуваемой (но никогда полностью не потухающей — и не только на Западе) мифологии «империи зла», противостоящей свободному цивилизованному миру. В отечественных пределах также всегда с различной степенью активности присутствует идея отрицания ценности свободы для особого пути России. Делается это чаще всего по отношению к либералистс-

² См.: Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.1 — 11. — Тюмень; Москва, 1994 — 1997; см. также: Этика политического успеха. — Тюмень; Москва, 1997.

кому пониманию свободы, ценностям и либеральной демократии, которым отказывается в российских перспективах³. Парадоксальность постановки и попыток решения проблемы «Свобода и Россия» на путях либерализма отметил А.С. Панарин, согласно которому, «современные отечественные либералы попали в ловушку», разделяя со своими западными единомышленниками «мнение о том, что тоталитаризм неразрывно связан с историческим и культурным наследием России, с ее специфической природой. Либерал, таким образом, понимающий истоки тоталитаризма, автоматически ставится в положение кощунственного ниспровергателя национальных святынь. Его консенсус с нацией делается невозможным»⁴. Россия и свобода две вещи несовместные? Не случайно автор с развитой логической культурой доводит дело до метафизического противопоставления российского коммунизма и либерального западнизма⁵. И тогда перспективы либерализма в России оказываются связанными с ... отрицанием России как историко-культурной сущности. Или Россия, или либералистское – что?

Сказанное лишний раз подтверждает тезис о поверхностности и несостоятельности воспроизводства западных либералистских прописей в русской ситуации – как в силу особенностей российского культурно-исторического опыта, так и в силу некоторых особенностей русского либерализма. Как убедительно показал А.И. Бродский, типологической для либерализма является идея автономности различных сфер деятельности: нормы, ценности и цели одной сферы деятельности не могут быть обоснованы нормами, ценностями и целями, принятыми в другой. Иначе говоря, человеческая деятельность в целом не имеет и не может иметь единых и общих оснований. Каждая сфера деятельности (культуры) как нормативно-ценностная система за-

³ См., например: *Духовность России: традиции и современное состояние*. – СПб., 1994. – С. 23.

⁴ См.: *Панарин А.С.* Потенциал и лимиты политики державности в «новом курсе» // *Кредо и кодекс власти: обновление политики российского президентства (Этика успеха. Вестник исследователей, консультантов и ЛПР. Вып.7)*. – Тюмень; Москва, 1996. – С. 176.

⁵ *Зиновьев А.А.* Запад. Феномен западнизма. – М., 1995.

дает свой контекст осмысления⁶. Поэтому собственно либеральная этика может опираться только на сознание этой относительности, влекущее обязанность уважать всех людей и свободу, предполагая разумно (рационально) выстроенный скептицизм и критицизм.

Но именно этот формальный принцип и не был воспринят русским либерализмом. Напротив, почти все отечественные либералы от К.Д. Кавелина и А.В. Дружинина до Б.Н. Чичерина и П.И. Новгородцева были единомышленны в понимании автономности как части, формы проявления некоего изначального единства. Это резко отличает русский либерализм от западно-европейского (с его неслучайной, как теперь ясно, неокантианской и позитивистской ориентацией), объясняет его концептуальную непоследовательность и слабость, а главное – проясняет его архетипическую близость к его российским идеологическим и философским противникам. По замечанию К.Д. Кавелина, индивидуально акцентуированная Европа до совершенства выработала теорию общего, абстрактно отвлеченного, потому что оно было слабо и требовало поддержки. Большое место России – пассивность, стертость личности. Поэтому в России еще предстоит выработать теорию личного, индивидуального, личной самодеятельности и воли⁷.

Соборность и всеединство

Работа в этом направлении была проделана русской религиозной философией, литературой, либерально настроенной университетской философией, понимавшими личность как часть целого, причем такого целого, которое не завершено без каждого своего члена. В.С. Соловьев называл такую целостность «положительным всеединством», а Н.Ф. Федоров квалифицировал как основу «общего дела» – обустройства всего космоса. Даже атеистические, революционно-демократические и нигилистические течения вы-

⁶ См.: *Бродский А.И.* Об одной ошибке русского либерализма // *Вопросы философии*. 1995. № 10. – С.154 – 159.

⁷ См.: *Кавелин К.Д.* Собр.соч. в 4-х тт. – СПб., 1897–1907. Т. 3. Стлб. 884 – 885.

работали определенный тип благочестия, самоотречения и служения — вплоть до подвига и самопожертвования во имя общего дела. Речь идет о собранности человеческих душ в некотором единстве, прежде всего — единстве веры и любви. Отдельная душа понимается не как изолированная монада, а как уникальный момент совместного духовного существования.

Идея преодоления крайностей индивидуализма и поверхностного коллективизма выглядит чрезвычайно привлекательной — настолько, что иногда трактуется как сердцевина русской идеи, как «определенный ответ» на вопрос «Что такое Россия?»: «Россия — это Собор земли, державы и церкви, т.е. единство духа, царства и гражданского общества», «изначально присущий ей образ единства “верхов” и “низов”, власти и народа», «исходное согласие, изначальное единство идеалов и интересов всех русских православных людей, независимо от их возраста, положения и богатства»⁸.

Неистребим утопизм в российском духовном опыте. Где и когда на Руси был осуществлен этот Собор? Противостояние народа и власти, перманентный внутрицерковный раскол, противостояние и нетерпимость в обществе, гражданские конфликты и войны — или этого всего не было? Или речь идет об очередном заклинании желаемого в действительное? Скорее всего, мы имеем дело с выражением тоски по тому, чего не было и нет. У кого что болит, тот о том и говорит.

Стремление к единству объединяло и правых и левых, и верхи и низы, которые, тем не менее, до сих пор никак не объединятся, несмотря на все слова, призывы и заклинания «не делить страну на красных и белых, на победителей и побежденных». Раздираемое коллизиями общество держалось исключительно силой власти, подминавшей под себя и гражданское общество, и веру (церковь). Высокая идея соборности в социальной философии выразилась в обосновании теократии (В. Соловьев), в идеологии — в известной уваровской триаде, в религиозной сфере — в оформлении идеи Святой Руси («земли святорусской»), включающей в себя и ветхозаветный рай и новозаветную Палести-

⁸ Духовность России: традиции и современное состояние. — С. 19–23.

ну⁹. На практике это оборачивалось идеологическим и духовным обоснованием и оправданием имперской экспансии по всем азимутам и полным попранием личности. Не случайно сама логика утопического иллюзионизма приводит его к оправданию сталинизма. «Сверхзадача русского коммунизма как раз и заключалась в объединении гражданского общества и государства под знаком общей идеи — пусть даже по-марксистски истолкованной и по-ленински заостренной. По сути дела, в советский период в России не было отдельного государства и отдельного гражданского общества — это была единая *“социалистическая соборность”*, т.е. попытка жить на земле по правде, но без Бога. Так возникла по-своему уникальная ситуация *“злого добра”* и *“доброе зло”* в советской России, где архипелаг Гулаг сочетался с массовым порывом первых пятилетних строек, а колхозы и коммунальные квартиры были несущими ячейками гражданского общества коллективистского типа». И далее: «...коммунистический соблазн может быть прощен — именно в силу несслыханных мук и жертв, которых он стоил ее народу, именно в силу его бескорыстности и беззаветности»¹⁰. В этой фактической апологии все замечательно: от «пусть даже» и «несслыханных мук» до «доброе зло» и «беззаветности».

Речь идет не просто об идеализации бесчеловечного прошлого, а о возведении его в мировоззренческий принцип: «массовый порыв» и «несущие ячейки», оправданность любых жертв бескорыстием и беззаветностью. «Варварский народ тот, — писал С.М. Соловьев, — который сдружился с недостатками своего общественного устройства, не может понять их, не хочет слышать ни о чем хорошем; напротив, народ никак не может назваться варварским, если, при самом неудовлетворительном состоянии, сознает эту неудовлетворенность и стремится выйти к порядку лучшему»¹¹.

Выработав высокий идеал духовности, но, не имея ему опоры в реальности, русская философия свободы попала в

⁹ См.: Аверинцев С.С. Византия и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 8–9; Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. — М., 1991.

¹⁰ Духовность России: традиции и современное состояние. — С. 21–22.

¹¹ Соловьев С.М. Собр.соч. Т. 3. Стлб. 803.

безвоздушное пространство между призывом «Смирись, гордый человек!» и человекобожеским самозванством. Русским либералам оказалось нечего противопоставить своим идейным противникам на практике. Не видя в условиях торжествующего самовластья реальных основ свободы, они питали надежды на ту же власть, апеллировали к ней же. Вопрос о свободе в российском контексте стал вопросом о власти. В совершенно аналогичной ситуации находится и нынешний российский либерализм, отнюдь не всегда совпадающий с демократией: не доверяя электоральному большинству, он тяготеет к авторитарному режиму личной власти, оказываясь, с одной стороны, не востребованным самим режимом, а с другой — бессильным перед ним.

Забота о процедурах, гарантиях и т.п. интереса не вызывают — кто бы их не начинал об этом разговор. Не понятый в позапрошлом веке К.Д. Кавелин, правозащитники от В.С. Есенина-Вольпина до А.Д. Сахарова и С.А. Ковалева, фигура А.И. Солженицына вызывали в прошлом веке общественный интерес только в качестве страдальцев от режима. Но слова о личности, о правах человека, о возрождении земства и выращивании власти снизу остаются не услышанными, невостребованными, отодвигаемые как нечто скучное и не имеющее отношения к реальной российской политической культуре.

Идея соборности как свободного союза свободных людей столь же русская, как и французская, и американская. Свобода — «она и в Африке свобода», вне зависимости от способа ее метафизического осмысления и выражения: то ли как соборность, то ли как кантовская свобода воли — модификация категорического императива. Дело не в том, чтобы стать «как на Западе», а в том, чтобы перейти от слов о высокой духовности, нравственной правде и соборной свободе к поступкам и жизни по ним, от модальности *de dicto* к модальности *de re*, от слов и заклинаний к реальности и делам. Простое заимствование либерализма потому и отторгается российским духовным опытом, что берется «готовый продукт» (без знания в кончиках пальцев его сделанности), не имеющий органических связей с реальной культурой, в них не укорененный.

Поэтому главная задача заключается в поиске реального культурно-исторического опыта свободы, сегментов российского общества, в которых реализовывался и реализуется опыт автономного существования. И сфера деловой активности в этом плане несомненно представляет особый интерес. В отличие от форм официальной и неофициальной религиозности, диссидентства в среде научной и художественной интеллигенции, субкультуры андерграунда, сфера бизнеса дает опыт не столько духовного самоопределения и самостояния, сколько реального практического самостоятельного жизненного обустройства.

Поэтому вряд ли плодотворно искать некие универсальные содержательные этические принципы. Это предполагает «внедрение» в социальную жизнь неких нравственных оснований, не всегда в ней укорененных, что чревато утопическим прожектерством, самозванством, безответственной нетерпимостью. Более плодотворным представляется подход, когда вектор анализа направлен не от общих идей к реальной нравственной культуре, а, наоборот, — от реальной практики к ее этическому осмыслению.

Утилитаризм как стартовая позиция

В этой связи особенно любопытно рассмотреть перспективы утилитаристского подхода, который является одной из этических основ либерализма¹². Особый интерес этот подход вызывает тем, что речь идет не об этической концепции, выражающей нравственную культуру общества с развитой рыночной экономикой, стабильной демократией, правовым государством, зрелым гражданским обществом и т.д., а именно общества на более ранних стадиях социального развития. Утилитаристский подход привлекает еще своим демонстративным отказом от универсалистских абстрактно рационалистических конструкций нравственности, акцентированной позитивистской ориентацией, «пол-

¹² См. подробнее: *Тульчинский Г.Л.* Новые российские перспективы утилитаризма: этика бизнеса в современной России // *Наука о морали. Дж.Бенгам и Россия. Философский век. Альманах. 9.* — СПб., 1999. — С. 252–272.

зучим эмпиризмом». Чрезвычайно показательно в этой связи резко отрицательное отношение И. Бентама — создателя утилитаристской этики к Французской революции и Декларации прав человека.

Согласно тому же И. Бентаму¹³, человеческая природа — юдоль (или как он говорил — «империя») радостей и боли. Речь идет об этике, сенсуалистско-гедонистической по своей установке, согласно которой добро (благо) идентифицируется с удовольствием, а зло — со страданием. Но, в отличие от классического гедонизма, И. Бентам говорит о «расчетливом гедонизме», т.е. буквально калькуляции, исчислении перспектив наибольшего блага. Подобный «бизнес-план» максимизации удовольствия и минимизации страдания, согласно И. Бентаму, и лежит в основе социальных форм поведения, вынуждая, например, отказываться от сиюминутных удовольствий ради достижения большего в перспективе.

Речь идет о самоограничении индивидуализма, пусть даже тактическом, но самоограничении. Ничто, например, не мешает рассматривать аскезу как путь к высшему блаженству и спасению души. Но интересней другое — расчетливый гедонизм оказывается основанием социального поведения. Иначе говоря, самоограничение обусловлено социальным характером человеческого бытия. А если речь идет о таких его формах, как семейная жизнь, хозяйственная деятельность, то утилитаризм оказывается достаточно эффективной практической этикой, ориентирующей личность на сотрудничество.

Эта модель имеет широкий спектр реализаций. В криминализованном бизнесе это может быть прямой подсчет на калькуляторе — что дешевле: купить человека или убить его? Проявляется она и в более «мягком» цинизме взяточничества. Немецкий предприниматель, активно занимающийся благотворительной деятельностью в сфере культуры у себя на родине, когда я его спросил, почему он, выйдя на российский рынок, отказывает в поддержке очевидно социально значимым проектам и программам, участие в которых может способствовать продвижению его репутации, имиджа, налажива-

¹³ См.: Бентам И. Избр. соч. Т. 1. — СПб., 1867.

нию контактов, ответил, что он этим обязательно займется, но лет через 5 — 7, а пока ему дешевле дать взятку чиновнику.

Но утилитаризм проявляется и во все глубже проникающем в сознание людей понимании ответственности за себя и своих близких, необходимости расчета на свои силы, а значит — ясного осознания собственных интересов и возможностей и как следствие — осознания, с кем и по какому поводу возникает общность интересов. Можно иметь отличную товарную идею, деньги, приличную материально-техническую базу, но все пойдет прахом, если не было выяснено, какие у кого из участников интересы и мотивы. Поэтому важно сначала разобраться, кто чего хочет, сплести реальную общность интересов. Но тогда рано или поздно, но неизбежно наступит следующий момент истины: прежде чем плести общность интересов с другими, необходимо разобраться с самим собой: а ты сам-то чего хочешь? кто ты такой, хотя бы для себя самого? за кого ты держишь людей и самого себя? Поэтому, если обратить внимание на неизбежно возникающую проблему самосознания и самоидентификации, принадлежности к определенной культуре, необходимость нравственной рефлексии, то становится ясным, что индивидуализм и гедонизм утилитаризма совсем не банальны.

У нас на глазах вызревает новая нравственная культура российского бизнеса и общества в целом: иногда грубо циничная, иногда простовато расчетливая. Но именно она, утилитаристская модель — грубая, но внятная, создает предпосылки дальнейшего роста и созревания личности и нравственной культуры: от осознания своих потребностей и интересов к самосознанию, от мотивации успеха-достижения к успеху-преодолению и самосовершенствованию, откуда уже рукой подать до осознания призвания и нравственного долга¹⁴. Этика деловой активности в России, как и нравственная культура всего российского общества, «поставлена на счетчик» метафизики нравственности, и «процесс пошел».

¹⁴ См.: Тульчинский Г.Л. Бизнес в России: проблема социального призвания и уважения. — М., 2007. А также см.: Тульчинский Г.Л. Разум, воля, успех. О философии поступка. — Л., 1990.

Бизнес как площадка консолидации социальных интересов

Деловая активность — одна из наиболее динамичных и пластичных форм человеческой деятельности. Ее технология менялась, и радикально, особенно — за последнюю сотню лет. На наших глазах происходит эволюция культуры российского бизнеса. Это, к сожалению, не всегда учитывается в российском общественном мнении, живущем до сих пор преимущественно представлениями о бизнесе середины позапрошлого столетия в духе Марковского анализа.

Современный бизнес выполняет ряд важнейших функций в общественном развитии. Помимо *экономической*, это функции *инновационная, политическая, нравственная*. Без поддержки деловых кругов не могут полноценно развиваться искусство, образование, наука, спорт. Можно утверждать, что бизнес выполняет по отношению к обществу *лидерскую* функцию, определяя и уровень жизни населения, и общие настроения, цели развития, «брожение умов». Бизнес — важнейшее звено социального партнерства.

В XXI веке бизнес все более предстает не просто деловой активностью, а выражением, структуризацией, «кристаллизацией» интересов различных сил и групп влияния — даже не акционеров, а тех, кто за ними стоит. Это с очевидностью проявилось в становлении и развитии экономик Японии, стран Юго-Восточной Азии, Китая. Роль социальных институтов, групп влияния — так называемых стейкхолдеров — давно уже не подвергается сомнению в США и Западной Европе. Да и для постсоветской пореформенной России она все более очевидна. Экономика и бизнес — это не производство и потребление сами по себе, или — их встреча на рынке. В них выражаются и конкретизируются стремления и возможности различных стейкхолдеров, реализующих бизнес-проекты при условии общности интересов участников. В зависимости от степени этой общности и, соответственно, позиционирования общества, можно говорить о «холодном» и «горячем» обществе.

В «холодном» обществе (Рис. 1) уже сложились гражданские институты, собственность и собственник легитимны и не подвергаются нравственному сомнению, их права выражены и гарантированы. В этом случае корпоративная со-

циальная ответственность (КСО) и корпоративное гражданство, социальные инвестиции и социальное партнерство связаны с оптимизацией бизнесом условий своего развития.

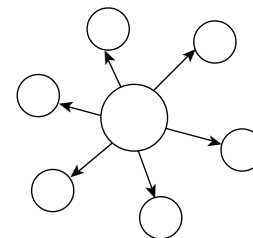

Рис. 1

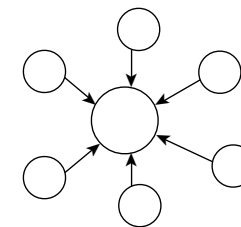

Рис. 2

В «горячем» обществе (Рис. 2), где еще не окончена борьба за удержание и передел собственности, положение обратное. Бизнес служит выразителем и «воплотителем» интересов конкретных лиц и узких групп влияния. Не столько он их оптимизирует, сколько они его. Именно такова ситуация в современной России. И только по мере стабилизации собственности, «охлаждения» страстей отечественный бизнес может перейти к полноценным моделям КСО.

Западное и российское общества находятся в разных фазах, тактах социального партнерства, а потому прямые и обратные связи и влияния между бизнесом и социальной средой различны. Но процессы консолидации российского общества, его социально-экономического развития во многом зависят от способности и умения сознательно и вменяемо использовать новые тенденции в позиционировании бизнеса как наиболее динамичной, ответственной и вменяемой части социума. Эта социальная миссия бизнеса не сразу была усвоена творцами отечественных реформ, сделавших ставку исключительно на экономику в надежде, что рынок сам все устроит. Между тем, все Нобелевские премии по экономике последнего десятилетия присуждены за работы, посвященные именно социально-культурным факторам экономического развития.

В советское время заменявшие «бизнес» «хозяйствующие субъекты» были супер-социально-ответственными. Они отвечали за ЖКХ и культпросветработу, за спорт и товары народного потребления. В процессе приватизации новые хозяева прежде всего сбросили с себя то, что снижа-

ло капитализацию, — «социалку». Причем сбросили ее на плечи местных органов власти, которые как раз в то героическое для бизнеса время «зависли» ввиду острого недостатка бюджетных средств. А недоставало их во многом потому, что тот же бизнес, в условиях первоначального накопления всеми силами старался уйти от уплаты налогов. Тогдашний бюджет РФ был в два с лишним раза меньше бюджета Финляндии, сопоставимым с бюджетом американского штата Юта! Что же говорить о местных бюджетах!

Стремление любой ценой добиться роста доходов, рассматривая потребителя, работника, наконец, власть — не как партнера, а как средство достижения целей, как объект откровенной эксплуатации, вызывает ответную реакцию общественного мнения. А ведь бизнес заинтересован в социальном развитии не только в целях формирования платежеспособности клиентской базы. Ему необходимы политическая стабильность, юридическое и нравственное признание его прав, просто уважение. Но доверие и уважение вызывает только тот, кто открыт и искренен, чье поведение предсказуемо, кто считается с мнением о нем окружающих. Примеры послевоенного развития ряда стран Европы убедительно показали, что возникновение партнерских отношений в обществе — не причина, а следствие высокого общественного доверия к бизнесу.

Проблемы России — во многом — проблемы догоняющей модели развития. В тех странах, где собственность и собственники формировались из поколения в поколение, они не оспариваются и не ставятся под сомнение — ни в правовом, ни нравственном плане. В России же первоначальное накопление происходило и происходит исторически мгновенно. Только за одно XX столетие собственники радикально менялись 5 раз: в 1905 — 1907, 1917, 1927 — 1929, 1930-е, 1990-е годы. О каком уважении к собственникам, и о какой правовой культуре можно говорить после такого опыта «великих переломов»? На этом было замешано неприятие крестьянством, аристократией и интеллигенцией «лопахиных». В этом сознании коренилась всенародная поддержка раскулачивания и экспроприация собственности нэпманов. Эти же «гроздь гнева» вызревали в 1990-е. Это

не просто зависть и ненависть к «богатеньким». Это расплата за исторический и нравственный опыт.

От общества недоверия к социальному партнерству

Сейчас более 70% отечественных фирм жертвуют деньги на благотворительность. И вопреки расхожим стереотипам, они куда щедрее западных, жертвуя в среднем 17% своей прибыли против 2 — 3% у западных. В эффективности некоторых благотворительных акций сомнения нет. Но насколько они эффективны для решения реальных социальных проблем? И как воспринимаются обществом? Назрел переход от разрозненных благотворительных акций, единовременных пожертвований и неотслеживаемой раздачи средств, т.е. сугубо затратных форм благотворительности к оптимизации социальной политики на основе продуманных социальных инвестиций и социального партнерства, от классической филантропии — к продуктивному социальному партнерству.

Филантропия — дело не бизнеса, а бизнесменов. Дело же бизнеса, компании — осмысленные и просчитанные социальные инвестиции. И это совпадает с ожиданиями общества. Согласно опросам, россияне ждут от бизнеса создания новых рабочих мест (65%), предоставления дополнительного «социального пакета» работникам своих предприятий (33%), участия в строительстве городских социальных объектов (24%), благоустройстве городов, поселков (19%). Раздачи денег от бизнеса не ждут. Россияне хотят от него существенных усилий в социальной сфере.

Оптимизация отношений бизнеса и общества предполагает изменение социальной и коммуникативной корпоративной политики, переход к полномасштабным и полноценным PR, когда эту аббревиатуру можно будет раскрывать не только как Public Relations (буквально — публичные, открытые общественные отношения), но и как Public Responsibility — социально ответственное партнерство. В основе такого перехода должна лежать четкая оценка эффективности социальных инвестиций и социального партнерства на корпоративном и региональном уровнях. Важно, чтобы эта оценка учитывала интересы не только общества и органов власти, но и самого бизнеса. Иначе есть опасность превращения биз-

неса в «дойную корову», «социальную ренту». Такая оценка должна быть связана с развитием и продвижением корпоративных брендов, имиджа и репутации, других нематериальных активов, конечными результатами бизнеса.

Четкую модель подобной оценки предлагает программа «Эффективные социальные инвестиции и социальное партнерство (ЭСИСП)»¹⁵ – приоритетная российская разработка (авторское свидетельство РАО № 13449 от 18.03.2008 г.), учитывающая мировой опыт КСО. Программа ориентирована, прежде всего, на малый и средний бизнес, те речки и ручейки, что питают мейнстрим большого бизнеса, и формируют ландшафт социально-экономической жизни страны. В рамках программы разработана общая модель («100+1 правило ЭСИСП») развития социальных инвестиций и социального партнерства, в частности, индикаторы и процедуры измерения их результатов. Основные векторы социальной политики компаний удалось систематизировать («Матрица ЭСИСП»), что позволило поставить задачу разработки реальной методики оценки эффективности социальных инвестиций и партнерства, не предполагающей специальных исследований, а использующей показатели стандартного учета и отчетности. Тем самым, собственники и менеджеры, органы управления и эксперты получают достаточно гибкий инструмент, позволяющий учитывать в ходе оценки соотношение социальной политики на корпоративном и региональном уровнях.

Будущее России во многом зависит от восприятия обществом отечественного бизнеса как одного из решающих факторов развития. Для российского общества важно признать в отечественном бизнесе своего, пусть непутового, но сына, а для бизнеса – признать в российском обществе свою, пусть больную и слегка безумную, но мать.

Главное – возможность и способность выстроить Россию как «дом свободы и справедливости», консолидированный на конструктивной основе взаимного доверия.

¹⁵ Программа «Эффективные социальные инвестиции и социальное партнерство (ЭСИСП): 100+1 принцип ЭСИСП, Матрица ЭСИСП». – М.; СПб.; Нижний Новгород, 2008.

КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ И МНОГОУКЛАДНОСТЬ КОЛЛЕКТИВА

*В.К. КАШИН,
А.П. ПАХОМОВ*

Сохранение конкурентоспособности организации заставляет постоянно искать новые пути повышения эффективности использования ресурсов, снижения издержек по всем направлениям. Одно из таких направлений – расходы на персонал. Но привлечение и сохранение квалифицированных кадров, стимулирование их продуктивной работы требует высоких расходов. Один из вариантов экономии средств, который уже давно используется европейскими фирмами – перемещение производства в Китай и другие страны с низким уровнем расходов на персонал. При этом разработка идей, дизайн, проектирование остаются в Европе. Объемы производства в металлургии, тяжелом машиностроении, легкой промышленности за 10 – 15 лет сократились в разы. Экономика европейских стран фактически начинает соответствовать призыву, выдвинутому несколько лет назад Европейским парламентом, – экономическое пространство Европы должно основываться на знаниях. И все же часть производств остается в Европе и сохранение конкурентоспособности этих производств стимулирует поиск путей сокращения издержек на персонал.

У всех на слуху активность забастовочного движения в таких странах, как Франция, Германия, Италия, Греция. Правительства и предприниматели пытаются сократить те социальные достижения, которых добились профсоюзы в 70-е годы: высокие зарплаты, 35 часовая рабочая неделя, высокие выплаты при вынужденном отсутствии на работе и т.д. Но в последние годы, когда не только вопрос о конкурентоспособности отдельных предприятий, но и о надежности экономики страны ставится все жестче. В этой ситуации социальные партнеры все чаще вынуждены садиться за стол переговоров и договариваться о разумных ограничениях социальных гарантий. Один из примеров – заводы Фольксваген, расположенные в Германии. Администрация в целях сохранения производства в Германии предложила

профсоюзу увеличить длительность рабочей недели до 42 часов без увеличения заработной платы. Если эти условия не выполнить, то либо выпуск на заводе, расположенном в Германии будет нерентабельным и предприятие разорится и будет закрыто, либо, прогнозируя такой исход, администрация фирмы вынуждена будет перенести производство в Польшу.

Переговоры длились почти год. В результате переговоров достигнуто соглашение: рабочая неделя 42 часа, заработная плата увеличена только на уровень инфляции, но работодатель увеличивает выплаты в пенсионный фонд и берет обязательство не сокращать численность рабочих мест на предприятии в Германии до 2011 года.

И это не единичный пример, такие тенденции существуют в Германии уже несколько лет¹.

Еще один путь экономии расходов на персонал — аутсорсинг², аутстаффинг³.

¹ Вайганд Х. Пересмотр норм коллективного договора о тарифных ставках через так называемые «договоры о труде» // Человек и труд. 2005. № 10.

² *Аутсорсинг* — (англ. outsourcing) — передача традиционных неключевых функций организации (таких, например, как бухгалтерский учет или рекламная деятельность для машиностроительной компании) внешним исполнителям — аутсорсерам, субподрядчикам, высококвалифицированным специалистам сторонней фирмы; отказ от собственного бизнес-процесса, например, изготовления отливки или составления баланса, и приобретение услуг по реализации этого бизнес-процесса у другой, специализированной организации. Разновидность кооперирования (см.: Современный экономический словарь). Интересно, что Словарь АБВУУ Ligvo добавляет существенные детали: заключение субдоговора на выполнение работ с внешними фирмами, особенно иностранными или теми, которые не имеют профсоюза.

³ *Аутстаффинг* — выведение персонала за штат компании. При аутстаффинге персонал компании заключает трудовые договоры не с компанией, а с соответствующей организацией (назовем ее исполнителем). При этом исполнитель берет на себя функции выплаты заработной платы, уплаты налогов, исполнение трудового законодательства (прием на работу, увольнение и т.д.). В то же время работу персонал выполняет непосредственно для компании. Договорные отношения между исполнителем и компанией как правило оформляются через договор о предоставлении персонала (см.: Словарь: Бухгалтерский учет, налоги, хозяйственное право).

Необходимость аутсорсинга кадров или аутстаффинга возникает тогда, когда:

- существует потребность сокращения штатной численности компании, при этом необходимо сохранить возможность выполнения ряда непрофильных работ специалистами, ранее входившими в состав компании, либо за счет конкурса повысить качество услуг, работ, поставляемых компонентов;
- необходимо привлечь квалифицированный персонал для выполнения конкретного проекта или временного объема работ, не внося изменений в штатное расписание компании;
- необходимо перераспределить расходную часть бюджета компании между заработной платой и услугами сторонних организаций.

Результаты исследования в области аутсорсинга, проведенного в 2008 г. компанией «Эрнст энд Янг» в Европе, демонстрируют, что 70% респондентов привлекают внештатный персонал для выполнения по меньшей мере одной функции, а 20% опрошенных компаний планируют увеличить число внештатных сотрудников в следующие два года, так как считают, что это даст им конкурентные преимущества⁴. В исследовании в качестве респондентов участвовали руководители компаний с оборотом не менее 100 млн. евро из Франции, Великобритании, ФРГ, Италии, Испании и Бельгии.

Причинами для выбора аутсорсинга, исходя из ответов опрошенных менеджеров, являются снижение затрат (49%) и повышение качества за счет привлечения специалистов (33%), стратегическое совершенствование структуры организации (28%) и обеспечение большей гибкости (25%). Основные функции, для выполнения которых привлекаются внештатные сотрудники, — материально-техническое обеспечение (76%), логистика (73%), информационно-технологическое и (или) телекоммуникационное обеспечение (68%). В среднем на одну компанию внештатный персонал привлекается для выполнения трех функций, разброс данных — от одной до пяти-семи функций.

⁴ Подробности на сайте компании «Эрнст энд Янг» eu.com/cis

В деятельности российских предприятий переход от закрытой экономики к открытой еще в 90-х годах выявил ряд крупных недостатков, среди которых: избыточная численность персонала; неэффективные структуры; устаревшие принципы управления. В 2000-х годах, особенно в процессе подготовки к вступлению в ВТО и изменения таможенных режимов, многие предприятия, пытаясь преодолеть эти недостатки, осуществляли реорганизации.

Один из вариантов реорганизации — выделение некоторых неключевых функций в самостоятельные организации. Численность персонала основной организации может сократиться вдвое, а то и вчетверо. Показатели по основному производству (выпуск продукции на одного работника или на рубль заработной платы) увеличиваются соответственно. Особенно наглядные примеры демонстрируют бывшие советские металлургические гиганты: Новокузнецкий, Западно-Сибирский, Магнитогорский металлургические комбинаты, на месте которых образовывалось по пять-десять предприятий, происходило не только отделение вспомогательных функций, но и выделение в самостоятельные организации отдельных производств, выпускающих самостоятельную продукцию. Один из недавних примеров разделения основных и непрофильных активов — разделение предприятий в ходе реорганизации РАО ЕС.

Предполагается, что в ходе отделения неключевых функций появится возможность сократить издержки и добиться повышения качества услуг/поставок путем проведения тендеров или котировок на предоставление услуг или поставку компонентов.

Но эту задачу не удастся реализовать сразу. На первых этапах профсоюз (а реорганизации, как правило, проводятся на крупных предприятиях, где еще сильны профсоюзы) настаивает на сохранении льгот и социальных благ для всех работников, в том числе и тех, кто работает в отделившихся организациях. Получается, что формально разделение коллектива произошло, но реально — это не совсем так. Услуга покупается по той же цене (а иногда и выше из-за налогов) и того качества, который был до разделения. Разрыв социальных отношений — болезненный процесс.

Во вновь создаваемых организациях пытаются не воспроизводить профсоюз, что отмечает в предлагаемой дефиниции словарь АБВУД Lingvo. Но это зависит от боевитости кадров отделяемых подразделений и активности профсоюза в основной организации. Для повышения конкурентоспособности организаций, отделившихся от основного производства, вопросы структуры, численности персонала, уровня расходов на персонал, уровня квалификации работников вновь становятся ключевыми.

Недостаток кадров на основном производстве восполняется не только за счет аутсорсинга, но и активным привлечением работников в постоянный штат. Происходит «стягивание» работоспособного населения из малых городов в крупные, концентрация рабочей силы в центральных регионах страны. Обустройство жизни у тех, кто приезжает работать в столицу или в Московскую область, самое разнообразное: иногда это вахты на рабочую неделю, месяц, при этом семья остается на прежнем месте; иногда перебираются всей семьей, снимают жилье, на что уходит существенная часть заработанных средств. Аналогичные московским процессы отмечаются во всех крупных городах.

Между москвичами (или постоянными жителями крупных городов) и приехавшими в Москву россиянами сохраняются (заметные особенно в первое время) культурные и экономические различия внутри коллективов. По мере роста стажа работы в Москве и налаживания быта различия постепенно стираются.

Есть еще два вида занятости, которые добавляют свои звенья в мозаику современного кадрового состава предприятия.

Для выполнения неквалифицированных видов работ предприятия предпочитают нанимать мигрантов по схеме заемного труда. Сейчас в России большие споры идут по поводу заемного труда и его законодательного оформления. На 85-й сессии Международной организации труда в 1997 г. выработаны ряд терминов и определений такой занятости (в Конвенции МОТ № 181 и Рекомендации № 188 «О частных агентствах занятости» используется термин «агентская занятость»). Россия эти конвенции не ратифицировала и как

следствие – заемный труд регулируется нормами не трудового права, что было бы обязательно в случае ратификации Конвенции, а пока только гражданского и налогового права. Агентство занятости и организация, принимающая работников, в соответствии с гл. 39 Гражданского кодекса РФ заключают двусторонний договор на оказание услуг. В нем обычно сказано, что агентство несет перед предприятием-заказчиком определенную ответственность за качество предоставляемой услуги, т.е. заемных работников, обязуется при необходимости осуществлять замену заболевшего или не справляющегося со своими обязанностями работника.

Почва для злоупотреблений возникает тогда, когда кадровые агентства, занимающиеся предоставлением заемных работников, стараются не определять в договоре трудовую функцию работника: нет должностной инструкции, не фиксируются права и обязанности, не указывается перечень предприятий, на которые будет направлен работник. Такого рода договора не соответствуют трудовому законодательству. Заемные работники пользуются гораздо меньшими правами, чем штатные работники, которые оформлены в соответствии с ТК РФ. Нестабильная занятость может быть, с одной стороны, панацеей от отсутствия занятости вообще, но, с другой стороны – не создает предпосылок для высокой эффективности труда такого работника.

Официальное оформление мигрантов самой организацией без кадрового агентства требует уплаты налогов. Неофициальное использование труда мигрантов создает опасность высоких штрафных санкций. При неофициальной занятости эти работники не имеют никаких социальных гарантий и при обнаружении их правоохранительными органами могут быть депортированы из страны. При официальном оформлении мигранты частично защищены законодательством и, при лояльном отношении работодателя, могут получить официально установленные социальные льготы (например, оплату больничного листа). Легальное оформление уже поднимает права нанимаемых мигрантов до уровня почти штатных работников.

Профсоюзы на федеральном уровне активно выступают против широкого привлечения мигрантов и, особенно, про-

тив заемного труда, объясняя, что тем самым российские граждане теряют возможность трудоустроиться, а низкие заработки мигрантов и заемных работников служат фоном, опираясь на который работодатели ограничивают рост заработной платы остальных работников. Профсоюзы на предприятиях выступают противниками использования труда работников, привлекаемых по аутсорсингу или на принципах заемного труда. К примеру, одно из требований профсоюза завода Форд во Всеволожске, известного своей забастовочной активностью, состояло в отказе от заемного труда. Причины, которыми профсоюз аргументировал свою позицию: использование заемного труда сдерживает рост заработной платы основных работников, привлекаемые работники имеют крайне низкую социальную защищенность, из-за разных социальных условий возникают напряженные отношения внутри коллектива.

Работодатели лоббируют расширение форм занятости в целях повышения гибкости организации производства, снижения издержек на персонал.

Официальные органы власти на федеральном уровне, признавая необходимость привлечения мигрантов, стремятся снизить уровень неофициального использования привлекаемых работников: устанавливают квоты на привлечение работников из других стран, усиливают контроль с целью выявления неофициальной занятости. В Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ до 2020 г. прогнозируется увеличение легальной занятости мигрантов с 26% в 2006 г. до 90% в 2020 г. Однако такие высокие цифры вызывают сомнение в силу ряда причин: необустроенность границ со странами, которые являются основными поставщиками мигрантов, игнорирование положений миграционного законодательства как самими мигрантами, так и работодателями, слабость контроля и отсутствие средств на депортацию. Даже в европейских странах, где контроль поставлен гораздо лучше, по данным профсоюзов легальный уровень трудовой миграции составляет 60 – 70%⁵.

⁵ См.: Власов В. Человеческий капитал на рынке труда // Ваше право. 2008. № 15.

Дискуссии идут и по ратификации Конвенции МОТ, и внесению дополнений в трудовое законодательство для легализации заемного труда, опять же, если удастся договориться с профсоюзами.

Сравнительно новый вид занятости — фриланс⁶. Фрилансеры имеют хорошее образование, весьма квалифицированы. На сайтах, выступающих в качестве трудовых бирж, представлен довольно широкий набор профессиональной деятельности: от программирования и разработки сайтов, до бизнес-консультирования, маркетинга, дизайна, переводов, разработки текстов⁷. Рынок фриланс-услуг в настоящее время уже достаточно развит в европейских странах и стремительно развивается в России, вовлекая все новых участников как со стороны исполнителей, предлагающих свои услуги, так и со стороны частных лиц и организаций, готовых к сотрудничеству на удаленной основе.

Приведенный материал характеризует мозаичность коллектива: кроме основного персонала на предприятии или, точнее сказать, в бизнес-процессе производства продукции, может трудиться значительное число лиц, имеющих самые разнообразные формы трудовых отношений с данной организацией. Конкуренция стимулирует такой подход.

Что же происходит с корпоративной идентификацией персонала в условиях применяемого разнообразия трудовых отношений?

Изменение традиционных устойчивых трудовых отношений зачастую вызывает настороженное и даже отрицательное отношение, как в коллективе, так и со стороны профсоюзов. Базовая причина беспокойства — боязнь потерять налаженные трудовые отношения, потерять работу. Каждый штатный работник начинает задумываться о том,

⁶ Фриланс (англ. *free lance* — свободное копье) — удаленная работа. В современном мире это слово используется для обозначения относительно недавно возникшей формы организации труда, при котором работодатель и исполнитель могут находиться как угодно далеко друг от друга. Руководство выполнением проекта осуществляется при помощи электронных средств связи или по телефону (Википедия <http://ru.wikipedia.org>).

⁷ К примеру: <http://freelance.ru/>

что и на его место могут взять человека, по отношению к которому социальные обязательства организации минимальны. «Масла в огонь» беспокойства подливает возможная частая смена руководства организации, вызванная решениями собственников.

В такой ситуации корпоративная идентификация крайне низка. Синергия команды для достижения высокой эффективности строится только на страхе возможного наказания и возможного снижения стабильности своей позиции. Такого рода мотивы обеспечивают формально четкое исполнение обязанностей, но не являются источником самостоятельного творческого отношения к делу. Возможно, для каких-то организаций, в которых успех строится на четком исполнении инструкций, такое поведение можно рассматривать как условие конкурентоспособности. Но, зная изменчивость организационных и экономических условий в нашей стране, можно предположить, что большинство руководителей хотели бы видеть у штатной части работников творческое отношение к делу и основанную на самостоятельности и ответственности синергию. Идеальное предположение — что и временные работники будут проявлять заинтересованность в успехе принимающей их организации. Но у каждой группы временных работников свои задачи, а принимающая их организация — временное исполнение заказанных обязанностей и, в лучшем случае, решение заказанных задач, которые могут совпадать с задачами штатного коллектива.

Естественно, что беспокойство за перспективы в наибольшей степени присуще поведению работников старшего возраста, для которых потеря рабочего места зачастую означает потерю профессионального статуса. Заметно проявление и региональных особенностей: в моногородах все гораздо резче, в крупных городах с их более мягкой ситуацией на рынке труда и настороженность присуща меньшему числу работников. В крупных городах стремление бороться за свое место меньше и заинтересованность в успехе фирмы может проявляться с оглядкой на возможность найти более перспективную организацию. Ситуация на рынке труда зависит от демографической и образовательной си-

туации в регионе, наличия вакантных рабочих мест, расстояния до ближайшего населенного пункта и его транспортной доступности. Чем острее ситуация на рынке труда, тем острее проявляется ухудшение корпоративной идентификации при росте рабочих мест занятых привлекаемыми работниками.

А что с синергией у временно привлекаемых работников?

Речь, прежде всего, не о низкоквалифицированных работниках, а о тех, кто имеет квалификацию и кому доверяют сложные участки работы, хотя и временно. Казалось бы, привлекаемые специалисты заинтересованы показать свою квалификацию и заручиться возможным привлечением и в перспективе. Но как показывают исследования, добиться качества не всегда удается: в уже упомянутом европейском исследовании «Эрнст энд Янг» приводятся данные, что 33% опрошенных руководителей европейских компаний отметили у привлеченных специалистов рост качества работ по сравнению с качеством исполнения этих же работ штатными работниками, а 10% отметили снижение качества.

Есть основания предположить, что в вопросах корпоративной идентификации не все зависит только от штатных или привлекаемых специалистов. Существенная роль принадлежит руководству организации, применяемым методам корпоративного управления и, в частности, методам управления персоналом. Соответствие методов управления персоналом ситуации в коллективе и внешней ситуации, в которой находится организация, проявляется в следующем: у подчиненных есть стимулы и желание трудиться в этой команде и дальше, а у менеджера остается достаточно времени, чтобы подумать о новых инициативах⁸.

Для формирования корпоративной идентификации жизненно важное значение имеет создание атмосферы доверия между членами команды. Каждый штатный работник (а привлекаемые работники – в рамках их компетенций) должны знать о принимаемых решениях и понимать, почему эти решения были приняты. Обсуждение результатов и

⁸ Перефразировано авторами по: *Петров В.* Принципы управления персоналом // Управление компанией. 2006. № 2.

проблем – один из методов обеспечения обратной связи, с тем чтобы сообща улучшать деятельность всего коллектива. Умелое сочетание групповой заинтересованности штатных работников и индивидуальной заинтересованности привлекаемых работников (даже если в каком-то проекте привлекаемые выступают командой, можно их рассматривать в данном случае как единицу) позволяет добиваться высокой эффективности организации. Вот те немногие, но важные механизмы, позволяющие и в мозаичном коллективе повышать синергию командной работы у привлекаемых работников.

Одна из трудностей снижения конфликтности отношений в мозаичном коллективе состоит в том, что нормы, представленные в современной редакции Трудового Кодекса и в налоговом законодательстве, могут ограничивать гибкость трудовых отношений.

Между тем, Правительство РФ 15.08.2008 одобрило Концепцию действий на рынке труда на 2008 – 2010 годы, в которой предусматривается «совершенствование законодательства Российской Федерации в целях повышения гибкости российского рынка труда, включая законодательное регулирование возникающих новых форм трудовых отношений».

КОРПОРАТИВНОСТЬ БИЗНЕСА В РОССИИ И СОЦИАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ

О.А. ЛЕЩЕНКО

Еще в начале XX века В.В. Розанов заметил, что ответственность на Руси имеет только два источника: либо наворовал, либо выпросил в подарок. И новейшая история дала тому яркие и убедительные подтверждения. Да и могли ли цинизм и аморализм, сопровождавшие крушение старого тоталитарного строя в 1990-х, породить этику ответственности, которая является непременным условием существования современной эффективной экономики? Сбылась старая советская шутка: что хуже социализма? Ответ: то, что за ним последует!

Речь идет не только о реалиях жизни, но и о самооценке представителей делового мира. Некоторыми предпринимателями и менеджерами словосочетания «этика бизнеса», «честный бизнес» воспринимаются либо как признак слабости и несостоятельности, а то и слабоумия, либо особо изощренных хитрости, цинизма и ханжества. И такой российский бизнес нередко отторгается самим обществом, относящимся к бизнесу как к вынужденному злу, которое можно временно потерпеть — пока у него есть средства откупиться.

По данным Ассоциации менеджеров России, представители делового сообщества, государство и эксперты выделяют три основания негативного отношения к бизнесу:

- **Нелегитимные методы достижения успеха.** Острота проблемы легитимности достижения успеха, или даже легитимности собственности, в наши дни в России очевидна. Отсутствие общественного консенсуса по этому поводу порождает неуверенность у бизнеса, сдерживает инвестиции, тормозит формирование слоя эффективных собственников и все чаще и чаще используется различными группами государственных чиновников в качестве морального оправдания передела собственности.
- **Экономическая преступность и коррупция.** Налоговая система первых лет рыночной экономики была столь несовершенна, что стопроцентное исполнение ее требований было тождественно разорению бизнеса. В этом и была основная причина, почему в 90-е годы теневой сектор российской экономики, по оценкам ВЦИОМ, доходил до 40% ВВП. Ведущая роль в коррупционных отношениях всегда принадлежит государственным служащим. Это они получают «коррупционный налог». Мнение о том, что бизнес провоцирует коррупцию и тем самым «растлевает чиновничество», не может быть верным. Как и на любом рынке, на рынке «коррупционных услуг» предложение возникает тогда, когда появляется спрос, и растет по мере роста спроса. Одно из отличий этого рынка — то, что роль новатора, создающего новый спрос, принадлежит здесь не предпринимателю, а потребителю, жаждущему все больше и больше.
- **Монополизация экономики небольшой группой людей и компаний.** Смена стилистики отношений крупного бизнеса с государством и смена персоналий, немного устранила некоторые проявления олигархического устройства экономики, но до нормального конкурентного рынка России еще далеко. За рубежом собственники и собственность формировались из поколения в поколение. В России первоначальное накопление происходило и происходит исторически мгновенно, за одно поколение. Вау-

черная приватизация и залоговые аукционы решили задачу создания института частной собственности, но эта собственность оказалась нелегитимной в глазах общества. И этот грех требует искупления. Какова цена и механизм этого искупления?

Не только российский, но и весь мировой опыт показывает, что бизнес проходит несколько стадий позиционирования в обществе. Таких стадий, как минимум, три:

- I. Стадия первоначального накопления — «войны всех против всех», в которой побеждают «сильные личности», когда главными проблемами являются удержание и расширение захваченного, когда победители претендуют (по праву сильнейшего) на распоряжение ресурсами, управление более слабыми, на льготы, преференции и ... уважение общества. Но люди-то видели — как победители добивались своих побед. И поэтому общество «почему-то» не проявляет чаемых уважения и любви, сторонится, смотрит косым глазом, а то и побаивается.
- II. Стадия самооправдания бизнеса перед обществом: в глазах государства, граждан. Ведь собственникам как воздух надо, чтобы их признали, признали как собственников, считались с их правами, уважали. Поэтому на этой стадии развиваются спонсорство, патронаж, благотворительность, предпринимаются попытки разъяснения целей бизнеса, перспектив его развития. До бизнеса начинает доходить понимание, что задача денег ведет не к однозначному улучшению общественного мнения, имиджа и репутации, а скорее к нецелевому расходованию средств, снижению капитализации, недовольству акционеров и пр. Вызревает понимание, что дело бизнеса не благотворительность, а системные социальные инвестиции.
- III. Стадия «социального партнерства», собственно социальной ответственности, когда бизнес, утвердившись в обществе и общественном мнении, переходит от самооправдания к развитию конструктивных социальных связей — социальному партнерству со всеми компонентами социальной среды. Иначе говоря, к формированию зрелых и полноценных связей с общественностью или PR.

Все эти этапы проходит и отечественный бизнес. Сейчас он, почти завершив первый этап, активно втянулся во второй. Кое-кто посчитал, что можно уже переходить к третьей стадии, но был не прав. Забегать вперед естественно-го хода событий нелепо и бесполезно. Всему свое время. Но вектор развития однозначно понятен — к развитию полноценных общественных связей, социальному партнерству.

Гармонизация развития бизнеса и общества для каждой компании в отдельности — задача вполне выполнимая, но, безусловно, требующая регулярных усилий: планомерность развития, анализ внешней и внутренней среды, постановка конкретных целей, выбор адекватных средств реализации стратегии, успешность философии компании, ее внешнего и внутреннего имиджа и методов управления. Бизнес неизбежно оказывает формирующее влияние на самосознание общества и на качество жизни в целом. Уровень развития бизнеса в стране (то, на каком этапе развития находится предпринимательство) говорит о социально-политической зрелости общества в целом.

В самом общем плане основу стратегического партнерства и сотрудничества бизнеса и общественности может составить попытка решения трех задач, что определяет перспективы развития страны, а возможно и само наличие таких перспектив.

1. **Право.** Речь идет о формировании и развитии правовой культуры, знакомстве с правовыми нормами и возможностями практического пользования ими, гарантиями и способами их реализации, с процедурами защиты и продвижения своих прав. Опыт советских правозащитников в этом плане очень показателен: бить чиновных беспредельщиков и наперсточников по рукам действующим законодательством — отечественным и международным. Кто, как не бизнес, заинтересован в устоявшихся правилах игры? Это как раз тот сюжет, в котором поддержка общественности бизнесу гарантирована. Более того, именно вокруг таких «точек кристаллизации» и сможет оформиться общественная поддержка бизнеса.
2. **Общественное мнение.** Речь идет об активных действиях, в том числе — о работе со СМИ, по формированию общественного мнения, прежде всего — по отношению к собственности, эффективным и социально ответственным собственникам. Важнейшую роль играет формирование института независимой гуманитарной (социальной) экспертизы. Развитие гуманитарной экспертизы способно стать не только полем реального сотрудничества бизнеса и общества. Помимо прочего, оно создаст сферу востребованности наиболее образованной части общества — интеллигенции, основной социальной базы и мотора «перестройки», оказавшейся наиболее пострадавшей в результате этих реформ.

3. **Образование и просвещение.** Инвестиции в молодежь — важнейшее направление борьбы за будущее общества. Формирование просвещенных, профессиональных, жизненно компетентных поколений — главный ресурс нейтрализации молодежного радикализма «от безысходности», а также популистского (в том числе — властного) манипулирования новыми поколениями.

Во всех трех случаях, фактически, речь идет о гранях решения — формирования жизненно компетентных, т.е. свободных и ответственных граждан, способных к самоорганизации, а, значит, и построению общества, способного к развитию.

В прошлом вера людей, этика добра и ценности общества играли большую роль в формировании общности интересов и корпоративности. Это и есть своеобразные стандарты общественного поведения, которые в разные времена использовались по-разному — как правила поведения, как критерии формирования общности, как манипулятор, в конце концов.

Если исходить из интеллектуальной традиции, которая питала экономическую теорию, начиная, по крайней мере, с Адама Смита, и затем органично перекочевала в менеджмент, традиции представлять человека в экономике как рационального эгоиста, то единственно правильный и последовательный взгляд на корпоративную ответственность бизнеса был выражен Милтоном Фридманом. «Дело бизнеса — заниматься бизнесом», что по-английски звучит еще более тавтологично, но не менее убедительно: «Business of business is business». Дело бизнеса — зарабатывать прибыль, исправно платить налоги и заработную плату и не нарушать законодательство. Если явно или неявно предполагать, что в хозяйственной жизни действует человек экономический, то аргументы защитников концепции корпоративной ответственности бизнеса лишаются основательности, а сами они могут быть легко заподозрены в лицемерии и непоследовательности (а это всего лишь еще один способ заработать).

Этот скепсис понятен экономистам, поскольку на протяжении нескольких веков казалось, что именно с разделением экономики и этики и был связан прогресс данной об-

ласти знания. Достаточно вспомнить идеи МанDEVИЛЛЯ и СМИТА о том, что частные интересы в сложном обществе могут лучше служить общему благу, чем намеренные действия в этом направлении. Учение было созвучно и реальным изменениям в обществе, в котором экономика все более отделялась от социальной, политической и религиозной жизни. Социальный организм с его иерархией сменился автономностью экономической сферы, личные отношения, которые могли регулироваться этически, все более вытеснялись безличным обменом. Регуляторами хозяйственной жизни все больше становились цена и закон, а не этика, религия или представления о благой жизни.

Теперь экономисты, чиновники, представители деловой элиты, воспитанные на этих идеях, возвращаются к этической составляющей бизнеса. Ответственность компаний перед обществом не может основываться только на «рациональных ответах на различные внешние вызовы». Тем самым, вопрос о «благой компании» не может быть решен исходя из стандартного постулата экономистов о природе человека. Основой для обсуждения этого вопроса могло бы быть возвращение к этическим основам и представлениям о человеке в христианстве. Но возникают сложные вопросы: Какими способами (кроме исповеди и совести) можно регулировать поведение менеджеров? Можно ли применять концепцию верующего работника в обществах, где большая часть населения не является верующими людьми? Как различать добро и зло в экономике, где прямые и косвенные последствия деятельности не всегда очевидны и понятны? Возможно, именно теперь наступает пора вернуться именно в то время, о котором писал Дж.М. Кейнс в своей работе «Экономические возможности наших внуков»: «... я вижу нас свободными для того, чтобы вернуться к некоторым наиболее бесспорным и надежным принципам религии и традиционной добродетели – что жадность является пороком, а взимание процента – преступлением... Мы будем опять ценить цель, а не средства и предпочитать благо пользе».

Общность интересов должна начинаться непосредственно внутри компании. Создание сопричастности об-

шему делу предполагает формирование общего видения фирмы: ее миссии, состояния, идеологии, перспектив. Вне такого видения невозможно правильное и адекватное, заинтересованное понимание решений, планов, проявление ответственной инициативы. Корпоративная культура, основанная на соответствии бренду, не возникает из ниоткуда. Но она исчезает в никуда, если все усилия по созданию привлекательного имиджа направлены только во внешнюю среду. Внутренний имидж – это образ компании в глазах сотрудников. Он должен быть насыщен и даже перенасыщен тем, что подлежит трансляции «во внешний мир».

Важнейшей причиной формирования политики общности интересов и корпоративной ответственности компаний стало осознание их собственниками и менеджментом прямой связи между экономическими показателями деятельности предприятия и его имиджем, его поведением в отношении к персоналу, партнерам, окружающей среде, обществу в целом.

Ожидания контактных групп различны:

- *потребители* вправе ожидать от фирмы удовлетворения их потребностей, добротности и доступности товаров и услуг, послепродажной ответственности;
- *инвесторы – акционеры и кредиторы* – рассчитывают на прибыльность своих вложений, привлекательность бизнеса, которым занимается фирма, умелый, компетентный менеджмент, надежность, устойчивость бизнеса;
- *органы власти* обычно ожидают законопослушания, уплаты налогов, а также поддержки социально значимых программ, на которые собственных сил и средств не всегда достаточно;
- для *СМИ* фирма важна как носитель и поставщик новостей, в руководстве фирмы должны быть яркие личности, активно и профессионально идущие на контакты с прессой;
- для *общественных организаций* фирма важна и интересна своим участием в принятии ответственных политических решений, а также в социально значимых проектах и программах.
- *население* волнует не столько профиль деятельности фирмы, сколько участие в защите окружающей среды, благоустройстве, поддержке семьи, детей, инвалидов, ветеранов;
- *персонал* же фирмы хотел бы видеть в ней достойного и процветающего работодателя, дающего работникам возможности для самореализации.

Все, вроде бы, ожидают разного, но при некотором обобщении становится ясно, что ожидания различных групп сходятся: все хотят ответственного социального партнерства. Только содержание этого партнерства различно, а суть одна. Таким образом, бизнес и власти, а также общество должны быть неразделимы с этикой и ответственностью за свои действия. А за ответственностью неизбежно стоит «этика намерений», «этика просвещенного эгоизма», «этика ответственности», «этика добродетели», берущая свое начало от Аристотеля. «Этика намерений», ограничиваясь в описании этического принятия решения совестью и законом, не принимает во внимание последствий экономических решений для общества. «Цель оправдывает последствия», а «хороший бизнес – это хорошая этика». «Этика просвещенного эгоизма» сводит этику к еще одному ограничению для бизнеса. Согласно этой концепции, с ростом богатства возрастает и спрос на этическое поведение, этика мыслится как побочный продукт экономического роста, а недостаток этического поведения как производное от бедности.

«Этика добродетели» взаимосвязана с базовыми принципами корпоративной ответственности. Центральное значение в обществе принадлежит человеческой личности, социальная жизнь понимается через призму общего блага и единства интересов (солидарность), и, наконец, социальные институты существуют во имя человека и между ними есть определенное разделение полномочий. Тем самым снимается противоречие между эгоизмом и альтруизмом, поскольку человек начинает осознавать свои истинные интересы, состоящие в общем благе. Общее благо предполагает общее дело, из этого и формируется корпоративность. Решение принимается на основе волеизъявления всех, каждый несет ответственность за то, что делает, все стремятся к общей цели. Такое общее дело соответствует духу «этики добродетели». Координация сменяется кооперацией и взаимопомощью.

Таким образом, встает вопрос об отношении между фундаментальными и высшими благами. Как правило, менеджеры контролируют только материальные факторы (отдельные фундаментальные блага: деньги, оборудование и

т.п.) и политику компании (общее фундаментальное благо). Процесс принятия решений подобен посреднику между этими целями и благами, между политикой и размещением ресурсов. Например, при введении нового продукта менеджер должен проанализировать имеющиеся в распоряжении ресурсы и разработать цели и бизнес-структуры для этой цели. Инновационная политика компании в свою очередь будет влиять на использование и распределение ресурсов организации (отдельные фундаментальные блага). Модель общего блага требует от менеджеров, прежде всего, учета высших благ при принятии каждого решения. Высшие блага должны освящать процесс принятия решений на фундаментальном уровне, а последние – способствовать достижению высших благ развития человека в сообществе. Необходимо одновременно учитывать и фундаментальные и высшие блага. Традиционная модель акционерного капитала состоит в последовательном рассмотрении этих благ; лишь после достижения фундаментального блага – прибыли – модель акционеров анализирует, как она может быть использована для достижения высших благ.

С точки же зрения общего блага модель «стейкхолдеров» (различных групп влияния, заинтересованных в развитии бизнеса), несомненно, предпочтительней модели акционеров, ибо, по крайней мере, расширяет цели организации, включая развитие человека. В этой модели учитываются такие «человеческие» аспекты, как прожиточный минимум и справедливая заработная плата, антропоцентризм при дизайне работы и т.д. И, тем не менее, модель неадекватно описывает цель организации. Если, согласно этой модели, целью организации является максимизация благосостояния стейкхолдеров, то такая цель потерпит крах при встрече с первым же препятствием. Вновь приоритет будет отдан не высшим, а фундаментальным благам. Иными словами, поменяется истинный порядок этих благ, подобно тому, как это происходило в модели акционеров.

Модель стейкхолдеров неполноценна при определении цели организации. Но этот подход необходим для общего блага. Он имеет огромное значение, ибо подталкивает менеджмент компании к детальной и глубокой оценке маш-

таба и разнообразия целей, присущих экономической деятельности. Более того, модель стейкхолдеров указывает на действительный риск, сопряженный с применением модели общего блага, т.е. на риск искажения цели сообщества, если оно ставит общее благо выше личности и требует безоговорочного служения обманчивому идеалу.

Бизнес имеет смысл как продолжение и воплощение человеческой жизни, которая обладает некими сверхжизненными ценностями. Сам по себе бизнес ценностью не является, а становится ею только в том случае, если включается во что-то, придающее ему смысл. Деньги, прибыль — важны не сами по себе, а как средства достижения неких сверхжизненных, смысложизненных ценностей.

Корпоративность и понимание общности интересов становится стратегией развития бизнеса. Успешный менеджмент координирует развитие компании в ее взаимодействии с заинтересованными сторонами, повышая стоимость ее нематериальных активов и уровень конкурентоспособности. Бизнес-корпорация — порожденный общественным развитием институт, и представляется очевидным, что организации, занимающиеся бизнесом, должны нести некую ответственность перед социумом, обязаны соответствовать определенным общественным ожиданиям и этическим представлениям.

Сегодня необходимым становится активное взаимодействие: *общества, бизнеса и власти*. Государство в ответе за процесс становления бизнеса социально ответственным, а общество в свою очередь создает этот бизнес, и создает для того, чтобы он служил на благо собственных интересов и интересов общественности в целом. Если, например, государство говорит, что надо быть социально ответственным, но при этом само не занимает этой ответственной позиции, тогда необходимый результат не будет достигнут. В организации работы госаппарата главной проблемой является совмещение двух противоположных ориентаций: на работу по правилам и на работу по достижению конкретной цели (результата). Нынешняя государственная бюрократия не может обеспечить игру по правилам, что очень важно для созревания демократических и рыночных институтов. Эта

проблема связана, прежде всего, с неэффективностью механизмов принятия решений, с коррупцией и общей непрозрачностью государственной службы.

Российскому бизнесу, по крайней мере, многим его группам — не хватает не желания выйти из «тени», а силы и независимости, чтобы такой выход осуществить¹. Ему не хватает общественной и политической поддержки — не эпизодической и избирательной, а постоянной и общей. Он нуждается в том, чтобы общество воспринимало его как носителя не только частных и групповых, но и общенациональных интересов, чтобы общественность ясно представляла себе причины, которые мешают отечественному бизнесу состояться в таком качестве.

Однако нынешний российский бизнес в основной своей массе сам еще не готов консолидироваться и занять независимую позицию в отношении к власти, не готов он и к конструктивным, долговременным отношениям с организованной общественностью, ограничивая их спонсорской поддержкой и благотворительностью, трактуемыми преимущественно как получение рекламных и PR-услуг. Стремление любой ценой добиться роста доходов, рассматривая потребителя не как партнера, а как средство достижения целей, как объект откровенной эксплуатации, вызывает ответную реакцию общественного мнения о российском бизнесе и бизнесменах. Чтобы бизнесу доверяли, он должен быть социально ответственным и доказывать это делом. Более того, доверие вызывает только тот, кто открыт и искренен, чье поведение предсказуемо, кто считается с мнением о нем окружающих.

Одной из основополагающих проблем частного бизнеса и развития российской экономики эксперты называют размытость реальных прав собственности. Содержание собственности (частной или государственной) нередко не соответствует заявленной форме.

Второй момент — готовность к диалогу с бизнесом со стороны государства имеет спорадический характер и по-

¹ См.: Лещенко О.А., Нестеров А.В. Из «тени» в «свет». Социально ответственный бизнес в России. — СПб., 2008.

является тогда, когда это нужно власти. При этом бизнес старается свою позицию высказывать осторожно и сдержанно.

Третий момент – отношение к собственности по принципу «кто владеет», а не «как владеет». Во многом этому способствует отрицательное отношение к собственникам и к собственности, исторически сложившееся в нашей стране. Однако последние исследования говорят о том, что сегодня эта позиция немного меняется. Так, по данным РОМИР Мониторинг, 80% опрошенных положительно относятся к малому и среднему предпринимательству, 60% – положительно относятся к крупному бизнесу, 40% – сами хотели бы быть предпринимателями, 45% хотели бы, чтобы в будущем их дети занимались бизнесом.

Сегодня бизнес оказывается на перекрестии интересов всего общества в целом. Поэтому в решении многих проблем ключевую роль играет позиционирование бизнеса, который, как организованная деловая активность, выполняет ряд важнейших функций в современном общественном развитии. Наука и искусство менеджмента – одно из важнейших достижений цивилизационного опыта. Это непрерывно совершенствующийся синтез теории и практики, анализа и интуиции, функциональных знаний и умения руководить, способности плодотворно вести дела с партнерами, клиентами и сотрудниками. В этой связи можно говорить и о **нравственной** функции бизнеса. Этика деловых отношений играет исключительно важную, если не определяющую роль в динамике нравственной культуры общества. Этика деловой активности выступает своеобразным практическим ориентиром для нравственной культуры всех сфер общественной жизни. Культурные и духовные традиции, вне всякого сомнения, основаны на национально-этнических особенностях, но если они приходят в противоречие с нравственностью, реализующейся в практике деловых отношений, складывается шизофреническая ситуация. Формируется двойная мораль, когда нормы, задаваемые семейным и школьным воспитанием оказываются просто «словом», а эффективное «дело» строится совсем на других ценностях. И, в конечном счете, побеждают не слова, а жизнь, подкрепленная реальными результатами.

Становится ясным, что задача консолидации российского общества – задача во многом технологическая, связанная с конкретными процедурами социального партнерства, смысл которого состоит в налаживании конструктивного взаимодействия между тремя силами – властью, обществом и бизнесом.

Можно сказать, что историческая миссия современного российского бизнеса – самой активной, мобильной части общества, наиболее четко и внятно представляющей не только собственные интересы, но и приоритеты развития страны – не только и не столько экономический рост, сколько создание реального общества социально ответственных граждан.

Перед современным российским обществом стоит задача полномасштабного инновационного развития. Важнейшую роль играет позиционирование бизнеса в современном российском обществе, позиционирование, адекватное роли бизнеса в современном общественном развитии. А эта роль серьезно меняется, что связано не только со стремлением предпринимателей и менеджеров создавать благоприятные условия развития своего бизнеса, воздействуя на социальную среду с помощью корпоративной благотворительности, спонсорства, лоббинга, демонстрации и реализации своей социальной ответственности.

В этом плане плодотворным представляется различение двух принципиально различных ситуаций позиционирования и роли бизнеса². В «холодном обществе», где интересы собственников, групп влияния уже давно получили возможности не только выражения, проявления, но и защиты в законодательстве и культуре правоисполнения, – даже там сейчас говорят о корпоративной социальной ответственности! Что же говорить о российской ситуации еще очень «теплого», не остывшего после первоначального накопления, общества, где собственники и группы влияния находятся еще в стадии осознания, выражения и оформления своих интересов. В этой ситуации роль бизнеса как площадки, инструмента консолидации и реализации различных интересов особенно важна.

² См. статью Г.Л. Тульчинского в этом номере.

Сегодня создаются различные методики, адаптированные к российскому «теплому обществу» и российскому менталитету с учетом западных стандартов. Так, например, разработана программа развития эффективных социальных инвестиций и социального партнерства (ЭСИСП)³, в которой речь идет о социальных инвестициях и социальном партнерстве, эффективных не только для общества, но и для самого бизнеса, об основе и предпосылке самого общественного развития — о социальном партнерстве, сотрудничестве и взаимодействии бизнеса, органов власти, организованной и неорганизованной общественности.

В конечном счете, вся наша проблема в недоверии, так уж сложилось исторически, что русский человек никому не верит, поэтому никогда никого не боится, хотя очень часто чего-то просит, если не сказать — «вымогает». Именно обсуждение российских реалий вызывает бурную реакцию иностранных специалистов на международных конференциях. Им трудно понять менталитет русского бизнесмена и обычного потребителя товаров и услуг. Мы умеем противоречить прописным истинам и мировым устоям, а деструктивную реальность превращать в конструктивное ведение дел.

Российские реалии сталкивают бизнес с множеством проблем: такими, как бедность населения, экономика недоверия, коррупция, но эти условия создает само государство. Бизнес-структуры сталкиваются с властью, после чего каждая приходит к властям и платит, чтобы власть была на ее стороне. Главной экономической задачей нынешней российской власти стало получение доли с бизнеса. Чиновники берут взятки, как и прежде, несмотря на неоднократные повышения зарплаты, а государство их в этом только стимулирует. Российская власть понимает контроль как долю, как кормление. При этом гражданами накоплен колоссальный опыт выживания, обходить всяческие регламенты, прописки и законы, но действовать так, как хочется и главное —

³ Программа «Эффективные социальные инвестиции и социальное партнерство (ЭСИСП): 100+1 принцип ЭСИСП, Матрица ЭСИСП». — М.; СПб; Нижний Новгород, 2008.

добиваться желаемого результата. Опять же получается, что главная проблема России — не экономика. Механизм трансформации общества подразумевает развитие экономической системы и отношений между хозяйствующими агентами, которые складываются за счет не только экономических факторов, но и социальных, политических, культурных, психологических и этических. И на практике оказывается, что сдерживающие факторы лежат не в экономической, а в политической и социально-культурной сферах.

Можно констатировать очевидный факт: крупные компании под руководством государства значительно уступают в эффективности компаниям, находящимся под частным контролем. Более того, именно переход крупных отечественных предприятий в руки собственников привел к существенному росту эффективности, как компаний, так и российской экономики в целом. Выживание экономики и начавшийся ее рост был обеспечен именно этими компаниями. Снижение уровня социальной напряженности за счет возврата таких компаний в руки государства может дать временный эффект, но приведет к падению их эффективности. Таким образом, Россия сможет богатеть и процветать только тогда, когда основой бизнеса будет социально ответственный частный сектор, получающий поддержку со стороны государства и активно участвующий в решении всех проблем развития российского общества.

БРЕНД И ТРОФЕЙ К критике корпоративного разума

А.П. ЛЮСИЙ

Супермаркет — наиболее объемная и выразительная метафора «конца истории» (или бывшей «современности»). Утвердилось понимание постмодернизма как критической реакции на элитарность Высокого модерна. Делаются оговорки, что это деформированная критика, с принципиальным моментом «децентрализации» культуры. Стирая границу между высокой и массовой культурой, постмодернизм

воплощает многие аспекты презираемой ранее культурной индустрии.

Реклама — один из самых вдохновляющих импульсов постмодернизма в процессе ослабления историчности перед лицом новейших ускоренных форм скользящей мимолетности. Вместе с благоговением перед «новой техникой», она становится ключевой эмблемой как новой мировой экономической системы, так и новой эстетики.

Заманчиво было бы определить постмодернизм как момент пресловутого «восстания масс», однако он скорее становится эстетикой «восстания элит» (по выражению К. Лэша). Это модерн, утверждает Филипп Кук, «означает восстание в том смысле, что он представляет собой индивидуальную и коллективную сознательность, социальный и политический потенциал. Постмодерн же означает в первую очередь принуждение, идет ли речь о принудительном перераспределении рабочей силы, вызванном деиндустриализацией, новой техникой и широким распространением временной работы или о рынке, под воздействием которого социальные группы сегрегируются и замыкаются в себе»¹.

Состязающиеся друг с другом в «невесомости» компании обречены на производство не товаров, а брендов, образов, идей, ценностей и самого стиля жизни, создающих пространство принудительного потребления. Структуру данной принудительности вскрыла канадская журналистка Наоми Кляйн в книге «NO LOGO. Люди против брендов». Увидевшая свет в 2000 г. и изданная в России в 2003-м, эта книга стала «Библией антикорпоративного движения». Во введении «Паутина брэндов» автор определяет жанр книги как «попытку уловить антикорпоративные настроения, возникающие у многих молодых общественных активистов»².

Первая часть книги «Без пространства» раскрывает особенности нового мира, в котором состязающиеся друг с другом в «невесомости» компании обречены на производство не товаров, а брендов, образов, идей, ценностей и самого стиля жизни.

¹ Кук Ф. Модерн, постмодерн и город // Логос. 2002. № 3 — 4.

² Кляйн Н. NO LOGO. Люди против брендов. — М., 2003. — С. 16.

В России художественным аналогом данной «Библии» стала повесть Андрея Скобелева «Паратофф». Несколькими развивающимися параллельно и пересекающимися сюжетными линиями с большим количеством персонажей, это произведение создает разноплановый портрет «поколения курьеров», которое не смиряется с ролью своей функциональной «курьерскости», а пытается по возможности выбиться в рекламные агенты. При этом автор демонстрирует умение проникать в шкуру и представителей более старших поколений (вплоть до победных «романов» с их женской половиной). Так получается тоже вполне романная панорама современной России в целом, продолжающая находиться в тисках Чечни (размазанной по просторам «Чечни» как внутреннего состояния и теневой устройки самой России). Я бы предложил такое жанровое определение «Паратоффа» — романский джаз с современными вариациями на мотивы Чарльза Буковски, Райнера Вернера Фасбиндера и Фредерика Бегбедера.

«Наш поезд ушел, мы никогда не станем воротилами бизнеса только потому, что наш папа не был директором металлургического завода, не получим кусочек нефтяной лужи, которая бы приносила нам миллионы каждый год, и не выпрыгнем в топ-менеджеры на собственном авантюризме во всеобщем хаосе девяностых. Мы не разбираемся в хорошем вине, и все наши попытки казаться сведущими в редких выползках в ресторан по крайней мере выглядят придурковато. Даже когда мы решаем купить дорогую фирменную вещь, мы покупаем то, что ни при каких обстоятельствах нам не подойдет и вещь эта будет вопить о нашей ничемности, и сами себе мы будем противны»³.

«Паратофф» Скобелева наполнен короткими бытовыми и взрывающимися быт зарисовками, мастером которых был Василий Розанов.

«Представляете, пришел к ней домой, где говорит, Наташа. А, забыл сказать, он же мент, с Чечни вернулся в свое время. Ну, ему говорят, нет Наташи. Он тогда подходит к ее фотке на серванте, приставляет пистолет к голове и бах —

³ Пленники надежды. Повести. — М., 2008. — С. 68.

лежит кровью с мозгами истекает. Представляете, какое свинство, прийти в чужой дом и мозгами своими все заляпать».

Но у Скобелева такие натуралистические фрагменты становятся частями стройного и динамичного художественного целого.

Наиболее интересные страницы произведения посвящены основному на сегодняшний день рекламному бизнесу, вероятно, знакомому автору не понаслышке. Невольно вспоминается популярный французский бестселлер «99 франков», с которым стремительно ворвался на мировой, и в частности, российский книжный рынок Фредерик Бегбедер. Сравним его зачин:

«Все продается: любовь, искусство, планета Земля, вы, я. Эту книгу я пишу, чтобы заставить моих шефов уволить меня. Если я уйду по собственному желанию, не видать мне никаких компенсаций как своих ушей. Так что я вынужден подпилить сук, на котором зиждется мое благополучие. Моя свобода называется пособием по безработице. Я предпочитаю быть вышвырнутым из фирмы, нежели из жизни, ИБО МНЕ СТРАШНО». Но у Скобелева свой, подогретый собственным опытом, градус интонации «(анти)рекламы рекламы». «Да нет уж, давайте я вам все подробненько расскажу, у меня в резюме этого нет, я сейчас вам такого порасскажу, уши завянут слушать, а чего вы хотели, я сейчас распинаться буду, как я люблю вашу компанию, как работать у вас хочу, хренушки, ... мне деньги нужны, понятно? День-ги!...».

Автор проводит своего рода парад «элитных войск рекламного рынка»:

«Где еще мы могли заглянуть в их мозги и узнать о том, как живет простой человек. Только за зеркальным стеклом фокус-комнат, да по распечаткам социологических компаний. Большинство из нас ездили на машинах, а те, кто их не имел, да и то “из принципа”, а не из-за невозможности купить, ездили либо на такси, либо в метро, заткнув уши наушниками и изображая на лице гримасу безразличия, хватаясь за ручки в метро средними пальчиками...».

Еще и еще раз автор зрит в корень:

«Что ни говори, реклама — удел неудачников, причем сознательных неудачников, мечтающих о том, чтобы стать неудачниками. Если раньше были союзы писателей и художников, которые обеспечивали все жизненные блага, то в наше время всех Толстых и Малевичей загнали в кондиционированные помещения рекламных агентств.

Неудачникам платят большие деньги, чтобы они меньше вели внутренних монологов и не помышляли о выходе из рекламы. Те наивные придурки, которые решили немного подхалтурить в рекламе и вернуться к высокому и вечному и не подозревают в какое логово они попали. Нет, так не получится, что между двумя сценариями ролика ты черканешь пару-тройку гениальных мыслей для будущего романа или вечером, проведя за огромным “лосем” целый день, вырисовывая фильтр сигареты, ты создашь бессмертную картину.

В рекламе нет даже запаха творчества. Все, что делается — это жалкие потуги компиляторов, собирающих материал из живой, подлинной жизни, обрабатывающих для того, чтобы ударить по простому человеку эффектом узнавания.

В этой системе действуют два вида “творцов” — генераторы и синтезаторы. Первые — вид вымирающий, редкий в большинстве мест исчезнувший окончательно. Эти не потеряли внутренней свободы и полностью отдались рекламе, забыв о собственных амбициях стать великими писателями, художниками или режиссерами. Вторые — целая масса искалеченных людей, сошедшие до уровня обезьян, способных только высмеивать готовые идеи или лепить из них поделки, выдавая за свои. Такие вечно жалуются на то, что все идеи уже были и нового придумать уже ничего нельзя.

Другой тип современного ландскнехта «элитных войск» — «свободный журналист Костомаров, промышленяющий в Чечне по разным линиям фронтов:

«Таких, как я, адреналинщиков, вообще-то много было, и главное не боялись, что в рабство возьмут, те, кстати, уважают таких свободных джигитов, чувствуют, что терять нам нечего, к себе зазывали, некоторые уходили к ним...».

Именно в его уста автор вкладывает представление картины бойни и Большого Чеченского Пленения:

«...Это ж какие куриные мозги надо иметь, чтоб патроны на мясо менять, потом эти пули в лоб себе получать, или колеса от бэтээр загоняли, а потом из засады не могли уйти. Их обычно продавали на базарах, чтоб батрачили до изнеможения. Убивать не убивали, по крайней мере у Рустама в отряде, он этих дел не любил, он же учителем труда был в школе, говорил, я своих учеников не убиваю, а вот за дурость их пусть отработывают».

У Костомарова все же пробуждается что-то, похожее на совесть, когда он вспоминает о встрече с несгибаемым солдатом, настоящим кавказским пленником, при этом однозначно мужчиной, получившим в плену кличку «Трофей»:

«Я тогда-то и задумался о своей паскудности, понял, в чем его сила была, и моя слабость. Конечно, я весь из себя свободный был, войну в себе переборол, только корней у меня не было, на все два мнения противоположного имел, а своего — хрен, и ничем я не изменился там, как был амёбой так и остался, разницы никакой, что в Москве бухать, что в Чечне по горам прыгать. Вся разница между мной и Субботиным этим в том и была, что он у стенки смотрел бы в дуло с презрением и усмешкой, а я с пустыми глазами...».

То, что «рекламному» герою, разработавшему концепцию нового сорта водки «Паратофф», явно в честь (анти)-героя «Бесприданницы» Александра Островского, кажется абракадаброй (кавказское имя-отчество хозяина алкогольного предприятия сливается в «шимиротактыч», как «ефраншиш» в «Петербурге Андрея Белого, или странной прихотью (пиво «Трофей, бренд которого приходится раскручивать), выстраивается к концу произведения в связанное целое.

«Из искры “рекламоборчества” разгорится “сдвиг парадигмы” в общественном сознании», — считает Ноами Кляйн. В эпоху первоначального накопления капитала в Англии «овцы съели людей». Теперь изображенный на ярлыке одежды метафорический, аллегорический аллигатор вырастает до таких размеров, что поглощает блузу, на которой вышит. Благодаря системе массового обращения к целому поколению (в том числе к самым обездоленным слоям этого поколения), возникают брэнды-люди и брэнды-

нации ходячих рекламных щитов, племя глобальных тинейджер-кочевников, осуществляющих в однородном рынке культурный взаимообмен. «Корпоративное пространство, — полагает Н. Кляйн, — представляется подобием фашистского государства, где все мы отдаем честь логотипу и почти не имеем возможностей для критики, потому что наши газеты, телеканалы, Интернет-сервис, уличные и торговые пространства сплошь контролируются транснациональными корпорациями и обслуживают их интересы»⁴.

У А. Скобелева «Трофей» — удачный «бренд» самой России, но ставший невольным участником его рождения Субботин, из которого нового хозяева пытаются сделать киллера, не стал покорно нести этот рекламный щит. Кавказский пленный от Скобелева, уже теряя сознание после «контрольного» выстрела и последним сверхчеловеческим усилием проникая в сознание любимой девушки, вносит в мировую критику бренда свою стилистическую специфику:

«Каждая марка — это как деньги, деньги обеспечены золотом, а марка обеспечена человеком. Есть человек — есть марка, нет человека — марка погибает, понимаешь, о чем я, ты не просто руководишь процессом, ты обеспечиваешь марке жизнь... и даже не думай, что все придумали с твоим приходом, все было придумано до тебя, они нарисовали образ марки и уже искали конкретного человека, понимаешь, они нашли тебя, со мной было по другому, я все еще в плену, меня продали аслану, кличка у меня была трофей, вот аслан и решил свое пиво трофейным назвать, понимаешь, это страшные люди, анечка, маленькая моя, у тебя еще есть время смотаться от них, все не то кругом, пойми, из тебя выжимают по-немногу, потом ты окажешься на моем месте, ты станешь брендом, как и все остальные, ты их видела уже, у них глаза стеклянные, они не чувствуют ничего, я сопротивляюсь, со мной сложнее справиться...».

Вторая часть книги Н. Кляйн «Без выбора» повествует об этой глобальной армии подростков-клонов, марширующих в глобальный супермаркет. Устраивавшие «рок-демонстрации» во время натовских воздушных налетов на

⁴ Кляйн Н. NO LOGO. — С. 552.

Белград в 1999 г. подростки вызывающе жгли американский флаг, но одеты-то они были в бейсболки баскетбольной команды Chicago Bulls. Именно массовой культуре удалось перекинуть мосты через пропасти военного времени, а западные массовые СМИ ввели первый по-настоящему глобальный лексикон образности, музыки и символов, «не-что вроде глобальной азбуки Морзе массовой культуры»⁵.

Третья часть книги «Без работы» — об «экономическом туризме» компаний, занятых поиском дешевой «блуждающей рабочей силы» (наиболее дешевой на сегодняшний день в Китае). Такие производители брендов, как Nike (не производящая ни одной пары кроссовок в США, при тысячекратной разнице между себестоимостью и ценой товара), Gap, IBM и другие, держа в руках бразды правления, практически отменили в азиатских странах Марксово противоречие между трудом и капиталом. Ведь они отказались от средств производства, не желая обременять себя ответственностью, налагаемой формальным владением и управлением предприятиями и наймом рабочей силы.

В четвертой части «Без брендов» делается попытка свести воедино разнообразные движения «рекламоборчества». Движение «глушения культуры» напоминает философскую деконструкцию своей попыткой обратить внимание общества на исходную стратегию корпорации. Движение «Вернуть себе улицы» устраивает акции, мгновенно превращающие транспортные артерии в сюрреалистические детские площадки, а «садовники-партизаны» осуществляют бунтарские посадки деревьев. Однако маркетологи находят способы переключения «глушения культуры» в особый тип нелинейной рекламы, которая способствует движению товара с полок магазинов в руки жаждущей «крутизны» молодежи. Появляется нагруженный иронией, «метаподсознательный» субжанр рекламы. «Всеобщий карнавал против капитала», делает вывод Н. Кляйн, необходимо выстроить в глобальное сопротивление — высокотехнологичное и опирающееся на широкие народные массы, целеустремленное и в то же время децентрализованное.

⁵ Там же. — С. 234.

В послесловии «Пройти сквозь символы» Н. Кляйн вводит свою книгу как попытку перевода знания в политическое действие, в контекст последних мировых событий. Она полемизирует с попытками перевода символических атак террористов на Всемирный торговый центр и Пентагон 11 сентября 2001 г. полностью в символическое измерение (как «крайнее проявление идеи антикорпоративного протеста»). «Идея “свободной торговли” как новый общественно-политический бренд, стоявший в одном ряду с шопингом и бейсболом, в соответствии с канонами классического маркетинга была подвергнута перепозиционированию — и теперь поддержка свободной торговли стала патриотическим долгом». Однако новая ментальная линия фронта, согласно которой критиковать американское правительство и стоять на пути рыночной глобализации — это значит быть на стороне террористов, таит вопиющую логическую ошибку. «От частной охраны в аэропортах, не сумевшей обнаружить оружие у угонщиков, и частных благотворительных организаций, так неумело предоставлявших помощь жертвам террористических актов, до правительственной помощи корпорациям, отнюдь не способствовавшей стимулированию экономики, — либеральная экономическая политика не помогает, а скорее мешает выиграть войну против терроризма». Кляйн с сочувствием приводит мнение индийского писателя Арундхати Роя: «Люди мира не обязаны выбирать между талибами и правительством США. Вся красота человеческой цивилизации — наше искусство, наша музыка, наша литература — лежат вне этих фундаменталистских, идеологических полюсов»⁶.

И антикорпоративная библия Н. Кляйн, и роман А. Скобелева показывают, что наступила необходимость пройти через символы как через дверь в освобожденное общественное пространство. Оба автора противопоставляют ослаблению историчности более адекватные ситуации формы активной социальной и художественной коммуникации.

⁶ Там же. — С. 555.

УНИВЕРСИТЕТ КАК НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОРПОРАЦИЯ: ДУАЛИЗМ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ И ВЫБОР ПРИОРИТЕТА

В.И. БАКШТАНОВСКИЙ,
М.В. БОГДАНОВ,
Ю.В. СОГОМОНОВ

Проблемная ситуация

Феномен корпорации в становящихся привычными аспектах его исследования – «корпоративное государство», «корпоративный бизнес», «корпоративная культура», «корпоративизм как ценность гражданского общества» – предмет неугасающего внимания исследователей¹. Неугасающего, как в пафосной апологии, так и в острой критике.

Проявления последней могут быть и весьма поверхностными (категорическое отождествление с мафией, например), и весьма глубокими (например, акцентирование исторической связи феномена корпоративизации общества с тоталитарными режимами и современных проявлений корпоративизма как «локального тоталитаризма»).

Внимание исследователей к феномену корпорации стабильно настолько, что даже такая новая актуализация феномена, как «социальная ответственность бизнес-корпораций», из остро модной скоро превратится в почти рутинную, и, вероятно, далее сможет развиваться уже не за счет доказательств ее необходимости, а за счет ее обеспечения гуманитарными технологиями.

Однако до рутинности темы еще далеко, если обратиться к проявлениям феномена корпоративности применительно к сложным институциям, организующим деятельность *высоких* профессий. Институциям-организациям, которые в рыночных условиях даже если и не стремятся стать бук-

¹ См., напр.: Вебер М. О некоторых категориях понимающей социологии // Вебер М. Избр. произв. – М.: Прогресс, 1990; Галкин А.А., Красин Ю.А. Россия: Quo vadis? – М., 2003; Дух корпорации // Этика успеха. Вып.4. – Тюмень; М., 1995; Становление духа корпорации: правила честной игры для сообщества журналистов. – М., 1995; Перегудов С.П. Корпорации, общество, государство: Эволюция отношений. – М.: Наука, 2003; Неприкосновенный запас. 2006. № 4 – 5.

вально бизнес-корпорациями, то вольно-невольнo рискуют в них превратиться. Речь идет о все более распространяющейся тенденции корпоративной идентификации и самоидентификации университетов (далее – КСИУ). Тенденции, усиливающейся благодаря активности исследователей и практиков управления университетами.

Правда, *не* рутинной актуализация КСИУ окажется лишь при выполнении ряда условий:

- Если** подвергнуть рефлексии *мотивы* и *последствия* такой идентификации.
- Если** предпринять гуманитарную экспертизу практики превращения университетов в корпорации=*деловые предприятия*, включенные в *индустрию образовательных услуг*.
- Если** сосредоточиться на ключевой дилемме самоопределения университета: университет – «хозяйствующий субъект» на рынке «образовательных услуг» или научно-образовательная корпорация, сориентированная на ценности *высокой* профессии?²
- Если** поставить вопрос о необходимости определения *университетского приоритета* в конфликте корпоративных ценностей «высокой профессии» и корпоративных ценностей «хозяйствующего субъекта».
- Если** предложить гипотезу о самоидентификации университета в качестве *научно-образовательной корпорации*, системообразующим смысло-ценностным ориентиром и регулятором которой становится ценностный мир науки и образования как *гуманистически мотивированных* профессий, мир профессионалов, призванных к *служению*.
- Если** при этом поставить задачу избежать *банализирования* КСИУ таким образом, чтобы из-за фобии к *менеджеристскому фундаментализму* не противопоставлять ему тотальный антикорпоративный нигилизм.

Дуализм корпоративной самоидентификации университета: ценностное напряжение

КОРПОРАТИВНАЯ самоидентификация университета имеет место в ситуации многообразия значений термина

² Базовые профессии научно-образовательной деятельности – преподаватели, исследователи – идентифицируются как *высокие* профессии в том смысле, что они несут в себе особую социально-гуманитарную миссию и ответственность перед обществом. (Уточним, что формат *дилеммы* относится скорее к отечественному университету.)

«корпорация». Корпорация ученых; корпорация студентов; корпорация выпускников; корпорация профессоров и студентов (вариант: «академиков» и «школяров»); корпорация ученых, преподавателей, сотрудников и студентов; университет как региональная корпорация; корпоративный университет; системно интегрированная единица индустрии образования, университет как научно-образовательный комплекс и т.п.

Многообразие значений термина «корпорация», которое можно обнаружить в исследовательских работах³, в практике самоидентификации университетов, фиксируемой в нормативно-ценностном кодифицировании⁴, в принципе, сводится к альтернативе: либо университетская корпорация как «бюрократически организованное предприятие» в сфере индустрии образования — либо научно-образовательная корпорация, вдохновляемая ценностями *высокой* профессии. Однако *реально* доминирует в практике КСИУ одна из этих альтернатив: дискурс о корпоративном духе университета, научно-образовательная деятельность которого ориентируется на ценности высокой профессии, *подминается* дискурсом о режиме управления в «публичных коммерческих предприятиях». Соответственно, чаще всего речь идет лишь об *одной* версии корпоративной этики университета: не о ценностях и нормах ученого, не о педагогической этике, но о кодексе сложно организованного *предприятия по оказанию образовательных услуг*.

ПОНИМАНИЕ мотивов корпоративной самоидентификации университета — особая задача.

³ См.: Становление духа университета: опыт самопознания / Под ред. В.И. Бакштановского и Н.Н. Карнаухова. — Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2001; *Осинов А.М., Иванов С.В.* Университет как региональная корпорация // Социс. 2004. № 11; Шанс успеха: университет как научно-образовательная корпорация. — Тюмень, 2006; *Агранович Б.Л., Похолков Ю.П.* Миссия инновационного (предпринимательского) университета (<http://aeer.cctpu.edu.ru/winn/magazine/m2/st1>.)

⁴ Аналитический обзор этой практики см.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* «Дух университета»: проектно-ориентированная институционализация в этическом кодексе научно-образовательной корпорации // Новое самоопределение университета / Ведомости. Вып. 33. — Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ. 2008.

* **Мотив КСИУ** может быть вполне *идеалистичным*. «Корпорация» в этом случае — скорее завораживающая метафора, звучащая для университета ностальгически, возвращая во времена средневековых университетов. В значении относительно автономной — от заинтересованных в преодолении автономии университета властных сил — замкнутой ассоциации, которая на определенных условиях выражает интересы своих членов и защищает их. Подчеркнем: добровольного объединения, в котором человек принадлежит самому себе, а корпорация только защищает его и усиливает индивидуальные возможности. И метафора «дух корпорации» («эспри де кор») — из тех времен. Метафора, которая имеет, прежде всего, этическое измерение с сильно выраженным акцентом на представлениях об общей судьбе корпорантов, их взаимной ответственности, призвании, солидарности.

Мотив КСИУ может быть и в меру *реалистичным*, а метафоричность уменьшена: речь идет об ожидании *организационного эффекта*. Как известно, чаще всего в качестве корпорации характеризуется всякая достаточно сложная организация, ориентированная на достижение какой-либо заранее фиксированной цели, что требует согласованных действий ее членов; в такой организации доминирует функция управления и, стало быть, определенным образом подготовленный персонал.

Эти признаки вполне присущи и университету, особенно — большому университету, университетскому комплексу и т.п. Вероятно, именно эту ситуацию имели в виду авторы «Бухарестской декларации...», отмечающие превращение университетов «в комплексные и крупномасштабные учреждения, для управления которыми уже недостаточно руководствоваться традиционными академическими и коллегиальными нормами»⁵.

И при доминировании организационного мотива значим эффект «эспри де кор». Можно сколько угодно ассоциировать «персонал» университета, но «на выходе» получится лишь механическое соединение лиц, групп и интересов, шаткие конгломерации. И так будет до тех пор, пока не сформируется таинственное *склеивающее вещество* духовного свойства.

Свойства, побуждающего припомнить основательно забытый «дух» трудового коллектива. В действительности же можно бесконечно долго говорить о коллективизме и методах его

⁵ См.: Бухарестская декларация этических ценностей и принципов высшего образования в Европе (www.aha.ru/~moscow64/educational_book).

укоренения, вводить и исчислять коэффициенты сплоченности трудовых коллективов (были и такие), однако все это очень далеко от свободного духа корпорации. Дело в том, что в принятой в нашей стране версии понятия трудового коллектива на передний план выводился патернализм, привязанность к государственному опекунству; делалась ставка не столько на производственные или творческие достижения, эффективность и успешность деятельности, сколько на распределительные калькуляции; не столько на самостоятельность работников и их социальную ответственность, сколько на долг бездумного подчинения и ответственности по «вертикали».

Мотив КСИУ может быть и *сверхрациональным*: слово «корпорация» в самоидентификации университета предопределено прагматическими рыночными устремлениями, фиксируя не просто юридически определенную организационную форму предприятия, но интеграцию университета в рыночную индустрию образования. В этом случае «дух корпорации» рискует притянуть к себе «дух» бизнеса. Особенно при не критической интерпретации термина «предпринимательский университет». Не случайно уже упомянутая «Бухарестская декларация...» начинается с характеристики *проблемной ситуации*, среди признаков которой — проблема «равновесия между деятельностью университетов во благо общества и их предпринимательством».

Еще один мотив КСИУ — верность ценностям научно-образовательной деятельности как высокой профессии. Этот мотив усиливается благодаря проблематизации других мотивов КСИУ: не слишком ли вольно университеты сегодня прибегают к корпоративной (само)идентификации, беззаботно отложив на отдаленные времена процедуру прояснения ее актуального смысла(ов) или, напротив, без особой рефлексии отдают приоритет менеджеристской версии КСИУ?

Что особенно важно: продвигая в университет корпоративную этику в ее менеджеристском видении, осознают ли сторонники КСИУ ее «плюсы» и «минусы», предполагают ли профилактику «минусов» (отражающихся, например, в содержании университетских миссий и кодексов)? Достаточно вспомнить о таких последствиях КСИУ, как приоритет корпоративной этики перед этикой профессиональной и этикой общеобщественной; подавление индивидуального морального выбора ради выбора организационно-группового; категорическое требование корпоративной лояльности с жестким контролем, совсем не исчерпывающимся лишь моральными санкциями...

ПОЛАГАЯ, что университет — не «хозяйствующий субъект», а научно-образовательная корпорация, мы исходим из предположения, что такая квалификация университета предполагает оба возможных значения его корпоративной (само)идентификации, *гуманитарное* и *менеджеристское*: корпорацию «зримого колледжа» деятелей *высокой* профессии и корпорацию-предприятие, а соответствующие каждому из этих подходов ценности должны быть организованы в рамках нормативно-ценностной системы университета в определенную *конфигурацию*.

Тем самым мы фиксируем *дуализм* корпоративной (само)идентификации университета. Дуализм, которой создает особое ценностное напряжение. Но не просто *фиксируем*, а подчеркиваем: для разрешения такого дуализма университету важно не забыть, что интересы корпорации-организации здесь скорее *средство*. Очень важное средство — без корпоративной организации базовые профессии научно-образовательной деятельности современных университетов бессильны. Но все же *средство*, а *цель* — ценностные ориентиры *высокой* профессии.

При этом целесообразно дискутировать гипотезу о доминировании в нормативно-ценностной системе *такой* корпорации ориентиров *высокой* профессии (ипостась гуманитарного подхода) над ориентирами *корпоративной этики* (ипостась менеджеристского подхода).

Приоритет ценностей «зримого колледжа» деятелей «высокой профессии» над корпоративными ценностями «хозяйствующего субъекта»

Представим особенности ценностей каждого из направлений КСИУ: *менеджеристского* и *гуманитарного*, полагая, что их сравнение «скажет само за себя». Разумеется, мы не упустим возможности прокомментировать эффекты корпоративной (само)идентификации университета в том и другом подходах.

Менеджеристский подход

Грани менеджеристского *образа* университета как корпорации: «бюрократически организованное предприятие»;

«объединение первичных деловых организаций – кафедр, учебных групп, массы вспомогательных подразделений», «хозяйствующий субъект на рынке образовательных услуг», «уровневые конструкции, состоящие из большого числа взаимосвязанных и взаимодействующих между собой элементов» и т.п.

Предпосылки для формирования менеджеристского образа КСИУ можно увидеть в сравнении исторически выделенных типов университетов. В классификации этих типов, предпринятой С.А. Смирновым, показаны признаки и последствия смены в ситуации модерна модели КСИУ средневекового университета как корпорации профессоров и учеников моделями университета=делового предприятия и университета=супермаркета.

«Первые европейские университеты рождались из ремесленных цеховых корпораций. Сорбонна и Пражский университет были похожи на цеха мастеров. Вокруг мастера собираются ученики и им передается тайна мастерства из рук в руки, лично учителем. Учитель имел небольшое число учеников. И здесь главным была практика передачи образцов от учителя к ученику. Здесь формировалась контактная педагогика», – пишет автор, подчеркивая: «этот тип важнее для понимания того, кто такой учитель как носитель живого образца и что он делает, когда учит?»⁶

Не используя корпоративную лексику, автор при характеристике других исторически выделенных типов университетов дает возможность увидеть два этапа формирования менеджеристского образа КСИУ. Так, согласно С.А.Смирнову, один из типов – *университет-предприятие (фабрика)*. «К началу бурного индустриального развития все более востребованным становится университет-предприятие, производящее большое количество специалистов для нужд развивающейся экономики. В таком типе наука уходит на второй план и вместо освоения основ наук студент осваивает системы знаний, упакованных в учебные предметы». Как

⁶ Смирнов С.А. Российская высшая школа: на пути к новым институциям // Научные записки НГУЭУ. 2008. № 1. Цит по: www.antropolog.ru/doc.php?id=335.

подчеркивает автор, «эта массовая модель более технологична. В ней формируется своеобразный образовательный конвейер. Такая модель востребована в эпоху подготовки специалистов в массовом масштабе. Большинство российских вузов до сих пор работает по такой модели».

Переходя к периоду после Второй мировой войны, автор говорит об известном феномене демократизации и массовизации образования в развитых странах, превращении образования в доходную отрасль экономики. «Университет может быть описан как большой супермаркет, в котором есть большое количество услуг, которые можно купить. Студент ходит по этому супермаркету и выбирает те услуги, которые ему более всего подходят. Он набирает корзину этих услуг, как набирает товаров покупатель. Такая модель была выработана в американских университетах». Для нашей темы важно, что, по мнению автора, в этом типе университета «появляется новая фигура менеджера образования, который вообще не занимается студентами как некими персонами. Он занимается обеспечением процесса прохождения студентов по схемам обучения, обеспечением того, чтобы машина образования работала, чтобы студенты набирали свои кредиты, чтобы работала система взаимозачетов. Это в принципе такой же конвейер, но более гибкий и задающий некое пространство выбора для студента и также удаленный от студента и преподавателя»⁷.

Аргументация менеджеристской версии КСИУ исходит из апелляции ее сторонников к развитию рыночных отношений в России, которое, с их точки зрения, сказывается не только на деятельности коммерческих формирований, но и на системе высшего образования. Исходя из этого тезиса, И.В. Андропова и Л.Л. Тонышева полагают, что «получив новые обязанности и свободы, вузы создают новые структуры, близкие к тем, которые традиционно используют предпринимательские организации. Одним из путей решения данной проблемы является объединение научно-образовательных структур. Это обусловлено преимуществами

⁷ Там же.

корпорации по сравнению с малыми и средними предприятиями»⁸.

«Корпоративный подход» авторы идентифицируют как «непосредственную организацию относительно замкнутой сети научно-образовательных связей на основе владения (управления) звеньями, вошедшими в сеть или договоренности участников этой сети об их использовании с учетом взаимных интересов». А причиной объединения считают «стремление получить или усилить синергический эффект, то есть взаимодополняющее действие активов двух или более организаций, совокупный результат которого превышает сумму результатов отдельных действий этих структур».

В качестве основного мотива объединения авторы называют обеспечение «посредством интеграционных процессов» конкурентоспособности университета «на основе реализации социально-значимой целевой направленности вуза» и «формирование специалистов XXI века в единстве высокого профессионализма, творческого интеллекта, нравственной зрелости, способствующих своей деятельностью поступательному развитию России, а также решению всего спектра социальных, экономических и других задач».

Если использовать предложенный нами набор мотивов КСИУ, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с таким вариантом мотивации менеджеристского видения КСИУ, как *сверхрациональный эффект*.

Конкретизируем собирательный образ менеджеристского видения КСИУ, обратившись к опыту его приложения к деятельности отечественных университетов.

Поставив вопрос о применимости понятия «корпорация» к университету, А.М. Осипов и С.В. Иванов стремятся выделить признаки КСИУ. Ссылаясь на исследование социологии организаций А.И. Пригожиным, полагающим, что корпорация — вид (уровень) организации, возвышающийся над отдельной деловой организацией, авторы утверждают, что «такое понимание корпорации подходит и к университету в том плане, что он представля-

⁸ Андропова И.В., Тоньшева Л.Л. Корпорация как региональный центр образования и науки // Шанс успеха: университет как научно-образовательная корпорация. — С. 36 — 37.

ет собой объединение первичных *деловых организаций* — кафедр, учебных групп, массы вспомогательных подразделений». Кроме того, «университеты не только развивают уникальные направления образовательной и научно-исследовательской деятельности, но и перешагивают в этой деятельности далеко за рамки своих городов и даже регионов, развивая собственную сетевую структуру с гибкими линейными связями». И еще одним важным признаком корпорации является то, что «она, идентифицируясь в конкурентной среде как целое, противопоставляет себя внешней конкурентной среде»⁹. Авторы рассмотрели особенности конкретной университетской корпорации на основе материалов социологических исследований, проведенных в Новгородском государственном университете им. Ярослава Мудрого (НовГУ). *Черты корпорации* они увидели в целом ряде признаков университета. «1) институциональная и организационная *устойчивость* (университет отчасти сам развивает стандарты деятельности и собственную структуру); 2) определенная узкая сфера деятельности, специфичность продукта (наука и высшее образование в конкретных специальностях); 3) обладание кадровыми и информационными ресурсами, составляющими основу корпоративного капитала, наращивание которого зависит от положения в отраслевой конкурентной среде (в региональном, национальном или международном масштабе); 4) локальный и сетевой характер деятельности университета; 5) относительная общность интересов и социально-экономического положения большинства сотрудников, зависящего от формирующейся вокруг университета конкурентной среды и клиентской базы; 6) *иерархическая* социальная организация многочисленного персонала, при которой возможно «смещение целей» — расхождение в интересах управляющего эшелона и массы рядовых сотрудников»¹⁰.

Поддержание «корпоративного духа» составляет в большинстве университетов предмет особой заботы руководства. Это важно для работы с абитуриентами. Большинству преподавателей свойственны гордость за публично признаваемые достижения вуза, а также противопоставление «своего» коллектива, «своего» вуза другим корпорациям. В еще большей степени они характерны для управленческого эшелона: ректорат, деканаты, заведующие кафедрами.

Если использовать предложенный нами выше набор мотивов КСИУ, то здесь мы, скорее всего, имеем дело с *в меру*

⁹ Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация. — С. 106.

¹⁰ Там же.

реалистичным мотивом менеджеристской версии КСИУ (организационный эффект).

(Само)критичности менеджеристского видения КСИУ могло бы помочь понимание порождаемого им *конфликта* двух видов ценностей. Конфликта, давно уже зафиксированного исследователями. Одну из формул этого конфликта мы находим у Г.С. Батыгина: «Большинство исследователей и преподавателей стремятся к автономии и академической свободе; они могут сохранять лояльность по отношению к учреждению лишь в той степени, в какой она не противоречит ценностям науки. Иначе университет рискует потерять “людей науки”. Потеря произойдет и в том случае, если “люди науки” усвоят деловые и коммерческие навыки»¹¹. Показательно, что Т. Веблен предупреждал о последствиях трактовки американского университета как капиталистического предприятия: «подчиняясь “ценностям и законам рыночного выживания, нормам предпринимательства”, университеты “отстают от истинных целей и ценностей высшего образования” и тем самым “закладывают основу социальных конфликтов в университетском сообществе”»¹².

ВЕСЬМА наглядный материал для выяснения связи менеджеристского видения КСИУ с определенной парадигмой корпоративных ценностей университета дает анализ текстов корпоративных кодексов. Корпоративные кодексы ряда университетов институализируют отмеченные выше приоритеты менеджеристского видения КСИУ. Еще раз отсылая читателя к нашему анализу соответствующих текстов¹³, укажем здесь на факт внесения в кодексы мотивов, логики и языка менеджеризма — их абсолютизация приводит к оформлению приоритета ценностей корпоративной этики организации над ценностями научно-образовательной деятельности как *высокой* профессии. Характерный

¹¹ См.: Становление духа университета: опыт самопознания. — С. 83.

¹² Осипов А.М., Иванов С.В. Университет как региональная корпорация. — С. 105.

¹³ См.: Бахитановский В.И., Согомонов Ю.В. «Дух университета»: проектно-ориентированная институционализация в этическом кодексе научно-образовательной корпорации.

пример — «Кодекс корпоративной этики Современной гуманитарной академии»¹⁴. Уже в формулировке задач кодекса читаем: «определение основ взаимоотношений СГА с клиентами, деловыми партнерами и конкурентами, разграничение прав внутри корпорации; ...разъяснение сотрудникам СГА их персональной ответственности за исполнение своих должностных обязанностей и роли в реализации миссии перед клиентами, к которым относятся студенты, и деловыми партнерами». «Корпоративный» язык определения задач здесь не случаен. В статье 8 («Обязанности сотрудников как членов корпорации») читаем: «Сотрудники действуют, в первую очередь, в интересах академии, отдавая им приоритет по отношению к собственным интересам или выгодам». Даже если помнить, что СГА — негосударственный вуз, как быть с социальной миссией образовательной деятельности, с природой ее базовых профессий, никак не сводимой к природе бизнеса? Не требуют комментариев прозрачно декларируемые мотивы «этического кодифицирования»: «Сплоченность коллектива и соучастие, присущие СГА, позволяют быстро и с низкими затратами решать возникающие рабочие проблемы, что повышает конкурентоспособность компании и ее привлекательность в образовательном пространстве».

Наиболее открыто «говорящая» о бизнес-формате этического кода академии — статья «Правила поведения в коллективе»: «Схемы принятия решений и ценностные ориентации в коллективе остаются устойчивыми и стабильными, периодически обновляясь из соображений эффективности. Повышение конкурентоспособности СГА через работу сотрудников происходит путем организации совместной, коллективной работы и заботы о повышении квалификации наемных работников. Приветствуется умение работать в команде. При общении по рабочим вопросам руководства и подчиненных недопустимы личностные влияния с любой стороны, выработка решений, несоответствующих принципам справедливости. Между сотрудниками одного должностного уровня допускается неформальное разрешение ра-

¹⁴ www.muh.ru/sotr_kodeks.htm?user=747638383b75967abfb53bb0673ba2af

бочих проблем, если это способствует наиболее эффективной работе. Приветствуется решение текущих вопросов (в рамках компетенции) сотрудниками одного уровня, без привлечения руководства».

ЗАВЕРШАЯ эскизную характеристику эффектов *менеджеристского* подхода к корпоративной (само)идентификации университета, определяющих в его нормативно-ценностной системе приоритет ценностей «хозяйствующего субъекта», полагаем необходимым сказать, что сторонникам менеджеристского подхода, продвигающим в университет корпоративную этику, важно отразить его «плюсы» и «минусы», задуматься о профилактике «минусов», отражающихся, например, в содержании университетских кодексов.

Поэтому подчеркнем еще раз *моральные риски* этого подхода. Прежде всего, ему предстоит найти аргументы, способные противостоять распространенному образу «духа корпоративности» как *духа бюрократизма*. Пакет его «добродетелей» — «верхоглядство», патронально-клиентельные подходы к деловым отношениям, готовность пойти на ранговые сделки «верхов» с «низам», подмена профессионального достоинства безропотным исполнением, отказ от не предписанной «инстанциями» суверенности решений и оценок, от измерения внутрикорпоративной политики с помощью нравственных критериев и т.п.

Эти «добродетели» стимулируют застарелые пороки иждивенчества, конфликты индивидуальных интересов и солидаристских ценностей, вертикальной и горизонтальной ответственности. В результате снижается тонус нравственной жизни корпорации. Испытаниям подвергаются честь и достоинство профессионалов, которых язык не поворачивается называть корпорантами — в лучшем случае они остаются «служащими», «работниками», «персоналом».

Менеджеристскому подходу предстоит также осознать необходимость программы профилактики *нравственных оппозиций* корпоративизма. Например, с одной стороны — предоставляемая организацией профессионалу возможность удовлетворения потребности в профессиональном признании, профессиональном общении; с другой — зави-

симость морального самочувствия от такого признания корпорацией может оказаться *приспособленчеством* к практикуемым в ней стандартам. Распространенный «выход» — отказ от основ профессии, профессиональной свободы, ограничение личной свободы выбора во имя «моральной спайки».

Гуманитарный поход

ГУМАНИТАРНАЯ парадигма КСИУ не исчерпывается критическим пафосом относительно негативных последствий КСИУ в менеджеристской парадигме. Трактовка университета как научно-образовательной корпорации, «зримого колледжа» профессионалов, вдохновляемого ценностями высокой профессии, предполагает мобилизацию потенциала университетской корпорации на служение базовым ценностям научно-образовательной деятельности.

Выше среди мотивов КСИУ мы выделили и мотив «идеалистический», имея в виду, что термин «корпорация» звучит скорее как завораживающая ностальгическая метафора. Разумеется, в эпоху «индустрии образования» возродить дух средневекового университета нереально, как и удержать дух «моральной и интеллектуальной независимости от любой политической власти и экономической силы» («Великая хартия европейских университетов»). Но такой атрибут университетской корпорации, как ценности профессионального призвания, взаимной ответственности за профессию, профессиональной солидарности и т.д., не только не потеряли свою роль, но составляют сердцевину современной идеи университета, *профессионально-этический ориентир* КСИУ.

Общеизвестно, что исторический синоним «профессиональной корпорации» — «цех», «гильдия». В современном языке ближайший синоним этого термина — «профессиональное сообщество». Такого рода сообщества объединяет феномен *общности*, а различает — степень организованности, наличие инфраструктуры, оформленность «правил игры» и т.п. Обычно различают «незримые колледжи» и реальные организованные сообщества профессионалов. Возможно, привется и предлагаемая нами идентификация

профессионального сообщества как «зримого колледжа». Важно, что и в том, и в другом, и в третьем случае профессиональное сообщество выступает референтной группой в вопросах профессиональной этики. Тем более, что профессионалов объединяет и сходство судеб, и профессиональная культура, а чувство принадлежности к профессиональному сообществу – важный критерий профессиональной идентичности: среди критериев сформированности профессионального сообщества, предложенных У. Гудом, – *схожая самоидентификация, общие ценности*¹⁵.

Корпоративная природа сообщества профессионалов в «зримом колледже» еще в большей степени, чем в профессиональной ассоциации, союзе и т.п. предполагает формирование *духа корпорации*, который формируется – в отличие от ситуации корпорации-предприятия – прежде всего, самими корпорантами.

Это им особенно важно задуматься о сохранении нравственных ценностей профессии, выделить те базовые нормы и ценности, которые должны быть заложены в качестве *побуждений* (в первую очередь) и *ограничений* (по возможности – во вторую) профессионалов научно-образовательной деятельности. Важно, независимо от понимания такого важного обстоятельства, что для «игры по правилам» этому «зримому колледжу» нужны, как минимум, по тем же правилам играющие партнеры – власть и гражданское общество.

Это им особенно важно рассматривать феномен «дух корпорации» не как привнесенный в профессию извне, но как результат ее самопознания. Профессионала не «зачисляют» в корпорацию: он сам идентифицирует себя с ней. И сам отвечает – добровольно – за свою принадлежность к ней, за все, что связано с нею.

Это им важно осознать «двойное» назначение профессиональной этики, выражающей коренные интересы как профессии, так и общества. С одной стороны – защита ин-

¹⁵ См.: Лукша О.В. Социология профессиональных групп: определение понятий // Профессиональные группы интеллигенции. – М.: Изд-во Ин-та социологии РАН, 2003. – С. 67.

тересов членов корпорации, их профессионального статуса, свободы и достоинства. С другой – защита интересов всего общества через эффективное осуществление корпорацией своей социальной миссии.

Это им важно понять, что «Дух корпорации» не витает в заоблачных высях, в атмосфере отвлеченных идей, а вполне зримо и весомо воплощается в нормах и правилах *корпоративной этики*, профессионального призвания и ответственности, в правилах «честной игры» и т.п.

Это им важно понять, что позитивный потенциал такого корпоративизма выявляется не сам по себе, в виде некоего гарантированного итога, а лишь в результате преодоления профессиональным сообществом нравственных конфликтов корпоративизма. Гуманитарному подходу в не меньшей степени, чем менеджеристскому, важно иметь в виду *моральные риски* культивирования корпоративности при пренебрежении ее *нравственными оппозициями*, превращения корпоративного этоса в *патос*. И в «зримом колледже» профессионалов корпоративизм, являясь одним из эффективных способов сочетания индивидуализма и солидаризма, несет в себе как тенденцию к групповой сплоченности, так и риск подавляющей индивидуальность «стадности»; вполне понятная и оправданная ориентация на защиту групповых интересов может обернуться их противопоставлением универсальным интересам общества. Вспомним, что в качестве одного из мотивов появления биоэтики указывают на необходимость противостояния корпоративным нормам медиков.

Казалось бы, естественно *конкретизировать* гуманитарный подход к феномену КСИУ, обратившись к текстам университетских кодексов. К сожалению, опираясь на указанный выше анализ университетских кодексов, приходится констатировать, что этическая кодификация «зримого колледжа» корпорантов высокой профессии пока еще впереди.

Инициировав соответствующий проект, мы включили в число его задач профилактику таких последствий КСИУ в менеджеристской парадигме, как приоритет корпоративной этики перед этикой профессиональной (и этикой общеоб-

шественной); подавление индивидуального морального выбора и доминирование выбора организационно-группового; категорическое требование корпоративной лояльности с жестким контролем, совсем не исчерпываемым лишь моральными санкциями.

ОПРЕДЕЛЕННЫЙ шаг в развитии гуманитарного подхода к феномену дуализма КСИУ мы связываем с опытом нормативно-ценностной институционализации *университетского приоритета* в ТюмГНГУ. Первый проектный результат «случая» ТюмГНГУ – базовый этический документ университета «Миссия-Кredo ТюмГНГУ», в преамбуле которого подчеркивается, что это мировоззренческий ориентир профессорско-преподавательского корпуса, основание профессионально-этического кодекса университета как научно-образовательной корпорации; «цель целей», основание стратегического целеполагания для управления университетом.

Не ставя здесь ни задачи презентации документа в целом, ни задачи развертывания его концептуального обоснования¹⁶, выделим лишь один фрагмент этого документа, показывающий, что одним из условий проектного освоения дуализма КСИУ в формате *университетского приоритета* корпоративных ценностей «высокой профессии» над корпоративными ценностями «хозяйствующего субъекта» является установка на *реально-должное*.

«Степень соответствия Тюменского государственного нефтегазового университета идеальному образу научно-образовательной корпорации определяется мерой успешности осознания и решения дилеммы самоопределения современного отечественного университета: университет – “хозяйствующий субъект” или научно-образовательная корпорация? научно-образовательная деятельность университета: “сфера услуг” или высокая профессия?

В такой проблемной ситуации Тюменский государственный нефтегазовый университет занимает рациональную позицию, проектируя свою миссию как реально-должное.

Это предполагает, что ценностные приоритеты университетской корпорации не тождественны духу и “правилам игры” некоей бизнес-корпорации – промышленной или финансовой, производящей товар как предмет купли-продажи и, как правило, ориентированной только на прибыль. Не имея возможности и права пренебрегать требованиями “заказчика” и “потребителя”, университет, во-первых, видит своим «заказчиком» не только производ-

¹⁶ См.: Бахитановский В. И., Согмонов Ю. В. «Дух университета»: проектно-ориентированная институционализация в этическом кодексе научно-образовательной корпорации.

ственную сферу, но потребности общества в целом, и, во-вторых, не сводит свое назначение к роли “делового предприятия на рынке образования”, считая своей миссией возвышение соответствующей рынку утилитарной функции “кузницы кадров” до высокого смысла “духовного производства человека”.

Университет подчиняет свою прагматическую стратегию ценностным ориентирам научно-образовательной профессии. Даже в сложных рыночных обстоятельствах, ограничивающих независимость высоких профессий, их миссия не отменяется. Как это ни парадоксально, но именно в таком самоопределении – шанс прагматического успеха университета».

Долг университета – выработать «правила игры», профилактирующие соблазны превращения научно-образовательной корпорации в бизнес-корпорацию. «Правила игры», предполагающие не утопию отказа от требований рынка, но рациональный выбор приоритетов, определяющий *служебную* роль менеджеристской парадигмы КСИУ и абсолютную роль сохранения идентичности *университета*, несущего в своей *идее* особую социально-гуманитарную миссию и ответственность перед обществом.

При этом целесообразно дискутировать возможность *коэволюции* менеджеристской и гуманитарной парадигм в подходе к КСИУ.

РЕФЛЕКСИРУЯ ПРОБЛЕМУ

Андрей НЕЩАДИН, Ольга НЕЩАДИНА:

Статьи этого номера вызывают особый интерес рядом затронутых проблем самоиндефекции крупного и среднего бизнеса в России и взаимодействием его с государством и обществом. Мы совершенно согласны с Н.Д. Шмелевой, утверждающей, что современный процесс глобализации, уже доказавший зависимость любых региональных процессов от складывающихся общепланетарных тенденций и структур (финансовых, информационно-технологических, политических и др.), показывает, что социальное партнерство в его различных формах и проявлениях все больше становится не только желаемым, но и обязательным условием современной жизни. Формирующиеся в России механизмы социального партнерства призваны выступить прежде всего амортизаторами социальной напряженности, предотвращающими открытую конфронтацию бизнеса, общества и власти.

Однако существующая проблема самоидентификации крупного бизнеса влечет за собой проблемы с институционализацией социального партнерства, поскольку затрудняет выработку общих интересов и общих целей общества, власти и бизнеса. В настоящее время, по мнению В.К. Кашина, А.А. Нецадина и Г.Л. Тульчинского, бизнес находится в стадии самооправдания перед обществом и властью, т.е. к выражению своей взвешенной и целостной социальной позиции не готов.

Сложившаяся ситуация не может не влиять и на другие процессы функционирования и развития общества. Ее прямым следствием становятся взаимоотношения представителей бизнеса и научно-образовательной сферы, в частности, нахождение оптимальной формы функционирования образовательных учреждений для удовлетворения запросов со стороны бизнеса и общества. Однако эти запросы должны формироваться, прежде всего, из долгосрочной стратегии развития страны, а не обслуживать сиюминутные потребности. К сожалению, ни бизнес, ни государство обозначить свои приоритеты в долгосрочной перспективе для научно-образовательной сферы не могут. И в этом плане мнение В.И. Бакштановского, М.В. Богдановой, Ю.В. Согомонова абсолютно справедливо: «Долг университета (а равно и других образовательных учреждений) — выработать “правила игры”, профилирующие соблазны превращения научно-образовательной корпорации в бизнес-корпорацию».

Еще одним следствием обозначенной выше проблемы самоидентификации бизнеса являются проблемы, связанные с определением моральных и этических основ бизнеса. Формирование единой системы ценностей, определяющих поведение ведущих представителей бизнеса, становится сегодня практической задачей, направленной на эффективное функционирование не только и не столько самого бизнеса, сколько общества в целом. Осознание социальной ответственности бизнеса его основными участниками становится залогом выживания не столько бизнеса, сколько страны в целом. Действительно, «Россия сможет богатеть и процветать только тогда, когда основой бизнеса будет социально ответственный частный сектор, получающий поддержку со стороны государства и активно участвующий в решении всех проблем развития российского общества».

**Владимир БАКШТАНОВСКИЙ,
Марина БОГДАНОВА, Юрий СОГОМОНОВ:**

В разностороннем осмыслении проблем проекта «Корпоративность, партнерство и социальное развитие» выделим два момента в статье Г.Л. Тульчинского.

Во-первых, его обращение к нашему проекту «Этика успеха»: «Несомненного внимания в этой связи заслуживает по-своему уникальный проект «Этика успеха», реализованный Центром прикладной этики СО РАН в Тюмени совместно с Финансово-инвестиционной корпорацией «Югра». В течение 1994 – 1997 гг. было проведено крупномасштабное развернутое по многим направлениям осмысление перспектив либералистски ориентированной достижительной этики в современных российских условиях».

Этот проект не завершился 1997 годом. Его продолжение — теоретическое и эмпирическое исследование этики успеха применительно к профессиональным этикам журналистов, деятелей образования, политиков, к пониманию базовых ценностей гражданского общества, этики среднего класса и т.д., в том числе продвижение в понимании феномена успеха — например, через соотнесение его с феноменом удачи, особое внимание к выбору ориентации на достижение как к *моральному* выбору: само стремление к достижению *нравственно* значимо, если оно стало полноценным актом свободного мировоззренческого выбора и т.д.¹

Во-вторых, тезисы Г.Л. Тульчинского об этике бизнеса. Вполне справедливо суждение автора о том, что «в качестве ростков этики современного отечественного бизнеса могут быть признаны те проявления нравственной культуры, которые имеют конструктивный характер». Но спорен связанный с ним тезис, противопоставляющий поиску «неких универсальных содержательных этических принципов» этический номинализм — «когда вектор анализа направлен не от общих идей к реальной нравственной культуре, а, наоборот — от реальной практики к ее этическому осмыслению».

На наш взгляд, уклоняясь от напоминания банального «важно и то, и другое», уместно сослаться на опыт развиваемого нами направления прикладной этики², предполагающего креацию ценностей и норм прикладных этик, бизнес-этики в том числе, как *конкретизацию* общеобщественной морали, предполагающей и проектно-ориентированное воздействие на нравственные процессы.

В тоже время автор прав, утверждая, что осмысление реальной нравственной культуры «должно предшествовать любым попыткам реализации этических моделей».

¹См., напр.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Гражданское общество: этика публичных арен / Монография. — Тюмень: НИИ прикладной этики ТюмГНГУ, 2004; они же: Ойкумена прикладной этики: модели нового освоения. Т. 1. — Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

²См.: *Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В.* Прикладная этика: рефлексивная биография направления. — Тюмень: НИИ ПЭ ТюмГНГУ, 2007.

Владимир КАШИН, Алексей ПАХОМОВ:

Начать хотелось бы с проблемы социального партнерства. Шмелева рассматривает не только попытки дать определение данному феномену, но и предпринимает шаги к нахождению места данному феномену в современной жизни, пытается описать «встроенность» социального партнерства в перечень механизмов развития современного общества.

В европейской литературе чаще используется термин «социальный диалог», чем термин «социальное партнерство». Тем самым подчеркивается, что субъекты взаимоотношений имеют противоположные интересы к одному и тому же объекту (наиболее яркий пример: столкновение интересов работников и работодателя относительно суммы затрат на персонал), но осознавая неизбежность и необходимость согласования своих позиций для сохранения объекта спора (дохода, который возможен при сохранении совокупных условий его получения: конкурентоспособного предприятия и имеющегося состава работников).

В рамках парадигмы «порядка и хаоса» и в отношении согласования интересов субъектов социального партнерства можно было бы рассмотреть различные состояния порядка соответствующие различным социально-экономическим условиям. Хаос — ситуация, требующая пересмотра ранее существовавшего порядка и перехода к новому порядку, новым условиям согласования интересов.

На примере трудовых отношений возможен такой вариант порядка: на этапе роста экономики и недостатка работников работники, осознавая свои возможности, требуют увеличения заработной платы, т.е. пересмотра существующего порядка. Если работодатель не согласен, то работники могут пойти на крайние меры — забастовки, как способ давления на работодателя (хаос на локальном уровне). Зачастую такие действия приводят к пересмотру порядка (изменению доли расходов на оплату труда в расходах предприятия).

А.А. Нещадин и Г.Л. Тульчинский подчеркивают ряд особенностей российского исторического опыта «социального партнерства». Довольно часто рассуждения о некоторых качествах целых народов относят ко всем индивидам данной народности. Есть некоторые черты, более характерные для какой-то культуры. Но они не панцирь, жестко сидящий на спине у каждого человека. Общинность, коллективизм присутствуют у многих народов. Но в зависимости от положения в обществе, от места жизни, от вида труда, которым занимается человек, какие-то черты могут проявляться ярче, а какие-то исчезают и вовсе, во всяком случае не проявляются никак. По всей вероятности, в отношении национальных норм и ценностей нельзя говорить, что лучше, что менее

эффективно в бизнесе. Каждая группа национальных норм может быть эффективной в бизнесе и должна найти и использовать те преимущества, которые есть в наборе ее ценностей.

По ходу изложения Г.Л. Тульчинским приводятся примеры избирательного проявления каких-то черт в зависимости от социально-экономических условий.

Действительно, этика бизнеса в период накопления капитала характеризуется набором отрицательных характеристик. Социальная ответственность и меценатство стали появляться тогда, когда пришла пора задумываться о стабильности развития бизнеса, а значит и о стабильности развития общества. В этот же период появилась потребность выработать подходы к социальным инвестициям. И трудно не согласиться с приводимым рассуждением А.И. Бродского: «Нормы, ценности и цели не могут быть выведены из каких-то научных, философских или религиозных представлений о мире. Каждая сфера деятельности (культуры) как нормативно-ценностная система задает свой контекст осмысления».

О.А. Лешенко, как и Г.Л. Тульчинским, совершенно справедливо отмечается различие между российским обществом и российским бизнесом («горячее общество»), с одной стороны, и европейским обществом и европейским бизнесом, с другой стороны («холодное общество»). В «холодной» и «горячей» ситуациях акцентировка социального партнерства различна. Но и там и здесь нефинансовые отчеты, получившие развитие в последние годы, стали требованием не только со стороны общества, но и со стороны самого бизнес сообщества (учет наличия нефинансовой отчетности при выходе на биржи Европейских стран).

Несколько противоречивой представляется главная идея статьи В.И. Бакштановского, М.В. Богдановой, Ю.В. Согомонова. Только теоретически может быть поставлена дилемма в деятельности университета: во благо общества или предпринимательство. Только благо — означает ли, что университет может существовать без финансирования? Только предпринимательство — означает ли, что студенты придут в университет, в котором в угоду прибыли не будут привлекать к учебному процессу ученых высокого уровня? Представляется, что такого рода дилемма возникает лишь в неком преобладании подходов, что авторы более детально излагают в обсуждаемой статье.

В подтверждение того, что для университета эта дилемма состоит лишь в преобладании подходов, можно привести цитату из самой статьи: «Инициировав соответствующий проект, мы включили в число его задач профилактику таких последствий КСИУ в менеджеристской парадигме, как приоритет корпоративной этики перед этикой профессиональной (и этикой общественно-

ной); подавление индивидуального морального выбора и доминирование выбора организационно-группового; категорическое требование корпоративной лояльности с жестким контролем, со всем не исчерпывающимся лишь моральными санкциями.

И еще об одном феномене хотелось бы напомнить авторам: качество. Именно высокое качество отличает университет с давней историей от быстро возникших в последние годы «кузниц кадров», с виртуальным составом преподавателей, среди которых может даже не быть лиц с научными степенями, сделавших службы в вузе своей профессией.

Ученые действительно высокого уровня, занимаясь подготовкой новых специалистов, обеспечат конкурентоспособность университета за счет качества учебного процесса и качества подготовленных специалистов. Трудно представить коллектив ученых, в котором преобладал бы менеджеристкий подход без духа свободы и творчества.

Ярким выражением духа свободы для ученых может быть еще один компонент, который остался без акцентирования в рассматриваемой статье — производство новых идей и знаний. Настоящий университет, имеющий традиции, всегда характеризовался нахождением на острие новых идей и разработок.

Соответственно, качество учебного процесса, качество научных разработок университета, качество публикаций ученых университета, отражающих эти разработки, объединяет менеджеристский подход, корпоративный дух и гуманитарную парадигму. Трудно представить возможность достижения качества в науке и образовании без объединения подходов. Такого рода объединение подходов обеспечивает возможность получения качества, присутствующего университетам.

Александр ЛЮСЫЙ:

Хотелось бы обратить внимание на роль брендинга как механизма символизации/десимволизации в консолидации общества. Если социально-экономические изменения сопровождаются работой механизма прозрачной символизации/десимволизации, вряд ли оно пойдет в ущерб традиции. Отсутствие такового механизма ведет к потере сосредоточенности и внимания, провоцирует растерянность в мире новых форм, которые не говорят, но называют, брендируют симулякры. Притупленность и (или) рассеянность внимания, в свою очередь, провоцирует безответственность, оправданную шаблоном «так принято», непонимание иного по отношению к принятому стандарту дискурса, и в итоге — самонепонимание.

Процесс символизации/десимволизации, логической дифференциации, означивания символического представляет собой

процесс усложнения, структурирования культуры. Современная политическая культура породила огромное количество даже не псевдо-символов, но псевдознаков и псевдотекстов. Особую актуальность приобретает структурирование общества посредством структурирования и дифференциации ценностей, «артикуляции» смыслов и озвучивания национальной идеи. Новые смыслы отсутствуют или, находясь в сфере массового сознания, не становятся достоянием СМИ и не озвучиваются. Поэтому актуальным представляется вывод Г.Л. Тульчинского, что «в отличие от форм официальной и неофициальной религиозности, диссидентства в среде научной и художественной интеллигенции, субкультуры андерграунда, сфера бизнеса дают опыт не столько духовного самоопределения и самостояния, сколько опыт реального практического самостоятельного жизненного обустройства».

На протяжении одного поколения история в России несколько раз меняла очертания, герои и злодеи постоянно менялись местами, место национальной мифологии заняли семантически пустые рассуждения об «уникальности» России и ее «таинственной душе». И реклама отражает отсутствие символического языка описания российского «настоящего» и «будущего». За бесконечными образами «русского» — русский характер, русский стандарт, «Там, где Россия» (пиво «Балтика»), «Россия — щедрая душа» (шоколад «Россия») — стоит репрезентация прошлого в сущности прежним символическим языком. «Современность» же ассоциируется с переводными западными роликами и повторяющимися их рекламными образцами. Реклама не наполняет слово *русский* семантикой, создавая пустые вербальные оболочки, которые легко усваиваются публикой и упрощают создание податливого для идеологии языка.

Ввиду того, что символ — архаическая структура человеческого сознания, связанная с невычлененностью рациональной сферы из дорациональной, психология современной толпы становится полем для рецидивов именно такого символического. Однако символ как рефлексивная структура сознания не является результатом импульсивных и аффективных действий толпы, хотя может их вызывать и стимулировать. «Либеральная империя» (термин, между прочим, еще В. Маклакова), сниженный вариант — «энергетическая сверхдержава» — покуда предел современных символаобразующих возможностей по созданию бренда нации, суггестивного соединения несоединимого, что и характеризует символическое сознание. Пример внешнего интеллектуального символа — «вашингтонский обком». Данный гибридный символ рожден путем объединения двух как будто бы несовместимых символов, которым не противопоставлена и обычно разрушительная для символа ирония.

Исследуя отношение к американским брендам в семнадцати странах мира, специалисты мирового рекламного агентства DDB Worldwide пришли к выводу, что от ослабления бренда государства до экономической рецессии в современную информационную эпоху глобализации – всего один шаг³. В России возглавить символическое моделирование должна, по инициативе партии «Единая Россия», новая мощная пиар-служба, призванная продвигать бренд «Россия»⁴. Целые регионы и государства берут сейчас на символическое вооружение методы коммерческой рекламы, отказываясь от изощренной дипломатии и политтехнологий в пользу потребительского маркетинга. Брендинг государства работает далеко не только на туризм. Ситуация уже дошла до создания брендированных городов и регионов. На пути поддержки государственного имиджа происходит перерастание символической политики в государственную бренд-политику. Помимо внешнего имиджа, символическими ценностями становятся любые инициативы государственной власти, и их успех во многом зависит от восприятия публикой. Взаимоотношения государства и общества становятся вопросом, который решается не только управленческими, но и символическими методами.

«Социальное партнерство, – уместно полагает Шмелева, – есть не что иное, как признание, институционализация и конструктивизация конфликта. Оно строится на признании принципиального равенства партнеров и их способности договориться между собой». А кооперация – порождение и функционирование особого пространства освоения времени. Именно в организованном пространстве кооперации (как и в равнозначных ему других формах социальной организации людей) происходит такое ускорение процессов и действий, которое способно выдержать натиск ускоряющихся процессов перемен.

Олеся ЛЕЩЕНКО:

Слухи о тотальной глобализации оказались довольно сильно преувеличены. Даже несмотря на кризисное состояние мировой экономики, можно согласиться с М. Веллингой: «Глобализацию оказалось трудно определить концептуально и показать эмпирически». В глобализованном мире каждый, тем не менее, спасается и развивается сам, за счет реализации собственных ресурсов. Именно в этом контексте, как представляется, и оказываются

³ См.: Ляпорт В.Н. Формирование бренд-политики в современной России. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 2008.

⁴ Введенская А., Яковлева А. Россию сделают брендом // Независимая газета. 6.11.2008.

ся важными корпоративность и социальное партнерство. Недаром тема корпоративности и ее роли в социальном развитии у ряда авторов оказалась укоренной в национальных культурных традициях. Так, Г.Л. Тульчинским интересно подмечено понимание российского «мы». Смешиваются в нашем историческом контексте понятия коллективизма и индивидуализма, и где же грань? Да и можно ли было ее беспрепятственно пересечь? Рисуется образ народа соборного, где личность всегда часть чего-то общего и существует лишь ради этой общей идеи.

Исторические предпосылки и стали в современном российском обществе причиной недоверия и отставания в социально-экономическом развитии страны. Период политической пропаганды, своеобразная обособленность и отказ от западного влияния, стереотип патриота, идея стремления к общности, к этому по-своему индивидуалистическому в целом понятию «мы», а главное нежелание выгладеть на мировом фоне ниже других наций, сохраняя в свою очередь собственную индивидуальность. Все эти предпосылки в совокупности и препятствуют применению западных стандартов и использованию многолетнего опыта, как в экономической, так и в политической и социальной сферах.

Русский народ «не берет чужого без боя», не примет «заграничного» не пропустив через призму народных идей, ценностей и тягот. Русский человек исторически привык преодолевать трудности и во всем видеть «тернистый путь». А значит, готовые и проверенные чужим опытом программы и стратегии развития России не по нраву. Нам нужно время, и вскоре мы превратим готовый западный «продукт» в специфически русское «творение»!

Тем не менее, проблема социального аудита, гуманитарной экспертизы из некоей «игры ума» на глазах превращается в разработку и реализацию конкретных технологий и методик, помимо прочего, позволяющих бизнесу наращивать репутационный и имиджевый капитал, капитализацию бизнеса в целом. В этой связи представляется, что повышение конкурентоспособности организации, даже в плане внутренних социальных инвестиций, включает намного больший круг факторов, чем рассмотренный в работе В.К. Кашина и А.П. Пахомова. Но ведь существует еще и широкий круг внешних социальных инвестиций в развитие материальной и социальной среды, гуманитарное развитие!

При знакомстве же со статьей А.П. Люсого даже захотелось перечитать Наоми Кляйн и Фредерика Бегбедера. Период постмодернизма ознаменовался переходом от коллективизма к индивидуализму, и даже к уникальности. Это век образов, общества потребления, где НЕ потреблять уже не возможно. Огромное многообразие продуктов и услуг, а, следовательно, огромная конкуренция. Теперь в цене «общество знания», динамично развиваю-

шееся общество, потребляющее и обрабатывающее огромный поток информации ежедневно. На периферию выходит уже не производство товаров, а создание брендов, уникальных идей, красивых упаковок, образов и стереотипов.

Сегодня бренд за несколько секунд передает информации больше, чем вы могли бы рассказать о каком-то товаре или услуге за час. И что самое интересное, бренды рассказывают и про нас самих, как о личностях. «Скажи мне, какие бренды ты потребляешь и я скажу, кто ты».

Сегодня в современной жизни мы сталкиваемся с сотнями брендов, это понятие стало настолько модным, что уже начинает диктовать свои правила обществу. Чем важнее для нас становится та или иная вещь, продукт или услуга, тем больше внимания мы обращаем на бренд.

Таким образом, бренд становится имиджеобразующим фактором для многих людей, и иногда очень затягивает в своеобразную игру символических стоимостей и социальных статусов. Марка машины, одежда, телефон и даже ручка, которой ты пишешь, может изначально расположить к себе или оттолкнуть некоторых людей. Дорогостоящие бренды говорят о твоей платежеспособности и социальном статусе. Известные компании-производители при наличии известного имени, как правило, подразумевают гарантию качества, но на функциональные и утилитарные свойства описываемый мною потребитель обращает внимание все реже, хотя и использует это в качестве аргумента, ему важнее выставить напоказ свой статус.

Мы живем в эпоху образов общества и обществ образа. И очень легко запутаться в том, что предлагает нам обложка нашей реальности. Ведь иногда люди относятся к товарам и услугам с практической точки зрения и, несмотря на высокий статус, предпочитают то, что удобнее именно им. Обложка также может остаться без содержания или даже противоречить ожиданиям окружающих, например, в случае, когда в отсутствие высокого социального статуса, его атрибутами человек создает ложное завышенное представление о себе в собственных целях.

Не стоит забывать и о той части аудитории, которая противопоставляет массовым веяниям, принятым в общественном мнении и принципиально не идет на поводу у бренд-интегрированного социума. Таким образом, чем дальше мы развиваемся в этом направлении, тем больше мы себя запутываем, лишь создавая иллюзию работы над тем, чтобы сделать жизнь проще и понятнее. А, следовательно, не так важно, сколько стоит твоя обложка, важнее то, чего стоишь ты! Тема бренда вообще — очень важная и острая. Поэтому хотелось бы к ней еще не раз вернуться, в том числе — на материале жизненных реалий.

Григорий ТУЛЬЧИНСКИЙ:

Как представляется, мы выходим на новый уровень понимания механизмов развития современного общества. Это видно, например, на соотношении корпоративности и социального партнерства. Они противостоят друг другу только при поверхностном взгляде. Корпоративность сама является формой социального партнерства, сплоченности и консолидации до сознания принадлежности некоему социальному единству, идентификации с ним. Если социальное партнерство — ткань гражданского общества, полноценного экономического и политического обустройства, то корпоративность — мотор развития, «челнок» плетения этой «ткани».

Социальное развитие, тем самым, предполагает обе эти составляющие. Более того, именно учет этого обстоятельства подводит к пониманию ограниченности традиционной социологии, остающейся в рамках рассмотрения общества как некоей структуры, состоящей из «классов», «страт» и т.п. Подобный «инвентаризационный» подход не способен дать объяснение динамике современного общества, в лучшем случае — позволяет зафиксировать некие его элементы. Традиционный подход уже не смог объяснить природу и динамику «перестроечного» периода, не справляется он и с современным российским (и не только российским) обществом. Реальность уходит через набрасываемую на нее концептуальную «сеть», оставаясь не только не объясненной, но даже и не опознанной. Например, с традиционной точки зрения невозможно объяснить роль спецслужб, СМИ, криминалитета в развитии российского общества конца XX — начала XXI столетий.

Что же касается нравственной культуры, коренящейся в религиозных и прочих традициях, о чем пишет А.А. Нещадин, то ее нормы и установки могут играть как конструктивную, так и затрудняющую развитие роль. Думается, что в этом плане необходим более глубокий и конкретный анализ. Речь должна идти именно о конкретном культурном фоне конкретного общества. Так же, как заслуживает дальнейшей конкретной разработки проблема соотношения корпоративного сознания и корпоративной этики с этикой высшей школы, о которой пишут В.И. Бакштановский, М.В. Богданова и Ю.В. Согомонов. Многоплановое комплексное исследование корпоративной нравственной культуры, которое ведет Институт прикладной этики ТюмГНГУ, заслуживают особого внимания не только специалистов, но и широкой российской общественности.

Но дальнейшее продвижение этих аналитик предполагает серьезные изменения самого аппарата анализа. Дело в том, что назрела смена парадигм социологии, социальной и политической

философии. Во-первых, речь идет о вызревании идеи социальных сил – социальных групп, имеющих в своем распоряжении некие ресурсы: финансовые, интеллектуальные, информационные, административные или даже символические. Такой парадигмальный сдвиг в чем-то аналогичен переходу от кинематики к динамике. И корпоративность в сочетании с идеей и практикой социального партнерства, в этом плане, играет существенную роль. Это с очевидностью прослеживается, например, при раскрытии социальных функций современного бизнеса, как это сделано в работах В.К. Кашина и А.П. Пахомова, О.А. Лещенко. Бизнес предстает как относительно самостоятельная социальная сила, не только заинтересованная в консолидации общества, но и активно действующая на различных направлениях формирования социального партнерства, включая создание соответствующих социальных институтов.

Во-вторых, как корпоративность, так и социальное партнерство, в конечном счете, реализуются не сами по себе, а посредством и в результате конкретного личного выбора и самоопределения. Речь идет о выходе на первый план персонологического фактора в современной культуре. И дело не просто в сознании принадлежности, этнической, конфессиональной, корпоративной и т.п. идентичности, или – превращении политических партий в проекты и аппараты по мобилизации электората на выборы вокруг личностей – персонологических брендов.

Так или иначе, но «онтологическая» основа социального развития – общность интересов, за которой стоит самоопределение личности. И я разделяю основной пафос статьи А.П. Люсого – нас еще ждет настоящий выход за рамки фундаментализма и идеологий к новым формам коммуникации. Именно в глубинах самосознания и самоопределения, свободы и ответственности и лежит источник развития общества. Остальное – только конкретные технологии формирования корпоративного сознания и социального партнерства.

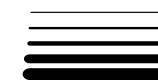
И нынешний кризис – отличный повод реализации этого потенциала.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

К 100-летию выхода «Вех»

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

В.Н. ШЕВЧЕНКО

Интеллигенты недовольны интеллигенцией

В большинстве печатных работ последних двух десятилетий дается негативная оценка деятельности русской (российской) интеллигенции за последние полтора столетия. Наиболее повторяемой и часто тиражируемой точкой зрения по поводу интеллигенции остается веховская оценка 1909 г. Если суммировать все недостатки русской интеллигенции, о которых говорится в «Вехах», то окажется, что она идейна, беспочвенна и, самое страшное, она антигосударственна. И эти оценки повторяются сегодня при каждом удобном случае. Создается такое впечатление, что некоторым силам в обществе, причем нередко идейно далеким друг от друга, нужно постоянно проговаривать вслух эти «ужасные» недостатки русской интеллигенции. Кажется, существует какая-то скрытая тревога и боязнь за то, как себя поведет сегодня интеллигенция, – вдруг захочет показать еще раз на практике эти «недостатки», благо для этого есть немало оснований и поводов.

Роль русской, российской интеллигенции в истории российского общества остается до сих пор плохо раскрытой. Многое в негативных оценках интеллигенции идет от лукавства власти, от ее неизменного во все времена стремления приписать интеллигенции то, за что гораздо большую ответственность несет сама власть. Именно власть всегда стремилась переложить вину за случившееся со страной на какие-то другие общественные силы и, прежде всего, на интеллигенцию. Известный ученый Г. Померанц в своей лекции об интеллигенции приводит рассуждения государственного деятеля В.К. Плеве, который в споре с К.Н. Победоносцевым отстаивал необходимость использования этого слова с полицейской точки зрения. «Интеллигенция – это тот слой нашего общества, который с восхищением подхватывает всякую новость и даже слух, клонящийся к умалению правительственной или духовно-православной власти, но ко всему остальному равнодушный»¹. Неужели на самом деле такова русская интеллигенция?

Удивительно, что некоторые авторы, называющие себя интеллигентами, также охотно занимаются саморазоблачениями. Они обвиняют интеллигенцию, именно интеллигенцию, даже в совершении преступлений, продолжая известную традицию, идущую, кажется, от «Вех». 1915 год. В.В. Розанов: «Пока не передают интеллигенцию — России нельзя жить. Ее надо просто передать. Убить»². А вот 1998 год. Ф.И. Гиренок: «В 1917 году к власти пришли левые интеллигенты. В 1991 году их сменили правые интеллигенты. И те, и другие вызывают омерзение»³. Конечно, легко бросаться такими оценками. Утешение, что никто особенно и не верит в преступления интеллигенции. Ну, а ответственность отдельного представителя интеллигенции — это особый вопрос.

Имперская Россия — отсталая в политическом отношении страна. Кто виноват?

Экономическая, политическая, военная отсталость России от Запада вынуждает самодержавную власть пойти на реформы в 60-х гг. XIX в. Реформы вместе с тем означали неизбежность заимствования многих прогрессивных достижений Запада, полученных им в разных сферах общественной жизни. Вместе с тем они породили проблему практических последствий этих заимствований.

Не вдаваясь в этимологические тонкости понятия интеллигенции, отмечу, со слов того же Г.С. Померанца, одного из самых знающих авторов по проблемам интеллигенции, что во французском языке со второй половины XVIII века слово *intelligence*, а затем в немецком *Intelligenz*, стали использовать для обозначения образованных, просвещенных, «прогрессивных» элементов общества⁴. Одним словом, интеллигенция — это собрание просвещенных, образованных людей. Отсюда уже видно то особенное, что наметится позже в понимании специфики русской интеллигенции, обозначенной таким словом в 60-е гг. XIX века.

Специфика русской, российской интеллигенции во многом обусловлена запоздалым характером переходного процесса, который переживает пореформенная Россия. Для российской самодержавной власти было характерно глубокое отчуждение ее от народа. Она заявляет публично, что знает, куда идти, как идти, при этом отвергает упреки слева и справа, но с радостью приближает к себе тех, кто согласен ей содействовать в реализации задуманных ею реформ.

Открытая политическая деятельность в России весь XIX век находится под запретом. Под запретом — это мало что говорит. Николай I принял уложение в 1845 г., согласно которому политика объявлялась монополией государственной самодержавной власти. Занятие частного лица политической деятельностью стано-

вилось уголовным преступлением. Но и после того, как начались реформы, самодержавная власть не имела никакого намерения давать хоть какие-то собственно политические свободы своим подданным, делать их полноправными гражданами и вносить сколько-нибудь серьезные перемены в архаичное, средневековое устройство власти и управления. Согласно циркуляру 1878 г. преступником мог стать любой человек, кто только подозревался в намерении заняться политической деятельностью. Александр III в 1881 г. подписал ряд документов об охране государственного порядка и, прежде всего, о придании особого статуса политической полиции. Всякие разговоры о привлечении широкой общественности к обсуждению и принятию государственных решений не принимались всерьез.

Вопрос о том, действительно ли в России имела место демократизация общества до 1905 г. и после 1905 г., остается глубоко дискуссионным. Скорее всего, можно говорить о появлении демократических декораций, а по сути о явно наметившейся тенденции к становлению, особенно в первые десятилетия XX в., полицейского государства. П.Б. Струве был прав, когда утверждал в 1903 г., что «действительная самобытность современной ему России заключалась во всемогуществе политической полиции, ставшей сущностью российского самодержавия»⁵. Удивительно, но весь этот огромный комплекс проблем в отечественной литературе почти не обсуждается по существу. Но за полицейский поворот в общественной жизни страны делается ответственной в стране, по сути, только «русская интеллигенция», под которой понимается, естественно, левая и особенно, леворадикальная интеллигенция. Другой по взглядам интеллигенции для авторов «Вех» не существует.

Кто играет роль гражданского общества в его отсутствие?

Самодержавие стремилось превратить создаваемый с ее помощью капиталистический уклад в еще одну опору для своего сохранения и упрочения своей власти. Главной опорой оставалась власть помещиков в деревне. Эти особенности в развитии капитализма в России отмечали не только отечественные марксисты, но и добросовестные западные исследователи. Одно завоевание Запада становится особо значимым для российского общества, жившего по-прежнему при феодально-самодержавных порядках. Вопрос о личности, ее гражданской позиции был самым болезненным вопросом для российского общества.

Основу гражданского отношения к жизни составляет чувство собственного достоинства и совесть, которые не позволяют мириться с унижениями и оскорблениями себя и других. Интеллигент как таковой есть совестливый, порядочный человек. Но ин-

теллигенция не есть слой интеллигентных людей с незапятнанной индивидуальной совестью. Интеллигенция, как социальное явление, вырастает из попыток отдельных лиц, начинающих считать себя гражданами государства, реализовать свои личные потребности участия в политической жизни, однако при отсутствии легальных возможностей. Институты гражданского общества выступают важнейшим каналом обратной связи между институтами власти и социальными классами и группами на Западе, в том числе и разные формы классово-политической борьбы. Без всего этого западное общество не смогло бы так быстро развиваться в последние столетия. Деятельность интеллигенции — это и есть выражение ее гражданской ответственности в условиях отсутствия практически любых сколько-нибудь действенных институтов гражданского общества в имперской России. Поэтому гражданин в России — это человек, настроенный, если не враждебно, то, по крайней мере, остро критически к власти, городскому обывателю с его мешанской психологией, к культуре денег. Одним словом, это «критически мыслящая личность». Но, прежде всего, интеллигенция и берет на себя ответственность и смелость говорить самодержавной власти, как она понимает, правду о том, к каким последствиям ведут ее указы и законы, проводимые в жизнь реформы.

То, за что сражаются интеллигенты в те времена в России, это борьба за законное признание различных способов и путей участия отдельных граждан или их групп в политической жизни. Философские книжки и теории представляют интерес для различных представителей интеллигенции именно с точки зрения обоснования путей и способов политического оппонирования власти, создания гражданской атмосферы в обществе. Со своей философской высоты А.Н. Бердяев в своей статье в «Вехах» бесцеремонно упрекает всех обращающихся к философии в отсутствии у них глубины постижения тех или иных философских теорий. Критика самодержавной власти у Бердяева содержится всего в одной строчке⁶, вся остальная статья — критика без всякого снисхождения тех, кто добивается, как сказали бы сегодня, новой архитектуры политического пространства.

Русская, российская дореволюционная интеллигенция по своей деятельности есть эрзац, заместитель гражданского общества, и в этой своей ипостаси она решительно отличается от просвещенных, образованных лиц, профессионально занятых умственным трудом. К русской интеллигенции можно причислить тех, кто пытается своими конкретными действиями и поступками восполнить отсутствие институтов гражданского общества. Это люди не только самых разных профессий и степени образованности, но и политических воззрений и интересов. Здесь никого нельзя исключать. Нет такой профессии — русская интеллигенция. Преподаватель,

студент, крестьянин, любой человек, кто попытался решать вопросы гражданской самодеятельности и самостоятельности, есть в тех условиях представитель интеллигенции, хотя отдельные деятели науки, культуры, искусства тех времен неоднократно открещивались от того, чтобы их называли интеллигентами. Но, конечно, у людей с образованием, прежде всего, могли появиться развитые гражданские добродетели, гражданская ответственность, хотя связь между гражданской позицией и образованием далеко не простая, особенно применительно к российским условиям.

Интеллигенция есть социальное образование, которое возникает и устойчиво существует в общественном пространстве между самодержавной властью и государственной бюрократией, с одной стороны, и остальным народом, с другой стороны, в условиях перехода российского общества от феодализма к капитализму. Одним словом, русская (российская) интеллигенция — это довольно аморфный и многоплановый социальный феномен. С точки зрения социальной структуры его границы подвижны и неопределенны. Они не могут быть уловлены социологическим анализом социальной структуры общества. Русская интеллигенция есть публичная, и, следовательно, гражданская совесть народа в конкретно-исторических условиях пореформенной России. Поэтому, подчеркнем, еще раз, она не связана жестко с какими-то профессиями. Нельзя никому отказывать в праве публичного поступка, индивидуальной демонстрации гражданской совести и гражданской позиции.

Здесь возникает вопрос. Можно ли назвать студентов-юнцов, вышедших на улицу, интеллигентами, хотя они и отнесены в «Вехах», словно в насмешку, к русской интеллигенции⁷. Было бы опасно любой публичный поступок или уличные действия считать проявлением гражданской позиции. Проявление недовольства, хулиганство, бытовые или уличные ссоры на этнической почве — прямого отношения к выражению гражданской позиции не имеют, хотя каждый случай требует отдельного рассмотрения.

Когда говорится о гражданском обществе, то имеется в виду, что развитая политическая система состоит из господствующих и оппозиционных, но так или иначе организованных политических сил, ведущих борьбу за власть, властные возможности принятия решений на государственном уровне. В противном случае нет публичного политического пространства. Где могла публично выступать русская интеллигенция, если реальной политической сферы в пореформенном российском обществе практически не было, кроме верноподданничества как образа мыслей и действий.

Понятно теперь, где место и роль интеллигенции. Откуда это — не могу молчать и почему не могу молчать? Собственно говоря, никто не спрашивает у интеллигенции ее отношения к происхо-

дящим в обществе реформам или, наоборот, к явлениям застоя и деградации. Но она, как мыслящая и просвещенная часть общества, берет на себя роль публичного выразителя общественного мнения, и потому в той или иной мере всегда находящейся в оппозиции к власти.

Еще раз о духовной позиции интеллигенции

Сначала нарождавшаяся русская интеллигенция была народнической по духу. Движимая чувством совести, она публично осмеливается критиковать власть за то, что реформы не облегчают положение народа. Власть действует не в интересах народа, а против них, государство в ходе реформ забывает о своем историческом предназначении — о своей ответственности за общее благо всех подданных, всего населения страны. Капитализм — это зло для всех народов России. Капитализм несет собой социальное расслоение, распад общины, насаждение индивидуализма и стремления только к личной выгоде. Интеллигенция обличает несправедливые действия власти в отношении народа и уверена в том, что правда находится на стороне народа, апеллирует к вечным традиционным ценностям русского народа, к нравственным основам русской жизни. Критики народнической интеллигенции называли это народопоклонством.

Главный упрек и в XIX веке, и в XX веке русской интеллигенции заключался в том, что интеллигенция хочет не того, что хочет народ. Так ставился вопрос в тех самых «Вехах». Интеллигенция говорит от имени народа, а кто ей дал такое право? У народа есть своя точка зрения. И сегодня всякий, кто стремится осудить интеллигенцию за то, что она выступает в роли борцов за народное счастье, повторяют эти слова. Это важный вопрос. И на нем следует остановиться подробнее.

В условиях отсутствия реального политического представительства интеллигенция заявляет, что она берет на себя ответственность за судьбу страны, считает себя в ответе за ее будущее, что она защищает интересы народа, в основном состоящего из крестьянской массы, других социальных групп так, как она их понимает. Конечно, противостояние интеллигенции власти во имя народа и от имени народа далеко не всегда было разумным. В нем было много утопизма, морализаторства, пустословия — любые оценки здесь могут подойти. А об отдельных интеллигентах и говорить не приходится, насколько они бывали и бывают сегодня эгоцентричными и несносными в личном общении. Но вряд ли в этом можно упрекать всю интеллигенцию в целом, когда отсутствуют легальные формы политической борьбы, публичного отстаивания интересов народных масс, остающихся по большей части молчаливыми и непрощенными.

Здесь уместен другой вопрос, а самодержавная власть делала то, что хотел народ или делала то, что считала нужным, не считаясь с народом? Всегда существует противоречие между интересами классов, различных социальных групп и интересами государства и общества в целом. Поэтому и появляется сфера публичной политики, политическая сфера, в рамках которой должны разрешаться эти противоречия. Публичная полемика позволяет искать и находить компромиссы.

Можно говорить о каком-то единстве народнической интеллигенции, но уже после нее нельзя утверждать о наличии единой по взглядам интеллигенции. Мыслящие люди, те, которых относят к интеллигенции, начинают занимать не абстрактные позиции борьбы за высшую справедливость, высокие идеи и нравственность, а политические позиции. Но основной признак интеллигенции остается прежним: противостояние и критика власти теперь уже и слева, и справа.

Л. Троцкий в 1912 г. верно заметил, что после революции 1905 г. время интеллигенции закончилось⁸. На ведущие места в обществе выдвигаются партии, хотя интеллигенция вплоть до революции 1917 г. остается самостоятельной и влиятельной общественной силой. Следует иметь в виду, что одна и весьма значительная ее часть начинает придерживаться определенных идеологических, партийных позиций. Другая часть, напротив, в партии не идет и решительно порывает с активной общественной деятельностью, третья продолжает вести борьбу с внепартийных, общечеловеческих позиций, что позволяет сохранять каждому из них имя настоящего русского интеллигента, продолжающего верить в свое предназначение — быть выше жестких партийных догм и идеологических принципов.

Идеологически ангажированную интеллигенцию можно классифицировать как левую, правую, либеральную, социалистическую, рабочую, партийную, православную и другую интеллигенцию. Но она работает на определенную идеологию или на партию, и теперь выделение интеллигенции в особый слой имеет весьма простой смысл — это люди преимущественно с высшим образованием. Таково, собственно говоря, и понимание интеллигенции в широком смысле слова.

Во всем виновата левая интеллигенция. Так ли это?

Теперь относительно упреков в адрес левой дореволюционной интеллигенции в том, что она, в отличие от других групп интеллигенции, беспочвенна и антигосударственна, что она слишком нетерпелива в своем желании иметь в стране конституцию, партии, парламент и т.д. Ответ на эту критику зависит от того, была ли левая интеллигенция исторически права или нет, действи-

тельно ли имелись тогда реальные возможности для перехода самодержавной России к западной модели капитализма.

По моему глубокому убеждению, таких реальных возможностей у страны не было. Россия оставалась тогда и, кстати, остается сегодня, периферией капиталистической мировой системы. У периферии иная траектория экономического развития, чем у центра. Центр является держателем и собирателем всех капиталов, которые стекаются в него со всего мира и которыми он распоряжается к своей собственной выгоде. Это объясняет, например, почему в России оказывается возможным второе издание крепостничества. Когда в Западной Европе развивается мануфактура, а затем и фабрично-заводская промышленность, то западному обществу требуется все возрастающее количество природного сырья и сельскохозяйственной продукции. Поэтому для многих аграрных стран становится выгодным заниматься и далее их производством, но такая ориентация хозяйственной жизни лишь усугубляет неравномерность их экономического и социального развития.

Модернизация экономики носит выборочный характер и определяется во многом потребностями более развитых стран. Происходит постепенная атрофия внутренних источников развития. Все это и приводит к появлению в мире огромного числа периферийных стран, отсталых и зависимых. Но стать зависимой и полукOLONиальной страной Россия не могла именно по причине своего статуса великой державы. Неразрешимое противоречие заключалось в том, что имперская Россия по мере проведения реформ все больше отстает, а не приближается к западным странам по уровню экономического, социального, политического, военного развития. Но, конечно, центральная проблема переходного периода — это проблема власти, поскольку до самого начала революции 1917 г. в стране оставалось самодержавие.

Тупиковость развития страны есть объективная основа радикализации настроений в российском обществе как слева, так и справа. Степень радикализации общества зависела тогда от поведения власти. Самодержавная власть своей близорукостью и безответственной политикой, кажется, сделала все возможное для максимальной радикализации российского общества. Если власть стремилась защищать свои политические позиции на путях открытого насилия и террора, нежели на путях реальной демократизации, к примеру, как в бисмарковской Германии, то падение самодержавия было просто неизбежным. Левую интеллигенцию можно упрекать в антигосударственных настроениях, но то же самое следует сказать в адрес ярых защитников самодержавия, которые, укрепляя давно отживший этот институт власти, только ускорили его неизбежное падение. За радикализацию интеллиген-

ции, как справа, так и слева несет полную ответственность самодержавная власть.

Теперь, что касается беспочвенности. Почвой можно считать только традиционный уклад жизни, но каким образом его можно отделить от института самодержавной власти и православия как государственной идеологии? Защитниками традиционного уклада становятся монархисты, черносотенцы, деятели церкви. Они апеллируют к духовно-нравственным, религиозно-метафизическим ценностям. Для них проблема личности — это вовсе не проблема становления политически активного гражданина и гражданского общества, а проблема нравственного самосовершенствования.

Именно об этом и говорится в предисловии к «Вехам». И потому отсутствие в стране политических реформ авторов этого сборника мало интересует. «Для русской интеллигенции, — пишет С.Н. Булгаков, — предстоит медленный и трудный путь перевоспитания личности. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни: Государственной — для осуществления «реформ», экономической — для поднятия народного хозяйства, культурной — для работы на пользу русского просвещения, церковной — для поднятия сил учащей церкви, ее клира и иерархии»⁹. Про реформу политической системы, разумеется, ни слова, как и про то, кто же все-таки является автором этих разных реформ — высший слой бюрократии или кто-то другой, принимающий здесь политическое решение?

Интеллигенция логикой самой жизни вынуждена защищать два крайних, два радикальных способа спасения российского общества в виде, которые сами, в свою очередь, порождены тупиковостью российского хода истории. Или нравственное самосовершенствование личности или борьба против государства, которое отказывает в праве каждому подданному стать гражданином и принимать участие в публичной политике. В любом случае интеллигенция апеллирует к идейным, духовно-нравственным ценностям, к тому, что составляет смысл существования российского государства. Но одна ее часть условием дальнейшего его существования считает нравственное совершенствование личности, а другая — активное участие в радикальном изменении социальных отношений в обществе. История дала ответ, кто оказался прав.

Что могло быть антитезой российскому радикализму?

Синтез традиционализма и либерализма, т.е. создание правового государства в виде конституционной монархии, — таков был предложенный Б.Н. Чичериным либерально-консервативный общественный идеал, — оказался в то время лишенным общественной поддержки, как и более поздняя аналогичная « лабора-

торная» конструкция П.Б. Струве¹⁰. Синтез предполагает совместную, длительную, заинтересованную работу правительства и всего общества, требует большого исторического времени. Этот синтез нужно было начинать российской власти, по крайней мере, еще в начале XIX века. Восстание декабристов было последней неудавшейся попыткой освободить страну от периферийной роли в капиталистической мировой системе. Дальнейшее отставание страны постепенно выдвигает другую тенденцию развития на первый план, который и реализуется в первые десятилетия XX века. Полное истощение страны в годы первой мировой войны и привело к революции 1917 г. Одним словом, возможности мирной социальной революции в России оказались ничтожными.

Еще раз скажем. Не следует преувеличивать роль и влияние интеллигенции на ход исторического развития пореформенной России. Выходящие на историческую арену социально-политические силы, которые были «разбужены» активностью народной интеллигенции, в дальнейшем ставят просвещенную часть общества перед выбором. Либо она должна пойти работать в возникающие партийно-политические структуры и действовать далее через них, или действовать по-прежнему разрозненно, в одиночку и в скором времени очутиться на обочине истории, когда начинаются революционные потрясения 1917 г.

Советская интеллигенция пала жертвой своих амбиций в годы перестройки

В советском обществе интеллигенция считалась социальной прослойкой или социальной группой, состоящей из людей, профессионально занятых умственным трудом. Со времен оттепели в обществе находились отдельные личности, которые стали выступать с публичной критикой тех или иных конкретных действий партийно-советской власти. Они обычно назывались в печати диссидентами, или несколько мягче, инакомыслящими. Как правило, они подвергались идеологической проработке, а нередко и разного рода репрессиям. После отставки Хрущева и пражских событий 1968 г. диссидентство как движение в стране приобрело довольно широкий размах, но оно оставалось практически неизвестным для общества. Подавляющее большинство диссидентов выступало за социализм «с человеческим лицом», но власти не допускали даже мысли о необходимости публичного обсуждения стратегических целей общества, обновления устаревших идеологических штампов.

Перестройка вызвала к жизни мощное движение, прежде всего, в кругах интеллигенции, которая отважилась, наконец-то, открыто осуждать и критиковать партийно-советскую власть. Возникла ситуация переходного периода в стране, которая во мно-

гом напоминала ситуацию в пореформенной России, и которая стала развиваться по уже знакомому сценарию.

Первоначально главной целью «архитекторы перестройки» объявили построение демократического социалистического государства, правового государства и гражданского общества. Отказ от однопартийной системы и единственно верной идеологии, переход к многопартийной системе и к идеологическому плюрализму стало главным мотивом активных выступлений и действий перестроечной советской интеллигенции. Поэтому не случайно с самого начала перестройки началось энергичное обсуждение проблематики хорошо известного из дореволюционной российской литературы треугольника отношений: власть – интеллигенция – народ. На первых порах повсеместно обсуждалась тема: «Интеллигенция и народ». Затем, когда интеллигенция пошла во власть, самой острой проблемой стали отношения интеллигенции и власти. Эйфория по этому поводу у самой интеллигенции была предельно высокой.

Советская интеллигенция «вспомнила» свое историческое предназначение русской интеллигенции, когда она стала вслух говорить о своем гражданском долге, своей гражданской позиции. Правда, было одно различие, но весьма существенное. В пореформенной России власть жестко противостояла всей критически настроенной левой интеллигенции и примирительно относилась к крайне правым настроениям. Перестроечная власть поступила прямо противоположным образом. Поскольку власти разрешили свободу критики своих собственных идеологических и организационных основ, то спектр свободного выражения мнений сразу же оказался чрезвычайно широким. С одной стороны, плюрализм мнений действительно свидетельствовал о начале становления гражданского общества. Верные по своему замыслу первые шаги власти по пути демократизации советского общества были в целом поддержаны подавляющим большинством граждан. Но очень скоро ведущие идеологи партии стали всячески провоцировать интеллигенцию и подталкивать ее к все большей радикализации требований вплоть до отказа от советского социализма. Предельное обострение общественно-политических противоречий привело к полному параличу властно-управленческой вертикали и распаду союзного государства, советской системы власти. Радикально правая интеллигенция пошла во власть.

После 1991 г., когда распался Советский Союз, особенно после октября 1993 г., казалось, что теперь интеллигенция получила все, чего хотела. Но очень быстро наступило разочарование. Вопрос не в том, что интеллигенция не выдержала испытания властью. К примеру, А. Собчак откровенно написал о глубоком разочаровании своим хождением во власть, хотя трудно поверить в его

искренность¹¹. Но дело было, конечно, в другом. Бюрократия использовала интеллигенцию в качестве орудия разрушения советской системы, а затем стала всячески вытеснять интеллигенцию из властных структур. Началось становление дикого, волчьего капитализма. Новое и слабое российское государство было просто приватизировано олигархами, захватившими наиболее жирные куски бывшей государственной собственности, что привело к невиданной социальной поляризации общества. Неизбежным, но побочным продуктом смены общественно-политического и экономического строя стало появление большого числа политических партий и общественно-политических объединений, ряда других институтов нарождающегося гражданского общества. И потому историческая миссия, историческая роль отечественной интеллигенции показалась общественному мнению завершенной.

Все начинается сначала?

В 90-е гг. самой обсуждаемой темой стал вопрос о ненужности интеллигенции. Давайте говорить теперь об интеллектуалах, но в память о прошлом составим прощальный мартиролог. Превосходная статья Н.Е. Покровского так и называлась «Прощай, интеллигенция»¹². Несколько позже другой автор, В. Лебедев, написал ироничную статью под тем же названием¹³. С предельной откровенностью Н.Е. Покровский выразил еще раз свою позицию в другой своей статье, посвященной 90-летию «Вех». «Ныне речь может идти только об отношениях найма рабочей силы, в данном случае интеллектуальной: кого, когда, на сколько и за сколько. Рынок, так рынок»¹⁴. В некотором смысле дискуссии вокруг сборника «Вехи» были итоговыми, завершались 90-е гг. и вместе с ними времена бездумных радикал-либеральных экспериментов.

В частности, клуб «Свободное слово» Института философии РАН откликнулся специальным заседанием в марте 1999 г. На обсуждении доминировала либеральная точка зрения.левой радикальной интеллигенции досталось и в этот раз. В своем выступлении автор настоящей статьи говорил о том, что «в слезном спектакле о прощании интеллигенции я вижу вполне определенный идейный смысл, а именно попытку объявить всякие левые поползновения интеллигенции устаревшими, вышедшими из моды, ностальгическими... И все же интеллигенция не умерла и не собирается умирать, по крайней мере, до тех пор, пока российское общество не сможет разрешить... глубочайший кризис, в котором находится страна»¹⁵.

Попытка форсированного перенесения на постсоветскую почву западной модели демократии и гражданского общества провалилась, что едва не привело к краху РФ как нового типа российской государственности. К концу XX века РФ оказалась на

границы распада. В мае 1999 г. А.И. Солженицын, выступая на общем собрании Российской академии наук, посвященном 275-летию со дня ее основания, сказал, что трудно говорить об утешительном прогнозе для России. Сегодня мы живем «в условиях уникального в человеческой истории пиратского государства под демократическим флагом». Руководители правительства, сидевшие в президиуме, кисло аплодировали. Речь Солженицына была опубликована только «Независимой газетой»¹⁶. Общество совершенно не «заметило» этого выступления. Никакой полемики, никаких откликов. Речь была предана забвению, так же, как и ее публикация в Вестнике РАН среди других материалов общего собрания¹⁷. Разве это не настоящий гражданский поступок писателя с мировым именем? В общем, авторы поторопились, когда написали о конце интеллигенции. Прощание с интеллигенцией не состоялось.

После прихода В.В. Путина на пост Президента республики начинается постепенное собирание России, угроза распада России была отодвинута, но не преодолена. Вместе с тем В.В. Путин подвергается критике со стороны радикально-либеральной интеллигенции за свертывание демократических институтов. Эту позицию предельно четко выразила Л. Шевцова: «Ельцинское выборное самодержавие уступило место бюрократическо-авторитарному режиму». «Путин усилил традиционализм, начав восстанавливать обвалившееся при Ельцине государство привычно русского типа»¹⁸.

Действительно, в стране происходит становление неотрадиционалистского государства с явно выраженными авторитарными чертами и всеми вытекающими отсюда последствиями. Идет медленное, но неизбежное возвращение государства в общество, преодоление наследия радикал-либерального взгляда на государство как на ночного сторожа, рост устойчивости политической системы.

Видимо, российскому государству и в обозримом будущем не удастся избавиться от своей тяжелой исторической ноши быть носителем и главным субъектом идеи общего блага. На этом пути опять появляются хорошо известные по прошлой истории серьезные для страны опасности и угрозы. Они связаны с усилением власти первого лица, с несправедливостью в виде нарастающего социального расслоения на богатых и бедных, с отсутствием эффективного гражданского контроля и стагнацией гражданского общества в его самых неразвитых и первоначальных формах, с выдавливанием его институтов из сферы публичной политики. Наконец, это и опасность появления тоталитарных тенденций в виде, например, прямой, жесткой заботы государственной власти о состоянии нравственности общества и каждого человека,

когда только государство решает, что такое добро и что такое зло. Такую задачу власть хотела бы возложить в недалеком будущем на православную церковь, которая все больше желает взять на себя функции государственной идеологии.

Российская история в который раз вновь будет искать баланс между самовластными устремлениями государства и существующими в обществе представлениями о роли государства как носителя идеи общего блага, как обязанного претворять в жизнь исторически сложившиеся представления о нравственности, праве, социальной справедливости. Вот здесь большую роль вновь будет играть интеллигенция, как публичная, более того, гражданская совесть, как духовно-нравственное ядро российского общества и народа. Интересно, что именно с начала нового века по всей стране проходит большое количество форумов и конгрессов интеллигенции¹⁹. (Более редкими событиями стали форумы и конгрессы гражданского общества, при этом на них лишь в самом общем виде затрагивались вопросы публичной политики.)

Тема интеллигенции вновь активно обсуждается в обществе, так что о конце интеллигенции вообще перестали говорить в последнее время. Но если посмотреть, о чем на этих форумах и конгрессах говорят, то, прежде всего, о необходимости поддержки интеллигенцией нынешних усилий власти по стабилизации общества. Поэтому в этой ситуации все чаще упоминается об ответственности, чем об интеллигенции²⁰. Интеллигенция, которая неизменно заявляет о своей безусловной поддержке различных действий власти, берется активно ей содействовать, называется в печати общественностью или даже передовой общественностью. Увы, значительная часть российской интеллигенции именно так понимают сегодня свою историческую роль.

О ситуации в стране и в мире и сложностях ее понимания

С начала века высшая власть активно наводит «порядок» в политическом пространстве и гражданском обществе, пытается вытеснить все непредсказуемое и неконтролируемое из политической среды, в том числе ряд радикальных партий, ограничить их влияние на общественное мнение.

Происходящим в политической жизни процессам трудно дать сегодня однозначную оценку. Все зависит от того, во имя чего происходят в ней такие значительные перемены. Одно дело, если они становятся условием мощного модернизационного рывка, другое дело, если это наведение порядка в политической сфере порождено страхом коррумпированной государственной бюрократии за свои места и деньги²¹.

В стране по-прежнему сохраняется глубокое отчуждение власти от общества, столь характерное для традиционного общества.

Неотрадиционалистское общество здесь отнюдь не исключение. Современные партии в России не пользуются высоким уровнем доверия, хотя среди них есть и оппозиционные партии со своей прессой и публикациями, но они имеют мало политического влияния на взгляды населения. Институты гражданского общества по-прежнему больше всего сосредоточены в неполитической сфере.

Поэтому нередко только настойчивое давление интеллигенции способно пробить броню отчуждения и пренебрежения интересами граждан, их конституционным правом принимать участие в политической жизни. Проверенное оружие интеллигенции — прямая публичная критика действий органов государственной власти, и, прежде всего, правительства, использование любых информационных каналов с целью доведения до власти мнения различных слоев населения. Но интеллигенция не торопится использовать это оружие, а возможно ей просто не дают многого сказать.

В целом идейная ситуация в обществе сложная. Она вновь связана с попыткой синтеза традиционализма, апеллирующего к духовно-нравственным, религиозно-метафизическим ценностям, и либерально-демократических ценностей. Проблема в том, что непосредственный синтез здесь вряд ли возможен, именно как жизнеспособный синтез, который открыл бы дорогу к ускоренной модернизации России как великой державы, к сохранению ее суверенитета. Следует принять во внимание конкретное место, которое занимает Россия в мире как периферия капиталистической мировой системы. Если синтез и возможен, то, скорее всего, он будет обретать очертания колониально-либерального синтеза. Тогда за Россией на долгие десятилетия останется роль, обусловленная сложившимся мировым разделением труда, быть сырьевой кладовой Запада, хотя при этом начнут складываться какие-то устойчивые формы политической жизни. Но в **такого рода государстве** основные решения по стратегическим целям развития общества принимаются за его пределами.

Страна сегодня находится далеко позади развитых капиталистических государств, и длительный процесс прививки либерально-демократических ценностей объективно не способствует ускоренному развитию России. Дилемма — либо борьба за последовательное развитие институтов либеральной (буржуазной) демократии и формального права, либо форсированное достижение целей модернизации российского общества — действительно является для страны весьма актуальной.

Форсированное развитие страны — это вновь обращение к левым идеям, к идее нового социализма. В ее основе вновь будет лежать идея общего блага. Выразителем идеи общего блага рано

или поздно станет государство, высшая власть. Но прежде чем произойдет такой поворот в головах правящей элиты, интеллигенция наряду с другими политическими силами должна донести и до власти, и до народа подлинный смысл идеи нового социализма.

Конечно, гражданское общество не спасает ни от эксплуатации, ни от бедности, поскольку формальное равенство перед законом не имеет прямого отношения к проблеме социальной справедливости. Чтобы принятые законы выполнялись гражданами России, они должны быть справедливыми по своему существу. Поэтому у Маркса и ставился вопрос о переходе от гражданского общества к подлинно гуманному обществу, к человеческому обществу. Но этот переход можно осуществить не мимо гражданского общества, а только через его развитие. Эту мысль и пытается теоретически развить сегодня современная концепция нового социализма.

Но не будем опережать событий. Впереди борьба за новую социалистическую перспективу для России. Поэтому сохраняется роль интеллигенции и в России, и на Западе. Нельзя говорить, что она полностью отыграла.

Знаменитая фраза Э. Золя «не могу молчать», как выражение подлинной гражданской позиции писателя-интеллигента, и сегодня сохраняет свою актуальность. Необходимость в обличении власти, в критике ее опасных действий и поступков не пропадала и долго еще не пропадет и у нас, и в современном западном обществе. К примеру, Н. Хомский является не только выдающимся американским лингвистом, но и самым известным из американских диссидентов, который признан в левых кругах «совестью нации», духовным отцом всех левых антиамериканских движений. Более того, по некоторым опросам он признан самым выдающимся общественным мыслителем современности. Его книги, обличающие американский империализм, известны всему миру²².

В России ситуация совсем другая при всем внешнем сходстве отдельных сторон политической жизни России и Запада. «Русская (российская) интеллигенция» — это граждане в точном смысле этого слова, как наиболее просвещенный и ответственный слой российского общества. Суть гражданской позиции — это не просто участие в разговорах о судьбах российского государства, а законное право на участие в выработке целей развития государства, практической работе по их реализации, в контроле над деятельностью государственных чиновников, так что поддержка власти и жесткая конструктивная оппозиция ей всегда должны идти рядом. Тем более, что люди у власти добровольно нигде в мире от власти не отказываются и свои политические ошибки признают крайне неохотно.

Так что интеллигенции еще найдется работа. И потому не случайно веховские оценки интеллигенции вновь направляются именно против левопатриотической ее части. Скоро 100 лет сборнику «Вехи». Готовятся книги и юбилейные мероприятия, осталось недолго ждать, какие оценки будут даны нынешней российской интеллигенции, тем более, что сегодня ей особенно «похвастаться» нечем. За окном бушует финансово-экономический кризис, которому ни конца, ни края не видно. Но как выразилась одна интеллигентная персона на страницах одной массовой газеты, «в стране кризис, а нам не страшно».

Примечания

- ¹ Померанц Г.С. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность // IGRUNOV.RU.
- ² Розанов В.В. Мимолетное. Запись в дневнике 31.8.1915 г. — М., 1994. — С. 292.
- ³ Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. — М., 1998. — С. 413. Приведу еще один пример. С.В. Лебедев пишет: «Общий вывод весьма прост: два раза за XX век интеллигенция предала русский народ и обрекла его на нищету, голод, войны, упадок культуры» (Лебедев С.В. Преступление интеллигенции // www.rusk.ru/st/php?idar=104397/).
- ⁴ См.: Померанц Г.С. Интеллигенция, интеллигенты и интеллигентность.
- ⁵ Струве П.Б. Россия под надзором полиции // Освобождение. Т. 1. 1903. № 20/21. — С. 357.
- ⁶ Текст многословного Бердяева полон двусмысленностей и противоречий: «Зло русской жизни, зло деспотизма и рабства... не побеждается искаженным(?) усвоением разных крайних(?) учений. И Авенариус, и Ницше, да и сам Маркс очень мало нам помогут в борьбе с нашим вековечным злом, исказившим(?) нашу природу и сделавшим нас столь невосприимчивыми к объективной истине» (Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. — М., 1990. — С. 21). Что ни фраза, то загадка.
- ⁷ «Студент» стало нарицательным именем интеллигента во время революции» (Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. — С. 48).
- ⁸ «В 1905 — 1906 гг. на историческую арену выступили большие социальные тела — классы со своими интересами и требованиями; эпоха заместительства закончилась, исторически исчерпав себя. И вместе с тем покончено с апостольством интеллигенции» (Троцкий Л. Об интеллигенции // Интеллигенция. Власть. Народ. — М., 1993. — С. 116).
- ⁹ Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество. — С. 63. В предисловии к «Вехам» говорится следующее: «Внутренняя жизнь личности есть единственная творческая сила человеческого бытия и что она, а не самодовлеющие начала политического порядка, явля-

- ется единственно прочным базисом для всякого общественного строительства» (Предисловие // Вехи. — С. 4).
- ¹⁰ Важнейшие аспекты концепции либерального консерватизма П. Б. Струве обстоятельно рассмотрены в работе *Иванцовой О. К.* Философия либерального консерватизма П. Б. Струве. — М., 2004. Автор верно говорит о концепции Струве как о мыслительной конструкции. «То, что не было реализовано на практике, было осуществлено в «лабораторных» условиях русской философской мысли в творчестве Струве» (С. 5).
- ¹¹ «Я с горечью должен признать: политик живет в особой зоне надчеловеческих отношений. Политика способствует проявлению в человеке всего худшего» (*Собчак А.* Хождение во власть. — М., 1991. — С. 63).
- ¹² См.: *Покровский Н. Е.* Прощай, интеллигенция // Независимая газета. НГ-сценарии. 1997. 10 апреля. — С. 2.
- ¹³ См.: *Лебедев В.* Прощай, интеллигенция. www.lebedev.com/2002/art3000.htm
- ¹⁴ *Покровский Н. Е.* Горячее дыхание власти // На перепутье. Новые вехи. — М., 1999. — С. 64.
- ¹⁵ *Шевченко В. Н.* Выступление в дискуссии «К 90-летию со дня выхода сборника «Вехи» // Свободное слово. Альманах. 1999. — М., 2000. — С. 202.
- ¹⁶ См.: *Солженицын А.* Наука в пиратском государстве // Независимая газета. 1999. 3 июня. — С. 8.
- ¹⁷ См.: *Солженицын А. И.* Слово при получении Большой золотой медали им. М. В. Ломоносова, 1998 г. // Вестник РАН. 1999. № 11.
- ¹⁸ *Шевцова Л.* Как Россия не справилась с демократией: логика политического отката // Pro et contra. 2004. Т. 8. № 3. — С. 40, 51.
- ¹⁹ См., например: I и II Конгрессы российской интеллигенции; Форум интеллигенции Республики Саха (Якутия); Форум интеллигенции Краснодара; Нижегородский форум творческой интеллигенции Приволжского Федерального округа; Форум чувашской национальной интеллигенции; Оптинский форум «Наследие России и духовный выбор российской интеллигенции» и т. д. Гораздо меньше проводится заседаний с названием форум гражданского общества. К примеру, в Москве 22 января 2008 г. работал Общероссийский гражданский форум.
- ²⁰ См. подробнее: Интеллигенция и общественность в истории российского общества // *Шевченко В. Н.* Россия: общество, государство, история. — М., 2005.
- ²¹ См.: *Кургинян С. Е.* Медведев и развитие // Завтра. 2008. № 9.
- ²² См. последние работы: *Хомский Н.* «9 — 11» (11 сентября). — М., 2001; *Его же.* Новый военный гуманизм: Уроки Косова. — М., 2002; *Его же.* Прибыль на людях. — М., 2005.

МИФОПОЭТИЧЕСКИЙ НАРРАТИВ КАК ОДНО ИЗ ОСНОВАНИЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ*

Д. П. КОЗОЛУПЕНКО

Проблема «социальной преемственности» мировосприятия и понятие «архетипа»

В формировании мировосприятия как такового можно выделить две основные составляющие: биологическую и социальную. Взаимодействие и специфика этих двух составляющих определяют тип мировосприятия человека в целом, его индивидуальные особенности и те его черты, которые позволяют говорить о преемственности мировосприятия от поколения к поколению.

Так, биологическая компонента формирования преемственности мировосприятия определяется генетической предрасположенностью человека в складывании определенных черт характера и темперамента, влияющих на различные аспекты мировосприятия. Генетическая или биологическая преемственность поколений не зависит от внешнего, социального влияния на человека и в силу этого может быть охарактеризована как «автоматическая преемственность». Нас она интересует в наименьшей степени, так как по своей специфике является предметом изучения скорее конкретных наук, нежели метатеоретического и философского исследования.

Вторая же составляющая формирования человеческого мировосприятия, названная нами социальной, складывается из различных видов и типов воспитания, взаимовлияния различных человеческих индивидуальностей, социального окружения в целом. Таким образом, эта составляющая кажется практически абсолютно «внешней» для человека и потому относительно нее возникают следующие вопросы: если социальная сторона формирования мировосприятия привносится извне, то как (каким именно образом) возможна преемственность поколений в данном аспекте? И если «социальная преемственность» (назовем ее

* Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ «Психология культуры: отражение специфики аналитического и мифопоэтического мировосприятия в человеческой культуре (Опыт фундаментального и междисциплинарного исследования на стыке философских, психологических, социальных, филологических наук и наук о культуре)», грант № 07-06-00066а.

так условно) мировосприятия формируется изначально посредством воспитания, образования и т.д., то насколько этот процесс формирования преемственности может быть подконтролен «воспитателю»? Попробуем рассмотреть эти вопросы более детально.

Вопросы о том, насколько вообще можно говорить о существовании «социальной преемственности» и каковы механизмы ее осуществления, лучше всего, думается, рассматривать на примере традиционных, архаических и «мифологических» обществ, а также основ формирования мировосприятия у маленьких детей. Во всех перечисленных случаях можно обнаружить, что стабильность мировосприятия, обеспечивающая его преемственность, держится на трех основаниях, именуемых МИФ, РИТУАЛ и СКАЗКА. Содержащиеся в них архетипы хранят в себе возможность единства человеческой культуры в целом и обеспечивают стабильность общества и психологический уют отдельного человеческого мира. Они же делают понятным, приемлемым, *своим* (о-своенным) большой и непонятный мир для маленького ребенка.

Задолго до теории архетипов К.Г. Юнга в работах Ф.И. Буслая и других русских филологов XIX в. появляются темы «первообразов» в мифологии, врожденных идей и априорного знания, коллективного бессознательного. Правда, понятие «первообраза» в этих работах не менее смутно, чем понятие самого мифа, а часто употребляется и как просто тождественное ему. Тем не менее, уже в 1851 г. Д.О. Шеппинг пишет во введении к своей статье «Опыт о значении Рода и Рожаницы»: «В человеческом уме есть такие аллегорические формулы для изображения общих законов жизни и разума, которые предшествовали всем мифическим преданиям и которые, если бы эти предания и не дошли до нас, тем не менее существовали бы в наших понятиях»¹. Сходную мысль развивает и Ф.И. Буслав, говоря о связи мифа и эпоса и причине «единообразия эпических мотивов», которая, по его мнению, кроется в существовании некоторого «первообраза», к которому постоянно обращаются певцы и сказители, и который «кочует» таким образом из одного предания в другое².

Правда, «провести границу между первоначальным зарождением мифа и его актуализацией в той или иной традиции достаточно сложно, ибо и мифологическое представление, и слово, ведомые творческой силой языка-мифа, каждый раз как бы создаются заново»³. И здесь вновь сказывается неуловимая изменчивость, свойственная мифу. Но поскольку уже признано, что «сам по себе миф» не может быть предметом исследования, а представляется нам лишь в своих про-явлениях, то вопрос проведения границ между конкретным проявлением и его первообразом снимается сам собой. Важно другое: то, что распространенность мифа

во времени и в пространстве, его неуловимость и изменчивость не мешает, однако, распознавать его каждый раз, как мы встречаем где-либо его отблеск. Думается, «первообраз» играет в этом распознавании не последнюю роль.

Несмотря на то, что ученые XIX в. широко использовали термин «первообраз», который является точным эквивалентом греческого «архетип»⁴, и что в литературе, посвященной фольклору, слово «первообраз» употреблялось в значении «прототип», «прототекст»⁵, впервые серьезным исследованием этого «первообраза» занялся лишь спустя почти столетие К.Г. Юнг, чья теория архетипов имела немалое значение для понимания универсальности и, если можно так выразиться, живучести мифа.

Не секрет, что К.Г. Юнг, будучи психологом, занимался отнюдь не древней мифологией, но психикой своих современников и неожиданно обнаружил в ней отголоски древних мифов. «В сновидениях, как и в продуктах психоза, присутствуют бесчисленные взаимосвязи, параллели, которые можно найти только среди мифологических комбинаций идей... типические мифологемы наблюдались у тех индивидов, в отношении которых не может быть и речи ни о каких знаниях такого рода и где опосредованное влияние (религиозные идеи, которые могли бы быть им известны, или обороты разговорного языка) было невозможно. Такие заключения заставили нас предположить, что мы, скорее всего, имеем дело с “автохтонными” возвращениями, независимыми ни от какой традиции, и что, следовательно, в бессознательной псюхе должны присутствовать мифообразующие структурные элементы... Эти продукты никогда (или, по крайней мере, крайне редко) не бывают оформленными мифами, скорее это мифологические компоненты, которые ввиду их типической природы мы можем назвать “мотивами”, “первообразами”, “типами” или — как назвал их я — архетипами»⁶.

Говоря о том, что же представляет собой архетип, К.Г. Юнг замечает: «Его основной смысл не был и никогда не будет сознательным. Он был и остается предметом интерпретации, причем всякая интерпретация, которая каким-либо образом приближалась к скрытому смыслу (или, с точки зрения научного интеллекта, абсурду, что то же самое), всегда, с самого начала, претендовала не только на абсолютную истинность и действительность, но также требовала безропотного повиновения, уважения и религиозной преданности. Архетипы всегда были и по-прежнему остаются живыми психическими силами, которые требуют, чтобы их восприняли всерьез и которые странным образом утверждают свою силу. Они всегда несли защиту и спасение, а их разрушение приводит к «perils of the soul» (потере души), известной нам из психологии дикарей»⁷.

Описывая существующие архетипы и тем самым существенно облегчая последователям поиски следов мифа и объяснение его универсальности, сам К.Г. Юнг признает, что, помимо констатации существования такого явления и описания конкретных архетипов, не может сказать более ничего определенного о его «бессознательной» природе. Архетип, как и миф, ускользает от определения. Все, что можно сказать о них, так это то, что «архетипические высказывания основаны на инстинктивных представлениях и им нечего делать с разумом; они разумно не обоснованы и не могут быть опровергнуты разумными аргументами. Они были и являются некоторой частью картины мира, “representations collectives” (коллективными представлениями), как верно назвал их Леви-Брюль»⁸.

Надо сказать, что в своей концепции К.Г. Юнг скорее отмечает — и очень точно — проблему архетипа, чем решает ее, ибо и то, что он «не столько доказывает свои положения, сколько старается внушить веру в них»⁹, и то, что «юнговский архетип — нечто крайнее неясное»¹⁰, не раз отмечалось исследователями. Да и сам Юнг, говоря о том, что он «вынужден довольствоваться своим незнанием»¹¹, — причем в позднейшей своей работе, — прекрасно это осознает.

Архетип у Юнга может принимать самые различные формы (так, архетип «божественная дева» может выступать в облике девушки, девушки-матери, танцовщицы, менады, нимфы, сирены, кошки, змеи, медведя (что неимоверно странно в русском контексте, где последний всегда считался мужским символом), крокодила, саламандры, ящерицы... Содержание архетипа трактуется еще более произвольно, и этот произвол имеет для Юнга принципиальный характер, ибо он считает, что невозможна никакая универсальная интерпретация архетипа, содержание которого может быть понято только в конкретном контексте. При этом, по мнению Юнга, содержание архетипа вообще недоступно научному анализу и может быть выражено только иносказательно (здесь юнговская концепция архетипа явным образом перекликается с символическими теориями). Так что его понятие архетипа оказывается мифологизированным не менее, чем понятие символа, и вызывает такое же количество вопросов и недоумений.

Тем не менее, К.Г. Юнг отметил два немаловажных свойства, присущих архетипам: то, что они составляют часть особой (мифологической) картины мира и в другой картине мира (скажем так, разумной) существовать не могут и вытесняются ею в подсознательное, и то, что они определенным образом довлеют над речью и поведением человека, заставляя «принимать их всерьез», т.е. подчиняться их особой логике, той самой, по которой и строится мифологическая картина мира, частью которой они являются

ся. При этом Юнг прекрасно показал универсальность архетипов как мифологических компонент, их распространенность как во времени, так и в пространстве, поставив проблему их связи не только с определенной культурой, но с человеческим сознанием и бессознательным вообще и — шире — их взаимовлияния с социальными структурами и соответственным доминирующим типом рациональности.

Кроме того, возможна и трактовка «архетипа», значительно отличающаяся от трактовки символа — понимание архетипа не как шифра, содержащего скрытый смысл и нуждающегося в интерпретации, а непосредственно как «первообраза» (напомним, такова русская калька греческого слова «архетип»), как «образца для подражания». Именно таким образом употребляют это слово Августин, Эугенио д'Орс, М. Элиаде, именно так употреблялось оно в русской мифологической школе, в фольклористике. Архетипы, понятия как коллективная память, а не как коллективная фантазия (что было характерно для понимания символа), снимают проблему изучения реальности мифа как нереального, ибо прошлое, сохраненное в архетипах, оказывается в таком случае не менее реальным, чем личная биография (а для традиционных обществ — так и более реальным)¹² и чем настоящее. И концепция Юнга вполне допускает такую трактовку архетипа.

Занимаясь описанием конкретных архетипов, таких как архетип младенца, матери и пр., К.Г. Юнг рассматривал их по отдельности, так, как если бы это были вполне самостоятельное образования, не задаваясь вопросом, что может связывать эти архетипы воедино. Хотя принадлежность их к одной картине мира уже предполагает некоторое единство. Возможно, единство это будет более понятным, если обратить внимание на основные свойства этой древней картины мира, на мифологическое ощущение-представление причинности, пространства, времени и на особенности мифологического героя вообще, без рассмотрения различных их архетипов. Ибо если таковые архетипы могут существовать лишь в определенном мире, то описание этого мира может прояснить некоторую специфику архетипа и таким косвенным образом помочь разглядеть, что же такое миф и мифологическое.

Именно такие особенности мифа, как их довление над человеком и наличие в них особой «логики» (вернее даже, их подчинение особому типу причинности), и обратили на себя внимание антропологов и этнологов, представителей «научной» линии в мифологических исследованиях. Определение и строгое научное объяснение основаны на принципах формальной логики. Миф основан на «логике» иного типа и в первую очередь предполагает особый вид причинности; он рисует особую картину мира, на этой причинности основанную. Соответственно, и «определение»

мифа может быть лишь определением совершенно иного рода — таким, которое будет базироваться на мифопоэтическом понимании причинности, а не на привычной строгой причинно-следственной цепочке.

Проявление доминирования мифопоэтического типа мировосприятия в детском возрасте и формирование социальной преемственности мировосприятия

Случайно или нет, но именно на мифопоэтической причинности строится детское мировосприятие, частично передающееся ребенку от родителей через читаемые ими сказки, частично присущее ему непосредственно в силу особенностей детской психики. Ж. Пиаже пробовал выяснить специфику мировосприятия детей, задав им ряд «детских» вопросов («почему ветер дует?», «почему трава зеленая?» и т.д.) — и обнаружил, что детскому мышлению присущи те черты, которые, как выявили другие исследователи, характерны для мифопоэтического мировосприятия: анимизм (одушевление всех без исключения предметов и явлений), фрагментарность пространственная и временная, феноменальность (соединение несоединимых с точки зрения каузальности явлений и понятий), глобальность мышления (перенесение свойств и черт своего микромира на макромир и наоборот), размытость черт внутреннего и внешнего мира и т.д.¹³

Чем объяснить такую особенность детского мировосприятия? Приходит ли оно из архетипов, существующих в психике каждого человека и в этом смысле «автоматически» передается от родителей или же это результат воспитания: речевых особенностей взрослых в их общении с ребенком, передачи тех же архетипов через сказки и пр.? Вопрос непростой и, скорее всего, не имеющий однозначного решения. С одной стороны, исследование архетипов показывает, что их преемственность не может объясняться только социальными кодами, так как одни и те же архетипы появляются и начинают доминировать в различных никак не связанных между собой культурах, что и заставляет говорить об их психологической, но не социальной природе. С другой же стороны, обращение к нашей языковой практике показывает, что мы сами исподволь передаем ребенку несвойственные, казалось бы, для нас установки анимизма и пр., произнося фразы типа «дождь идет» или «кукла хочет спать», да к тому же рассказываем ему сказки, которые — все без исключения — несут в себе основы мифопоэтического мировосприятия.

Сказка сама по себе играет двоякую роль в формировании преемственности мировосприятия: с одной стороны, поддерживая специфические мифопоэтические установки, характерные для детского мышления, а с другой — создавая возможность понима-

ния ребенком таких вещей, которые характерны для взрослого мышления и которые в ином, «не-сказочном», виде оказываются непонятными и плохо усваиваются детским мышлением именно в силу его (мышления ребенка) мифопоэтической направленности. «В этом особом, одушевленном мире [сказки] дошкольник легко и просто осваивает связи явлений, овладевает большим запасом знаний, научное, «взрослое» понимание которых ему еще недоступно. В самом деле, как научно объяснить 4 — 5-летнему малышу происхождение ветра, как объяснить, почему звезды не падают на землю, как ввести его в мир борьбы между добром и злом? А в сказке, в игре это легко и просто... такая, пусть ненаучная, пусть временная систематизация ребенку необходима: она снижает «напряженность непонимания», гармонизирует сознание малыша, делает мир понятным, а значит приятным и удобным»¹⁴.

Ту же роль, роль снижения «напряженности непонимания», гармонизации сознания и создания психологического уюта, играет и мифопоэтическое мировосприятие в целом. «В сущности говоря, вера в тот или иной миф есть главный признак принадлежности человека к миру той или иной культуры. И если спросить, что отличает одну культуру от другой, то ответ будет предельно прост: в конечном итоге — МИФ, лежащий, в основании этой культуры. Миф — это то, что позволяет человеку чувствовать себя уютно и естественно в своей культуре и не уютно и не естественно — в чужой»¹⁵. Ключевое слово в определении функций мифа, заставляющих его неизбежно проявляться во всех без исключения обществах — уютно.

Миф является, в первую очередь, нашей адаптивной психологической функцией, согласующей наше мировосприятие и наш тип социальности. Он обеспечивает человеку если не комфорт, то, по меньшей мере, определенный уровень приемлемости бытия. Он создает правила поведения в этом мире и он же их легитимизирует. Он создает иллюзию порядка, причем каждый раз именно такого порядка, который позволяет существовать данному конкретному типу социальной организации. Если же мы посмотрим на процесс складывания детского мировосприятия, то несомненно согласимся с тем, что не последнюю роль в этом процессе играет социализация ребенка, т.е. усвоение им как раз той самой «иллюзии порядка», которая обеспечивается Мифом и Ритуалом и которая транслируется ребенку взрослыми через Игру и Сказку.

Однако здесь мы сталкиваемся с удивительным парадоксом: универсальность мировосприятия и преемственность поколений в ее социальном аспекте обеспечивает то, что по сути своей является основой изменчивости и творческим стимулом. «Функция мифа в культуре заключается в том, чтобы спровоцировать инте-

рес человека к миру биологически нейтральных феноменов и предметов — тех феноменов и предметов, которые находятся принципиально за пределами его видовой программы... Миф — это искушение человека на то, что любой биологический вид оставляет глубоко равнодушным.... Миф — это такая особая, базовая структура человеческой культуры и человеческого осознания, которая инициирует и стимулирует интерес человека к всепредметному миру. А вся культура человека есть не что иное, как манифестация и реализация этого всепредметного интереса»¹⁶. Миф раскрывает нам, тем самым, вторую свою функцию — побуждение к творчеству или снятие ограничений.

Миф — это всевозможность. А, следовательно, — и всенеобходимость. И если первая функция — адаптивная — служит для принятия и сохранения некоего вида бытия и некоего мировосприятия, то вторая — творческая — функция позволяет существовать изменению как таковому и постоянному распространению интереса человека как виду за рамки, обозначаемые этим бытием и этим мировосприятием, и обеспечивает тем самым гибкость общества и мировосприятия, а значит, и выживание этого общества и человека вообще. Ибо динамическая структура оказывается, в конечном итоге, всегда гораздо более защищенной, чем статическая. Ведь миф «принципиально исходит не из того, что есть, а из того, что может быть. А это и значит, что структура мифа может быть охарактеризована как вероятностная... В мифе человек исходит не из логики факта, а из странной логики, согласно которой все может быть... И это именно та логика, которая позволяет сохранять принципиальную открытость будущему, причем открытость любому будущему»¹⁷.

Существование характерного для мифа принципа «всевозможности» отмечалось различными исследователями мифологии и фольклора. Так, А.Ф. Лосев называл его законом «универсального оборотничества» (или, лучше сказать, оборачивания), замечая, что в мифопоэтике «ни в какой вещи человек не находит ничего устойчивого, ничего твердо определенного. Каждая вещь для такого сознания может превращаться в любую другую вещь, и каждая вещь может иметь свойства и особенности другой вещи»⁸. Об этом же свойстве мифопоэтического мировосприятия пишет и К. Леви-Стросс: «В мифе все может быть; кажется, что последовательность событий в нем не подчиняется правилам логики и нарушает закон причинности. Любой субъект может иметь здесь любые предикаты, любые мыслимые связи возможны»¹⁹, а Ю.М. Лотман и Б.А. Успенский замечают в своем исследовании, что в мифопоэтике всякий «объект может утрачивать связь со своим предшествующим состоянием и становиться другим объектом»²⁰.

Методология бриколажа оказывается наиболее действенной в постоянно или слишком резко меняющемся мире, ибо сохраняет что-то не по принципу однозначного соответствия (которое запросто может исчезнуть после изменения), а, скорее, «на всякий случай» (так как случай и впрямь может оказаться «всяким», пока ситуация не стабилизировалась и не создано каких-либо более-менее устойчивых прогностических теорий).

Мифопоэтический способ сбора информации, бриколаж, как бы возвращает нас к принципам детского мышления. «Повидимому, работа памяти, организованной мифологическим образом, весьма похожа на то, как работает память ребенка-дошкольника. Любой ребенок-дошкольник с удивительной легкостью запоминает огромные объемы случайной информации, которую он вычерпывает из окружающего его мира, начиная с момента своего рождения. И самое поразительное заключается в том, что «методологией» этого детского познания оказывается принципиальная бессистемность, абсурд, хаос — то, что было охарактеризовано как вероятностный характер детского мышления. Ребенок набирает информацию об окружающем мире как попало, как придется, в совершенно произвольной и не продуманной заранее последовательности; но всякий раз из соображений личного ситуативного интереса. С точки зрения объемов осваиваемой информации этот путь оказывается весьма эффективным, гораздо более эффективным, нежели тот, который предлагает любое систематическое образование. И это не что иное, как мифологическое познание в чистом виде»²¹.

Думается, сходство методов познания в данном случае отнюдь не случайно. В некотором смысле можно сказать, что каждый ребенок оказывается в той же ситуации, что и человек «мифологического общества», а именно: в ситуации становления, вероятности и неустойчивости всех возможных систем. В ситуации, описанной выше как «всевозможность» и «всеобщее оборотничество» и ассоциирующейся с «точкой бифуркации» — моментом, когда дальнейшее развитие системы оказывается практически непредсказуемым и зависит от малейшего «случайного» воздействия. Восприятие, характерное для мифопоэтики, таким образом как бы амортизирует силу воздействия неожиданных и непредсказуемых изменений, вводя сам фактор непредсказуемости в психологическую картину мира.

«Но, таким образом, миф как бы предуготовливает такую встречу человека с миром, в которой мир выступал бы не как объективная среда, а как сфера творческой самореализации личности... в которой человек мог бы себя почувствовать хозяином и демиургом этого мира, имеющим право создавать из этого мира все новые и новые формы качественной определенности... это есть

механизм, благодаря которому человек оказывается предохранен от потенциального сумасшествия в той ситуации, когда происходит встреча человека со всевозможным миром, когда бесконечное число биологически нейтральных явлений и предметов попадает в сферу жизненных интересов человека, и когда каждый, попадающий в поле его внимания предмет, открывается как потенциально бесконечная Вселенная возможностей»²².

Поскольку бриколаж оказывается методологией исключительно ситуативной, основанной на личностном переживании некоего события и со-бытия (в результате чего у каждого оказывается как бы свой бриколлажный набор образов — парадокс «разности информации», о котором писали как применительно к «мифологическим обществам», так и применительно к детскому восприятию мира), то, соответственно, возникает второй существенный признак мифопоэтического мировосприятия — принцип личностной вовлеченности в со-бытие мира и чувство необходимости каждого его участника и равной ответственности за него.

Если в условиях нестабильности принцип вариативности оказывается необходимым как методология познания и деятельности в определенном мире, в определенной социокультурной и личностной ситуации, то принцип личностной вовлеченности и своеобразное ощущение само-необходимости оказываются определяющими для начала всякой познавательной деятельности вообще и особенно актуальными в мифопоэтической ситуации, где познанию отводится весьма существенная роль. «Эгоцентризм ребенка-дошкольника, уверенного в том, что именно он и есть центр Вселенной, вокруг которого вертится мир, эгоцентризм, детально проанализированный в исследованиях Пиаже, — это то мифологическое самоощущение маленького ребенка, без которого просто невозможна его познавательная энергия»²³. Эгоцентризм сменяется в мифе своеобразным полицентризмом, базирующимся на уверенности не только в собственной необходимости, но в необходимости и значимости каждого, находящегося в данном мире, и потому заслуживающим самого пристального внимания. Принцип личностной вовлеченности, являющийся своеобразным психологическим проявлением основного закона мифопоэтического мировосприятия — закона участного внимания — оказывается сильнейшим информационно-познавательным стимулом, позволяющим аккумулировать ту огромную познавательную энергию, которая оказывается необходимой для методологии бриколажа.

Соответственно, если речь идет о *личностной* вовлеченности, личностном соединении различных «кусочков опыта», то естественным проявлением такого подхода оказывается синкретизм или нераздельность эмционально-образно-действенной компо-

ненты в мифопоэтическом мировосприятии, так как само понятие личностной вовлеченности включает в себя представление о собственном отношении к образу и ситуативности его возникновения и использования.

«Матрешечное» вложение множества смыслов в каждый образ или «многофункциональность» каждого образа, используемого бриколлером, позволяет говорить одновременно и об архетипичности, и о символичности мифопоэтического мировосприятия, которые в данном случае обосновывают друг друга. Именно благодаря тому, что каждый образ многозначен и мерцающ, т.е. несет в себе отголоски сотен других образов, ситуаций, эмоций и действий, он оказывается устойчивым и единственным для различных культур и обществ в разные исторические периоды, поскольку каждый раз каждое общество может «вытащить» из этого первообраза то его проявление и тот смысл, который соответствует социокультурной ситуации данного общества. Таким образом, символичность мифа, исходящая все из того же принципа личностной вовлеченности и существующая благодаря методологии бриколажа, оказывается основой его архетипичности.

При этом освоение мифа и сказки, стимулирующих творческие способности, происходит в том возрасте, когда самостоятельность мышления минимальна и авторитет взрослого, «транслирующего» свой тип мировосприятия (в том числе, а в этом возрасте даже в первую очередь, через сказку), неоспорим.

Мифопоэтический нарратив как одно из оснований социальной преемственности в мировосприятии ребенка и проблема воспитания независимого мышления в дошкольном возрасте

В результате проведения ряда опытов с дошкольниками выяснилось, что воспитание независимого мышления в 3 — 4-летнем возрасте — весьма непростая задача, так как в силу особых психологических установок дети этого возраста не видят очевидных ошибок взрослого, полагая, что «взрослые ошибаться не могут, на то они и взрослые» и потому идут не просто по пути социальной преемственности, а полностью подражают, несмотря на различные виды разъяснений ошибочности действий. Так, Е.В. Субботинский описывает проводимые опыты по выработке независимости мышления и поведения 3-летних детей. Приведем их с некоторыми сокращениями. «Проведем простой опыт. Дадим ребенку чашку, тарелку и кубик из набора игрушек, возьмем такие же предметы себе и научим его выполнять несложную программу: пусть кладет кубик в тарелку всякий раз, когда мы положим его в чашку и наоборот. Мы видим: даже 3-летние малыши быстро схватывают суть задачи и обучаются делать «все наобо-

рот». А теперь пригласим «партнера»... Первые два действия партнер делает верно, затем начинает время от времени ошибаться... Оказалось: большинство 3-леток не смогли проявить независимость; они копируют все ошибочные действия партнера...»²⁴. Далее ребенку предлагают «потренироваться» самому, т.е. без партнера, повторив необходимые действия 40 – 50 раз, а потом, когда все, казалось бы, доведено до автоматизма, снова приглашают партнера а в игру. И ... ситуация повторяется: почти все дети немедленно начинают ошибаться вслед за партнером и совершать верные действия, если он не ошибается. Возможно, ребенок не замечает ошибки, решают экспериментаторы и предлагают не повторять действия партнера, а лишь комментировать их ребенку. Действительно, как показывает данная часть эксперимента, часть детей просто не замечает совершаемых партнером ошибок. С детьми проводят «разъяснительную беседу», научая отличать верные действия взрослого от неверных. Кажется, на словесном уровне ребенок вполне научился контролировать поведение партнера. Но как только он включается в игру, подражание вновь берет верх над независимостью: лишь 20 % детей смогли дистанцироваться от партнера и не копировать все его действия. И лишь в единственном случае эксперимент завершился полным успехом: когда ребенку изначально сказали, что взрослый играть в эту игру не умеет и его нужно научить.

Данная серия экспериментов наглядно демонстрирует, насколько сильно подражание у детей дошкольного и особенно младшего дошкольного возраста и, следовательно, какую значительную роль в становлении их мировосприятия должна играть социальная преемственность. И изучение и усвоение основ мифопоэтического мировосприятия в этом возрасте очень важно – ведь именно через сказки и благодаря различным «отблескам» мифопоэтики в нашей речи складываются максимально благоприятные условия для создания социальной преемственности (в силу возрастных и связанных с ними психологических особенностей), но в то же время закладываются основы самостоятельного мышления (благодаря специфике мифопоэтики в целом).

Можно предположить, что доминирование того или иного компонента мировосприятия – преемственного или индивидуального – зависит не в последнюю очередь от типа передачи информации, а именно: закреплению преемственных черт способствует мифопоэтический нарратив, тогда как то же мифопоэтическое творчество, воспринятое через письменную речь (т.е. самостоятельное чтение сказок, мифов и пр.) способствует развитию независимого, творческого мышления и индивидуальных особенностей мировосприятия. Думается, именно с появлением письма и книги – сначала рукописной, а затем и печатной, – связано в зна-

чительной степени изменение типа мышления и представлений о мире. И именно с освоением письменной речи (т.е. непосредственно перед поступлением в школу или в первом классе, с началом самостоятельного чтения) начинается и быстро растет доля самостоятельности в мировосприятии ребенка, тогда как значение преемственных компонентов существенно понижается.

В самом деле, письмо приносит с собой несколько принципиально новых возможностей. Прежде всего, письмо предполагает возможность фиксации сказанного, что, в свою очередь, предоставляет возможность «остановки», о-пределения, введения в рамки (и возможность появления самих этих «рамок», которых в мифопоэтике не существовало, поскольку ей свойственна изменчивость, текучесть и избегание всякого рода «остановок» и ограничений), возможность отграничения понятий друг от друга и дистанцирования читателя от слова. Тем самым письмо в значительной мере упреждает такую важную черту мифопоэтической картины мира, как неуловимость и изменчивость. Мерцание слов-образов, присущее мифопоэтике, заменяется картографичностью слов-понятий. В итоге вместо необходимости слушать и вживаться в устное слово ребенок получает возможность дистанцироваться и оценивать написанное, вкладывать в него собственный смысл и свою интонацию.

С другой стороны, фиксация сказанного влечет за собой возможность дословного повтора (цитации) и возврата к тексту, что связано с потерей одномоментности и уникальности, также свойственных нарративу. Рассказ в устной традиции понимается как раз-сказ, т.е. данное только здесь и сейчас, уникальное, единственное и неповторимое явление: поток слов ускользает, как и поток времени, как воды реки, в которую «не войти дважды». Поэтому устная речь требует к себе особого внимания, ведь не услышанное сейчас не будет уже услышано никогда. «Долгожительство» и неизменность книги даются только в обмен на это особое, почтительное внимание, вслушивание в слово. Ибо, если устная речь неповторима и уникальна, если она одномоментна, то книгу всегда можно отложить в сторону, чтобы через час или через месяц вернуться к раскрытому на нужной странице тексту в полной уверенности, что за время нашего отсутствия ничего в ней не изменилось. Фиксация слова и происходящая от нее возможность возврата делают отношение к тексту все более легковесным, а сам текст (а с ним и его «автора») – менее авторитетным. Это в значительной мере оказывается стимулом для развития самостоятельности мышления и тем самым понижения степени преемственности поколений в плане мировосприятия.

Фиксация же влечет за собой и возможность отсылки к тексту и тем самым возможность «снятия ответственности» за произно-

симые слова («это не я сказал, это из работы небезызвестного М.» — вполне невинная, на первый взгляд, фраза, полностью меняющая позицию говорящего). Обратной стороной этой же возможности является появление феномена авторства и проблемы плагиата как довольно позднего «побочного эффекта» того же явления. В мифопоэтике авторства как такового не существует: это в прямом смысле слова коллективное и, более того, всеобщее творчество. Говорящий здесь никогда не является автором, но всегда со-автором, и потому несет ответственность за свои слова (и, кстати, не может от них отречься), но не обладает произволом говорения: он говорит то, что «слышит», а не «измышляет». Отсюда еще большее почтение к голосу говорящего и внимание, которого остается все меньше при росте статуса книги.

При возникновении феномена авторства теряется и универсальность, присущая мифу. Множество «авторов», появляющихся в письменной традиции вместо «со-творцов» мифопоэтики, приносят с собой раздробленность и временность, которые отныне кажутся неизбежно присущими не только текстовому массиву, но и всей культуре в целом.

Фиксация позволяет вновь и вновь возвращаться к различным текстам, составляя для них комментарии и толкования того, что «имели вы в виду в таком-то месте и в такой-то строчке». Множество толкований несет в себе, в свою очередь, повод для сомнения в тексте (или, как минимум, в правильности его прочтения), что приводит к падению авторитетов и возникновению феномена «проблемности». Интересно, что мифопоэтика вообще не знает «проблем» — они появляются только в философском и научном мышлении и довольно быстро занимают там главенствующее положение: явление само по себе примечательное и вполне заслуживающее отдельного исследования. В самом деле, если в мифопоэтике мы всегда встречаемся с человеком, божеством, бытием, пониманием (или его отсутствием, на худой конец), то философия, равно как и наука, встречает своих приверженцев проблемой человека, проблемой божества, проблемой бытия, проблемой понимания и — иногда — условиями их (т.е. человека, божества, бытия, понимания и т.д.) возможности.

Таким образом, получается, что письмо, книга и основанные на письменно-книжной традиции философия и наука несут с собой фиксацию, определение (а, следовательно, и схематизацию и абстрагирование) и проблематизацию: три основных нововведения, неведомых мифопоэтике и достаточно поздно усваиваемых ребенком. Если говорить совсем коротко, различие двух традиций состоит в том, что письмо картографично, а миф — мерцающ. Первое определяет всему границы и места на единой плоскости, стремясь «заполнить пробелы» и избегая «наложений»,

второе вовсе не заботится о «пробелах» и «наложениях», свободно перемещая вещи в бесконечном количестве измерений, то совмещая их друг с другом, то вовсе устраняя. В итоге получается, что устная традиция как таковая является существенным условием доминирования социальной преемственности над независимостью мировосприятия, тогда как письмо оказывается предпосылкой нарушения этой преемственности и высвобождения тех творческих стимулов, которые, как мы уже замечали, скрыты в самой структуре мифопоэтических текстов.

В самом деле, воспитание дошкольников строится преимущественно (если не целиком и полностью) на устной речи, которая в совокупности с повышенной «доверчивостью к авторитету» в этом возрасте ведет к усвоению и закреплению мировоззренческих установок старшего поколения, т.е. к той самой «социальной преемственности». Слушая мифопоэтическую речь взрослого, ребенок запоминает не только и не столько слова, сколько общую атмосферу, тон, интонацию их произнесения и — в целом — отношение к ситуации того, кто ее излагает. Так, ситуация за ситуацией, сказка за сказкой происходит усвоение и перенимание мировосприятия родителей.

В то же время, закладываемые сказкой основы творческого мышления не менее необходимы. Если бы мифопоэтика не содержала в себе творческого стимула, закладываемого исподволь в сознание ребенка еще на стадии устного восприятия, но пока не востребованного им, самостоятельное мышление в дальнейшем оказалось бы если не полностью невозможным, то, по меньшей мере, весьма проблематичным.

Примечания

¹ *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. — М., 1997. — С. 116.

² См.: *Буслаев Ф.И.* Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. — СПб., 1861.

³ *Топорков А.Л.* Теория мифа в русской филологической науке XIX века. — С.118.

⁴ См. там же. — С. 116.

⁵ См. там же.

⁶ *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. — Киев, 1996. — С.87 — 88.

⁷ *Юнг К.Г.* Поздние мысли // *Юнг К.Г.* Дух Меркурий. — М., 1996. — С. 371; *Юнг К.Г.* Душа и миф: шесть архетипов. — С. 92.

⁸ *Юнг К.Г.* Поздние мысли. — С. 371.

⁹ Там же. — С. 18.

¹⁰ Там же. — С. 19.

¹¹ Там же. — С. 370.

¹² В одной из своих книг, посвященных вопросам мифологии, М. Элиаде замечает «Что значит “жить” для человека, принадлежащего

к традиционным культурам? Прежде всего, это жить по внечеловеческим моделям, жить согласно архетипам. И следовательно, жить в сердцевине *реальности*, ибо подлинно реальны только архетипы» (*Элиаде М.* Космос и история. – М., 1987. – С. 93).

¹³ См.: *Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. – М., 1999.

¹⁴ *Субботинский Е.В.* Особое мышление дошкольника // Популярная психология для родителей. – М.: Педагогика, 1988. – С. 113.

¹⁵ *Лобок А.М.* Антропология мифа. – Екатеринбург, 1997. – С. 25.

¹⁶ Там же. – С. 46 – 47.

¹⁷ Там же. – С. 127.

¹⁸ *Лосев А.Ф.* Античная мифология в ее историческом развитии. – М., 1957. – С.12 – 13.

¹⁹ *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. – М., 1983. – С.184 – 185.

²⁰ *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Миф – имя – культура // Теория знаковых систем. Вып. VI, 1973. – С. 63. А.М. Лобок пишет об этом свойстве мифа ещё более конкретно: «Нельзя не заметить, что универсальное оборотничество мифа является почти буквальным слепком с той Вселенной возможностей, которые оказываются заключены в любом конкретном предмете окружающего человека мира в контексте его культурно-преобразующей деятельности. А это и означает, что миф имеет в виду не мир сам по себе, а мир в человеческом контексте. Он имеет в виду то, что человек в своей деятельности нарушает естественный порядок мира и вводит этот мир в состояние фундаментальной неустойчивости. Он имеет в виду то, что человек в своей культурной деятельности создает новый фундамент этого мира, и этим фундаментом становится как раз абсолютная подвижность, абсолютная взаимопревращаемость, навязываемая миру человеческой деятельностью» (см.: *Лобок А.М.* Антропология мифа. – С. 69).

²¹ *Лобок А.М.* Антропология мифа. – С. 279 – 280.

²² Там же. – С. 70 – 71.

²³ Там же. – С. 83.

²⁴ *Субботинский Е.В.* Подражание и независимое поведение детей-дошкольников // Популярная психология для родителей. – М.: Педагогика, 1988. – С. 107.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Неизвестное прошлое

Х ВСЕМИРНЫЙ ФИЛОСОФСКИЙ КОНГРЕСС (Амстердам, 1948) В ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

С.Н. КОРСАКОВ

В 1930-е гг. участие советских философов во Всемирных философских конгрессах шло по нисходящей линии. В 1930 г. на VII Конгресс в Оксфорд должна была поехать представительная делегация Института философии во главе с А.М. Дебориным, но из-за интриг группы М.Б. Митина поехали только И.К. Луппол и А.В. Луначарский. В 1934 и 1937 гг. решение вопроса об участии советских философов в VIII Конгрессе в Праге и IX Конгрессе в Париже намеренно затягивалось фактическим руководителем Института философии М.Б. Митиным и в итоге оба раза СССР на Конгрессах неофициально представлял один Б.Э. Быховский в качестве корреспондента журнала «Под знаменем марксизма». В 1948 г. на X Конгресс в Амстердам советская делегация не поехала вообще. Но и это решение не было predetermined, и вновь основная вина за отказ участвовать в Конгрессе, как показывают архивные документы, ложится, прежде всего, не на государственные и партийные органы, а на руководителя Института философии, которым теперь был Г.Ф. Александров.

Амстердамский конгресс и советские философы

В результате Второй мировой войны международные контакты между философами были нарушены. После войны восстановить их было непросто. Попытка собрать в 1946 г. новый Всемирный философский конгресс в Риме оказалась неудачной: участников было слишком мало. Поэтому Десятым принято считать Конгресс, собравшийся в 1948 г. в Амстердаме.

Первое обращение Оргкомитета предстоящего Конгресса было разослано в ноябре 1946 г. Оно нашло широкий отклик. Многие философы прислали заявки на участие.

Статья подготовлена в рамках пректа РГНФ «История Института философии РАН: идеи и люди (1929 – 1931)», грант № 09-03-00611а.

В августе 1947 г. был разослан Первый циркуляр Оргкомитета. В этом документе цель Конгресса определялась как создание поля для контактов тех философов, кто в годы войны остался верен идеалам гуманизма вне зависимости от расы и национальности. Отсюда и тема Конгресса: «*Человек, человечность, человечество*». Срок присылки тезисов докладов был определен до 15 декабря 1947 г.

Председатель Оргкомитета Конгресса профессор Амстердамского университета Х.Дж. Пос тогда же обратился в советское посольство в Нидерландах с приглашением к советским философам принять участие в Конгрессе. 7 августа 1947 г. советское посольство проинформировало об этом Центрально-Европейский отдел Всесоюзного общества культурной связи с границей (ВОКС). 27 августа 1947 г. ВОКС переслал это приглашение и Первый циркуляр Оргкомитета в Институт философии АН СССР и просил информировать о решении по этому вопросу. Однако ответа не последовало.

Обеспокоенный профессор Пос 5 ноября 1947 г. вновь обратился к советскому послу в Нидерландах с просьбой передать советским философам приглашение на Конгресс. Пос акцентировал внимание на том, что для участия в работе Конгресса приглашаются представители стран-союзников и стран, подвергшихся оккупации в годы войны. Что касается Италии, Германии, Испании, Португалии и Аргентины, то Оргкомитет направил персональные приглашения лишь некоторым философам этих стран, известным своей антифашистской позицией. «На встрече философов такой важности очень ценно, чтобы можно было сравнить мысли, которые будут представлены в дискуссии. Мы будем рады видеть участниками философов из СССР на первом философском Конгрессе после войны», — писал Пос¹. Кроме того, Пос как главный редактор нидерландского философского журнала «*Algemeene Nederlandsche Tijdschrift voor wijsberde*» выразил желание установить контакт с редакцией журнала «Вопросы философии» и получать от советских философов статьи для опубликования в своем журнале.

О письме Поса посольство проинформировало МИД СССР, а МИД — Институт философии. 9 декабря 1947 г. заместитель министра иностранных дел СССР А.Я. Вышинский писал директору Института философии АН СССР академику Г.Ф. Александрову: «Прошу сообщить Ваше мнение по изложенным вопросам. В случае, если будет признано целесообразным принять участие в созываемом Конгрессе, Вам необходимо будет внести этот вопрос на рассмотрение в Правительство»².

В Институт философии были пересланы чистые бланки форм, которые надо было заполнить для участия в Конгрессе и Второй циркуляр Оргкомитета. В документе приводился список приглашенных докладчиков по секциям, срок присылки тезисов пере-

двигался на 1 марта 1948 г. и выражалась надежда, что те, кто еще не выслал свои тезисы, сделают это в ближайшее время.

Однако академик Г.Ф. Александров никакого ответа на приглашение участвовать в Конгрессе не дал. Занятая им позиция легко объяснима, если иметь в виду ситуацию, сложившуюся в советской философии после Всесоюзной дискуссии по его же книге «История западноевропейской философии». Александров был обвинен в аполитичности и преклонении перед западной мыслью. 30 октября 1947 г. он был понижен с должности начальника Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) до поста директора Института философии АН СССР. Здесь он на деле должен был доказать свою идейную боевитость и сознание превосходства русской философии перед западной.

То было время, когда набирала обороты компания «борьбы с космополитизмом». Любые контакты с иностранцами были под подозрением и легко заканчивались судебными преследованиями даже для самых высокопоставленных чиновников. Достаточно вспомнить в этой связи трагические повороты судьбы академика В.В. Парина или адмирала Л.М. Галлера. Перечень примеров можно продолжить.

Нетрудно представить себе ужас Г.Ф. Александрова, когда ему официально предложили высказаться по поводу участия во Всемирном философском конгрессе. В случае положительного ответа каждый его последующий шаг мог стать последним в его карьере. У него было достаточно врагов среди бонз советской философии, от Митина и Юдина до Чеснокова и Белецкого. Они бы уж позаботились представить его поведение перед Сталиным в неблагоприятном свете.

Без сомнения, критерии успешного участия в Конгрессе у профессора Поса и у Сталина были различными. В принципе для Александрова смертельно опасным был как провал, так и успех на Конгрессе. Его могли обвинить либо в дискредитации Советского Союза перед лицом мировой общественности, либо в сговоре со злейшими врагами марксизма-ленинизма. Но Александров не мог и отказаться от участия в Конгрессе, так как от идеологических руководителей требовали активной пропаганды советского образа жизни среди западной общественности. Отказ мог быть расценен как уклонение от этой святой обязанности. Поэтому Александров молчал и тянул время, надеясь, что вопрос рассосется сам собой. По крайней мере, истекут сроки предоставления тезисов и включения докладов в Программу Конгресса.

Не следует упускать из виду и такое обстоятельство. Сам Александров был достаточно квалифицированным философом, чтобы выступить на Конгрессе. Но кого из своих сотрудников Александров мог послать в Амстердам, чтобы в дискуссии на английс-

ком или французском языке они высказывались по всему комплексу философских наук? Тех, кто был на это способен, уже давно расстреляли. Новое поколение советских философов учили не для этого, а для того, чтобы идеологически обслуживать очередные решения партии и правительства.

Общий уровень подготовки, знаний и культуры советских философов был неизмеримо ниже, чем во второй половине 1920-х гг., когда философскими исследованиями руководил А.М. Деборин. Он и его сотрудники знали зарубежную философскую литературу и находились на уровне мировой философской мысли. Они легко могли выставить докладчиков в любой из секций Всемирного конгресса, что блестяще подтвердил И.К. Луппол, прочитав в 1930 г. на Конгрессе в Оксфорде свой доклад по-немецки. Нехватка профессионалов была еще одним сдерживающим фактором, хотя и менее значимым, чем страх оказаться мишенью для «борьбы с космополитизмом».

Время шло, сроки присылки тезисов на Конгресс истекли, а ответа от советских философов все не было. В апреле 1948 г. профессор Х.Дж. Пос вновь обратился в советское посольство за разъяснениями. С Х.Дж. Посом беседовал второй секретарь посольства Ф.С. Гусев, по совместительству бывший уполномоченным ВОКС в Нидерландах. 14 апреля 1948 г. Гусев проинформировал о беседе с Посом руководство ВОКС в Москве. Гусев писал: «На Конгрессе будут участвовать только философы прогрессивного направления. Председатель Оргкомитета профессор Пос, один из прогрессивных деятелей Голландии, считает, что без участия советских представителей Конгресс не будет в полном смысле слова международным. Поэтому профессор Пос настойчиво высказывает пожелание, чтобы советские философы приняли участие в работах Конгресса. Следует заметить, что в беседе с нашими друзьями, последние всецело поддерживают профессора в этом вопросе. Со своей стороны считал бы целесообразным участие советских философов в этом Конгрессе. Прошу сообщить, какой ответ следует дать нашим друзьям и профессору Посу»³. Трудно сказать, кого Ф.С. Гусев имел в виду под «нашими друзьями», но свое начальство он убедил.

12 мая 1948 г. председатель Правления ВОКС В.С. Кеменов писал Г.Ф. Александрову: «Повторяем нашу просьбу, а также посылаем дополнительно Третий циркуляр»⁴. В Третьем циркуляре Оргкомитета сообщалось о том, что Оргкомитетом уже получено 200 тезисов и что Оргкомитет не сможет напечатать тексты, полученные после 1 июня.

20 мая 1948 г. к Г.Ф. Александрову повторно обратился А.Я. Вышинский: «Прошу ускорить ответ». На этом письме имеется резолюция, наложенная Александровым 24 мая: «Берестневу. Прошу дать ваши предложения»⁵. Таким образом, только когда все сроки

подготовки к участию в Конгрессе прошли, Г.Ф. Александров обращается к своему заместителю В.Ф. Берестневу за разработкой предложений по этому вопросу.

16 июня 1948 г. А.Я. Вышинский в третий раз написал Г.Ф. Александрову по поводу участия в Конгрессе: «По сообщению нашего посольства в Гааге в работе Конгресса примут участие около 700 человек, в том числе из Франции 100, из США 30, из Англии 30, по 10 от Чехословакии, Польши, Венгрии. По словам организаторов, Конгресс должен будет носить прогрессивный характер. Однако среди участников Конгресса немало представителей реакционной философии»⁶. Такая двойственная оценка давала Александрову предлог отказаться от формирования советской делегации.

В отличие от СССР европейские социалистические страны, в особенности Польша, Чехословакия и Венгрия, направляли в Амстердам большие делегации. На это обстоятельство обратил внимание Г.Ф. Александров заведующий I Европейским отделом МИД СССР С.П. Козырев в специальном письме от 10 июля 1948 г., перечислив восточноевропейских философов, которые должны были поехать на Конгресс⁷. Однако это не повлекло за собой принятие положительного решения о нашем участии в Конгрессе.

22 июля 1948 г. профессор Пос предпринял последнюю попытку обеспечить участие советских философов в Конгрессе. В беседе с Ф.С. Гусевым он сказал, что свое согласие участвовать в Конгрессе подтвердили уже 800 человек, в том числе философы из социалистических стран. Он снова подчеркнул, что ни одного фашиста на Конгрессе не будет, и что он по-прежнему придает огромное значение участию советских философов и «терпеливо ждет» положительного ответа. Гусев мог ответить Посу только, что «не имеется еще никаких сообщений от наших философов»⁸.

Пос сказал также, что он и его коллеги желали бы посетить СССР для установления контактов с советскими философами и научными учреждениями. Такие планы были у них еще в 1937 г., но по объективным причинам эти планы не были реализованы. Теперь же МИД Нидерландов отказало Посу во въезде в советскую оккупационную зону Берлина на том основании, что приглашавшее его туда философское общество является замаскированной коммунистической организацией. Разумеется, ничего вразумительного на просьбу голландского профессора о посещении СССР советский дипломат ответить не мог.

Пос же, видимо, не представлял себе ту степень сервильности, которую надо было проявить западному интеллектуалу, чтобы вопрос о поездке в СССР был положительно решен не на уровне советника посольства, а на уровне Политбюро. Между прочим, когда запись этой беседы изучалась в Отделе пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) его заведующим Д.Т. Шепиловым, все выраже-

ния доброжелательности Поса в отношении СССР были отмечены синим карандашом⁹. Но, надо полагать, лояльность Поса была сочтена недостаточной.

26 июля 1948 г. заместитель заведующего I Европейским отделом МИД С.С. Михайлов выслал Г.Ф. Александру Четвертый циркуляр Конгресса. В этом Циркуляре сообщалось, что Оргкомитетом получено уже 250 тезисов. 2 августа 1948 г. Г.Ф. Александров получил от председателя Правления ВОКС В.С. Кеменова также запись беседы Х.Дж. Поса и Ф.С. Гусева. Однако в любом случае время уже было безвозвратно упущено, что и требовалось Г.Ф. Александру. Он с легкой душой мог выносить вопрос на решение высшей инстанции.

В августе 1948 г. вопрос об участии советских философов в Амстердамском конгрессе рассматривался на Секретариате ЦК ВКП(б) и был решен отрицательно¹⁰. Иного решения и нельзя было вынести. Ведь Конгресс-то уже началось.

Интересно, что когда Конгресс закончился, 19 августа 1948 г., Г.Ф. Александров получил следующий запрос от заместителя министра иностранных дел СССР В.А. Зорина: «Прошу сообщить, какое принято решение по вопросу об участии советских представителей в работе философского Конгресса в Амстердаме»¹¹. На документе имеется резолюция Г.Ф. Александрова «Подготовить ответ», датированная 20 августа. Бюрократическая машина МИД продолжала вертеться.

Изучение всей совокупности архивных документов, касающихся вопроса об участии философов нашей страны в Амстердамском конгрессе, заставляет сделать вывод, что препятствий к тому со стороны советских государственных органов не было. Более того, МИД и ВОКС настойчиво стимулировали руководителей советской философии к положительному решению этого вопроса. Партийные же органы активности в этом вопросе не проявляли ни в ту, ни в другую сторону. Директор Института философии АН СССР академик Г.Ф. Александров, таким образом, имел возможность выбора. Он мог принять положительное решение, провести его через инстанции, и в Амстердам поехала бы делегация советских философов. Он мог бы дать мотивированный отказ сразу после получения приглашения на Конгресс. Но он намеренно затянул решение вопроса, вплоть до того момента, когда его положительное решение стало невозможным, руководствуясь при этом личными мотивами, мотивами самосохранения. В этом он преуспел, пожертвовав интересами развития международных связей отечественной философии. Впрочем, у него был здесь предшественник — М.Б. Митин — поступавший точно также при решении вопроса об участии советских философов во Всемирных философских конгрессах в 1930-е гг.

На Конгрессе в Амстердаме

Первоначально предполагалось, что Конгресс пройдет с 19 по 25 августа 1948 г. Но в декабре 1947 г. во Втором циркуляре Оргкомитета Конгресса время проведения Конгресса было изменено на 11 — 18 августа 1948 г.

Как уже указывалось, председателем Оргкомитета Конгресса был профессор Амстердамского университета Х.Дж. Пос, последователь марбургской школы неокантианства, позже занимавшийся феноменологией. Вице-председателем Оргкомитета был крупный историк голландской философии профессор Лейденского университета Ф. Сассен. Пост ученого секретаря Конгресса занимал профессор логики и философии Амстердамского университета Э.В. Бет, создавший новый вариант семантики для интуиционистской логики и известные семантические и дедуктивные таблицы.

В состав Оргкомитета входили профессор Свободного кальвинистского университета Д. Волленовен, профессор Амстердамского университета Х.Дж.М. Олдегельт, профессор Утрехтского университета К.Дж. де Водель, профессора Неймегенского университета Х. Робертс, А.Дж.М. ван Мелсен и Я. Петерс и один из основоположников философской антропологии Х. Плеснер, работавший в это время в Гронингском университете.

Действительные члены Конгресса уплачивали взнос в 30 гульденов, получали отпечатанные материалы Конгресса и могли участвовать в дискуссиях. Ассоциированные члены уплачивали 15 гульденов и могли посещать все заседания Конгресса.

Амстердам не подвергся значительным разрушениям в годы войны, поэтому жильем участники Конгресса были обеспечены по довоенным стандартам. Оргкомитет помогал с обустройством. Расходы на проживание составляли от 8 до 15 гульденов в день.

Конгресс открылся в Амстердаме 11 августа 1948 г. Приветствие Конгрессу направил министр образования Нидерландов Г. Гелен.

Открывая Конгресс, Х.Дж. Пос выступил с речью, посвященной памяти бывшего председателя Международного философского общества Л. Полака. Л. Полак (1880 — 1941), крупный специалист в области философии знания, философии права и морали, был замучен нацистами в концлагере Заксенхаузен. Выступление Х.Дж. Поса задало на Конгрессе вполне определенную антифашистскую тональность.

На открытии Конгресса выступили такие известные философы, как Бертран Рассел, Мартин Бубер, Антонио Банфи.

Официальная тема X Конгресса — «**Человек, человечность, человечество**». Ей же было посвящено одно из пленарных заседаний. На других пленарных заседаниях обсуждались темы «**Восток и Запад**» и «**Человек и религия**». В Программу Конгресса входили следующие темы и секции:

Тема I. Метафизика и общая онтология.

Тема II. Аксиология.

Секция 1. Общая теория ценностей.

Секция 2. Этика.

Секция 3. Эстетика.

Секция 4. Философия права.

Тема III. Логика.

Секция 1. Логика и общая методология.

Секция 2. Символическая логика.

Тема IV. Философия науки.

Секция 1. Философия математики.

Секция 2. Философия природы.

Секция 3. Философия биологии.

Секция 4. Философские проблемы психологии.

Секция 5. Философия языка.

Секция 6. Философия истории.

Секция 7. Социология и этнология.

Тема V. История античной и средневековой философии.

Тема VI. История современной философии.

Выделение специальных секций по философии права, философии языка, философии истории было новым в истории всемирных Конгрессов. Из первоначального проекта Программы были исключены секции, посвященные восточной философии, философии техники, философским проблемам экономики, а также специальная секция «Век Спинозы и Лейбница», зато прибавилась секция символической логики.

В работе Конгресса приняло участие 600 философов из 30 стран — как действительных, так и ассоциированных членов. Было заслушано более 400 докладов. Время для доклада на пленарных заседаниях определялось в 50 минут, на секционных — в 30 минут, для выступлений в дискуссиях — в 20 минут. Официальные языки Конгресса — английский и французский, но в порядке исключения можно было пользоваться и другими языками.

К началу Конгресса были опубликованы присланные тексты докладов. Объем их определялся для пленарных заседаний в 10 страниц, для секционных — в 3 страницы и для выступлений в дискуссиях — в 2 страницы.

Кто из известных философов принимал участие в работе Конгресса? Председательствующим на пленарном заседании по теме «Человек, человечность, человечество» был Х. Плеснер. Здесь выступили известный польский философ В. Татаркевич, президент Бельгийского философского общества Ф. Дево, выдающийся немецкий логик Г. Фреге, аргентинский философский антрополог Ф. Ромеро.

Во втором пленарном заседании, посвященном диалогу западной и восточной философии, приняли участие крупные филосо-

фы из Индии и Китая. Среди них Т.М.П. Махадеван, С. Мао, Пандит Неру, В. Субрахманья. Это заседание было серьезным шагом к превращению международных философских Конгрессов во всемирные. На прежних Конгрессах участие философов из стран Востока было чисто эпизодическим.

На третьем пленарном заседании по вопросам философии религии выступили крупнейший теоретик протестантской диалектической теологии П. Тиллих и видный представитель католического модернизма М. Блондель.

В разделе «Метафизика и общая онтология» выступили известные феноменологи Э. Левинас и Р. Ингарден. В работе секций, обсуждавших вопросы аксиологии, принимали участие: президент Бельгийского философского общества Х. Перельман, видный польский философ Т. Котарбиньский, французский культуролог и музыковед В. Янкевич, крупнейший польский этик М. Оссовская, американский марксист, профессор Нью-Йоркского университета Дж. Сомервилл.

На заседаниях логических секций выступили многие выдающиеся ученые. Председателем секции «Логика и общая методология» был основоположник амстердамской школы философии математики Г. Маннури. В дискуссии участвовали: крупнейший представитель аналитической философии А.Дж. Айер, основоположник критического рационализма К.Р. Поппер, известный финский логик, работавший в то время в Кембридже Г.Х. фон Вригт, один из лидеров львовско-варшавской школы К. Айдукевич, видный немецкий логик и математик П.П.В. Лоренцен, профессор Марбургского университета Ю. Эббингауз, немецкий экзистенциалист Ф. Хейнеманн, директор Института философии Венгерской АН Б. Фогараши, известный перуанский философ Ф.М. Кесада.

В секциях по философии науки также участвовали крупные ученые. Председателем секции философии математики был член Нидерландской АН и один из основоположников интуиционизма Л.Э.Я. Брауэр. Среди докладчиков в этой секции были видный израильский математик А.А. Френкель, один из авторов системы аксиом Цермело — Френкеля, член Венгерской АН Л. Кальмар. В работе секции философии биологии участвовали крупные биологи, занимавшиеся вопросом создания теоретической биологии: П.Б. Медавар, К.Х. Уоддингтон, Ф. Дессауэр. В секции философских проблем психологии принимал участие С. Тулмин. На историко-философских секциях выступали бельгийский неотомист, профессор Лувенского университета О. Мансион и швейцарский неотомист, профессор Фрейбургского университета и советолог Ю.М. Бохеньский.

Впервые за много лет в Конгрессе не принял участие член Комитета международных философских конгрессов Б.В. Яковенко. Он подготовил доклад «В.Г. Белинский и русская философия»,

но его просто не выпустили из теперь уже социалистической Праги. Зато причуды политических изменений привели к тому, что из Праги в Амстердам приехал Э.Я. Кольман — один из тех, кто в 1930-е гг. руководил советской философией и принимал решение о неучастии представителей нашей страны в Пражском и Парижском конгрессах. Спустя месяц после поездки в Амстердам Э.Я. Кольман будет арестован в Праге, вывезен в Москву и три с половиной года проведет во внутренней тюрьме МГБ СССР.

Для участников Конгресса была организована культурная программа: экскурсия по каналам и портам Амстердама, знакомство с танцами и музыкой Индонезии, вечерний прием с концертом. Была разработана программа экскурсий для жен участников Конгресса.

В ходе подготовки Конгресса вице-президент Международного института философии, профессор Сорбонны Р. Байэ выступил с инициативой организации Международной федерации философских обществ. 13 сентября 1948 г. на специальном заседании Амстердамского конгресса с участием делегатов от философских обществ разных стран была создана *Международная федерация философских обществ*. Она объединила около 60 национальных и международных организаций. Исполнительный совет МФФО, избранный на период 1948 — 1953 гг., состоял из 30 членов. Было избрано Бюро Исполкома. Председателем стал профессор Х.Дж. Пос, его заместителями Шнейдер (США), сэр Дэвид Росс (Великобритания), Петцел (Скандинавия), генеральным секретарем — профессор Сорбонны Раймон Байэ (Франция).

На завершающей стадии подготовки Конгресса в его организации приняла участие ЮНЕСКО. Поэтому специальное заседание было посвящено обсуждению тем, предложенных ЮНЕСКО: «Уважение к индивидуальным различиям», «Индивидуальная ответственность и групповая ответственность», «Понимание свободы». Начиная с Амстердамского конгресса Всемирные философские конгрессы организуются МФФО под эгидой ЮНЕСКО.

Примечания

¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 279. — Л. 2.

² Там же. — Л. 3.

³ Там же. — Л. 6.

⁴ Там же. — Л. 5.

⁵ Там же. — Л. 4.

⁶ Там же. — Л. 10.

⁷ См. там же. — Л. 9.

⁸ Там же. — Л. 22.

⁹ См.: Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 132. Д. 45. — Л. 23 — 24.

¹⁰ См. там же. — Л. 25.

¹¹ Архив РАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 279. — Л. 23.

Рецензии, аннотации, отзывы

А.А. ВАСИЛЬЕВ. КРАСОТА В ИЗГНАНИИ¹.

— М.: Слово, 2000. — 480 с. : ил.

Т.И. СУСЛОВА

В последние годы о русском зарубежье писали часто, много и интересно. Но Александр Васильев нашел свой специфический, никем еще подробно не освещавшийся, разворот данной темы. Основная тема данной книги — это вклад русской эмиграции в развитие моды как специфического явления культуры, а главным предметом его исследования стал вклад русской эмиграции в становление современной индустрии моды и модельного бизнеса. Необходимо отметить, что «загоревшись» в свое время данной темой, автор рецензируемой книги проделал огромную работу историка, архивиста, коллекционера, собрав уникальный массив данных о деятельности русских домов моды в Париже, Берлине, Лондоне, Нью-Йорке и других мировых столицах в 20 — 50-е годы XX века. Этот массив включает в себя не только множество источников и документов, но и взятые лично А. Васильевым интервью с очевидцами и участниками этой деятельности, а также образцы продукции и фотографии.

Мера влияния русской послеоктябрьской эмиграции на культурный «ландшафт» XX века позволяет сопоставить ее с такими ключевыми эпизодами мировой истории, как, например, массовое переселение французских и английских протестантов, которые в XVI — XVII вв. создавали в различных странах Старого и Нового света очаги новой предпринимательской экономики, либерального политического мышления и рационалистической мо-

¹ Васильев Александр Александрович — искусствовед, историк культуры, дизайнер, театральный художник, коллекционер. Автор книг и статей по истории и философии моды. В течение многих лет изучает историю моды в России и русском зарубежье. Оформил более 100 постановок балетов и опер на сценах ведущих театров различных стран. Ведет большую преподавательскую и просветительскую работу в России и за рубежом. Читает лекции по истории костюма в 25 странах мира. Является руководителем специализации программы МВА-«Индустрия моды» Центра Развития Гуманитарных Технологий Управления МГУ им. М.В. Ломоносова и участвует в программе МВА-«Арт-менеджмент». Награжден Золотой медалью Академии Художеств России, медалями С.П. Дягилева и В.Ф. Нижинского.

рали. А что же несли другим народам и государствам русские изгнанники? Один из аспектов этой проблемы как раз и раскрывает нам книга Александра Васильева «Красота в изгнании». Прочитав ее, на данный вопрос можно ответить следующее: выходцы из России несли в разные уголки Европы и Америки своеобразное понимание красоты и умение ее создавать. Продолжая развивать отечественные традиции, они вместе с тем становились особой частью художественной жизни других стран, вписывая свои имена в историю французской, немецкой, американской, югославской или чешской культуры.

Книга А. Васильева не только содержит в себе очень большую, очень интересную и совершенно новую для российского читателя информацию, но и заставляет пересмотреть многие сложившиеся в нашем сознании стереотипы. Попробуем поставить небольшую эксперимент. Попросим нескольких наугад взятых собеседников назвать имена, которые символизируют для него эволюцию моды XX века. Наверняка практически все наши респонденты тут же вспомнят Коко Шанель и Пьера Кардена, многие — Ива Сен-Лорана, Джанни Версаче, Жана-Поля Готье, Карла Лагерфельда, некоторые — Джанфранко Ферре или Валентино Гаравани. Думаю, не забудут и о звездах, взошедших в СССР в пору «золотой осени» советской власти. Но, думается, вряд ли кто-то назовет в этой связи вел. кн. Марию Павловну, кн. Антонину Романову-Стрельнинскую, кн. Ирину Юсупову, кн. Ольгу Урусову, гр. Анну Воронцову-Дашкову, бар. Елизавету Гойнинген-Гюне, Ольгу Лобанову-Ростовскую, Пьера Питоева, Марию Анненкову, Марию Новицкую, Валентину Санину, Наталью Лазареву и других русских эмигранток и эмигрантов, создавших в 20 — 30-е годы за рубежом целую сеть русских домов моды. А ведь их модели, вышивки, аксессуары когда-то восхищали Париж, Лондон, Берлин и другие столицы мира. В этом плане книга А. Васильева является уникальным источником информации, раскрывающим нам мир русской моды начиная с формирования так называемого «русского стиля» в период перед Первой мировой войной. Воссоздавая историю созданных нашими соотечественниками домов моды в общем контексте художественной жизни русского зарубежья, А. Васильев со знанием дела рассматривает специфические черты их творческого почерка и имиджа, уделяя особое внимание художественной индивидуальности их создателей, большинство из которых были не профессиональными модельерами, дизайнерами или коммерсантами, а просто людьми безупречного вкуса и высокой культуры.

Умело используя этот ценнейший материал, А. Васильев воссоздает живую, насыщенную характерными деталями картину жизни русской эмиграции. Его интересуют и творческие дости-

жения русских модельеров, дизайнеров, художников и личные судьбы русских моделей и актрис на чужбине. Этот специфически личностный момент окрашивает изложение в какие-то особенные, по-человечески теплые, тона и придает ему такую увлекательность, что книга читается буквально на одном дыхании.

Вместе с тем автор приходит и к далеко не тривиальным теоретическим обобщениям, касающимся как некоторых механизмов взаимодействия культур и совместимости культурных сред, так и закономерностей развития индустрии моды в различных социальных условиях и экономических ситуациях. В этом плане интересен, к примеру, анализ культурно-психологических причин взлета и падения русской индустрии моды в Европе, которые автор связывает со специфическим соотношением собственно творческой и коммерческой стороны ее деятельности, в свою очередь вытекающим из некоторых особенностей национального менталитета и ценностно-смысловой матрицы русской культуры. В конечном счете, это позволяет исследователю вычленивать некоторые признаки «русского стиля» в моде, узнаваемые элементы которого можно найти в деятельности самых разных творческих личностей и коммерческих предприятий русской эмиграции.

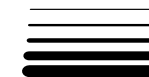
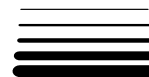
Познакомившись с текстом «Красоты в изгнании» читатель узнает очень много об индивидуальных особенностях эстетики различных домов моды, об организации их работы и внутренних взаимоотношениях, о тех, кто разрабатывал идеи и кто реально воплощал их в жизнь. Сопоставляя деятельность и эволюцию таких очень известных в свое время модных предприятий русских эмигрантов, как «Поль Каре», «ТАО», «Итеб», «Ирфе», «Хитрово», «Валентина», «Арданс» и др., А. Васильев выявляет типологические особенности стратегий развития, которые использовались в «русском секторе» модной индустрии, показывает их сильные и слабые стороны. Что, на наш взгляд, делает книгу полезной не только для историка культуры, но и для современного российского предпринимателя, поскольку она позволяет учесть некоторые типичные ошибки, обусловленные национальным менталитетом, и отразить те стороны этого последнего, которые позволяют усиливать свои позиции как в арт-бизнесе, так и во всех вообще сферах деятельности, связанных с продвижением интеллектуальной продукции и инноваций и требующих очень гибких и быстрых реакций на потребительский спрос.

«Красота в изгнании» — это повесть о жизненной стойкости, креативности, духовной силе и красоте русского человека, который, оказавшись даже в самых неблагоприятных условиях, способен на продуктивную творческую самореализацию и самоотдачу. В этом плане книга имеет большую культурно-просветительскую ценность. Она расширяет наши представления о русской

эмиграции и помогает избавиться от многих ставших привычными предрассудков «классового» характера. Но вместе с тем она представляет собой настоящее, и притом глубокое, социокультурное исследование. В книге можно найти немало интересных выводов и наблюдений, существенно расширяющих наши представления о межкультурном взаимодействии и «всечеловечности» русской культуры. Например, автор отмечает, что русские дома моды, которые привлекали в качестве моделей представительниц старинных аристократических фамилий, не только способствовали существенному повышению социального статуса манекенщиц во Франции и других странах, но и по сути дела сформировали совершенно новый образ данной профессии. Особенно интересными же представляются нам мысли автора по поводу того, на основе каких психологических мотивов формируется интерес к России и русскому за рубежом.

Научные обобщения, которые найдут в книге А. Васильева и историки, и специалисты по культурологии и эстетике, опираются на огромный эмпирический материал, по большей части собранный им лично в ходе многолетней поистине подвижнической работы. Правда, для того, чтобы оценить некоторые данные, нужна более широкая сравнительная перспектива. Было бы интересно, к примеру, сопоставить то, что было сделано в области моды русскими эмигрантами, и поиски советских мастеров прикладного искусства того же периода (например, Ламановой).

Книга не лишена и некоторых недостатков. В частности, существует определенная неравномерность в освещении жизни и творческих достижений различных географических анклавов российской эмиграции (что, по-видимому, отразило личный опыт автора). Так, например, Париж, Берлин и даже Харбин почти совсем заслонили в рецензируемой книге Америку. Приходится сожалеть и о том, что, концентрируя основное внимание на внутренней творческой жизни русского зарубежья, автор книги почти не останавливается на анализе отношений между русскими домами моды и ателье и фирмами местного происхождения, который мог бы быть очень поучительным как в плане взаимодействия личностей и культур, так и в плане сравнительной конкурентоспособности различных секторов модной индустрии. Мы понимаем, однако, что избежать этих замечаний можно было бы разве что проделав работу, сопоставимую по трудности и объему с той, которая уже выполнена автором. На это нужно было бы потратить еще годы труда. Но и в том виде, в котором «Красота в изгнании» была представлена читателю, она является одной из лучших среди вышедших в последнее время книг по прикладной эстетике и истории культуры. Поэтому высказанные нами замечания надо воспринимать не как претензию, а как пожелание на будущее.

ПЕРЕКВАЛИФИКАЦИЯ ПРОТИВ КРИЗИСА

Одной из центральных педагогических проблем современного общества является непрерывное образование. Законодательные аспекты, связанные с данной проблематикой, обсуждали участники «круглого стола» **«Формирование законодательной базы системы непрерывного образования взрослых»**, состоявшегося 18 декабря 2008 года в Совете Федерации Федерального Собрания РФ.

В настоящее время все развитые государства мира реализуют программы формирования систем непрерывного образования (обучения в течение всей жизни – Life Long Learning). Доля экономически активного населения, участвующая в непрерывном образовании, в Австрии – 89,2%, в Дании – 79,9%, Финляндии – 77,3%, Швеции – 71,%, Швейцарии – 68%. В России, несмотря на то, что развитие непрерывного образования было декларировано в 2004 г. как один из пяти приоритетов развития образования, переподготовку проходят до 10% взрослого населения. 5 декабря 2008 г. Председатель Правительства России В.В. Путин провел совещание по экономическим вопросам. Он подчеркнул, что в связи с мировым социально-экономическим кризисом и его возможным влиянием на Россию должно быть организовано опережающее обучение другой профессии, переквалификация. Министр труда и социального развития Т.А. Голикова отметила целесообразность реализации программ переобучения еще до того, как работник столкнулся с проблемой высвобождения. С 1 октября 2008 г. Минздравсоцразвития России введен еженедельный мониторинг плановых и массовых увольнений. Из 29700 человек, уволенных с начала октября, более 40% было трудоустроено, 5991 человек остались на тех же предприятиях, только заняли другие рабочие места. Вместе с тем специалисты выражают обеспокоенность по вопросу возможного высвобождения работников в 2009 г. с предприятий, в том числе градообразующих. Об этих и других проблемах говорили участники «круглого стола» в Совете Федерации.

Хусейн Джабраилович Чеченов, *председатель Комитета Совета Федерации по образованию и науке:*

Сегодня остро стоит проблема инновационного развития экономики, проблема создания общества знаний, человеческого ка-

питала и прочие государственно-охранительные проблемы. Обороноспособность государства определяется качеством образования и науки и скоростью, с которой результаты научных исследований превращаются в реалии. Однако даже если мы сумеем сделать образование качественным, встает вопрос: кого готовить? Например, для подготовки специалиста в области нанотехнологий, нужен междисциплинарный подход, новые стандарты. Каждый год появляются новые направления, специальности. Время накопления знаний с появлением компьютера исчезло. Сегодня важно уметь *добывать* знания. И здесь непечатый край работы: нет единой системы, приведенной в формат проекта. И даже единого понимания подходов к этой проблеме нет. Кризис, к сожалению, по полной программе отражается и на России. Не потерять тот костяк знаний, который имеется у наших граждан, — это проблема. Знания сегодня не столько сила, сколько личный капитал. Проблема непрерывного обучения взрослых — самая важная проблема страны.

Нелли Михайловна Розина, заместитель директора департамента государственной политики образования Министерства образования и науки России:

Дополнительное профессиональное образование законодательно и нормативно очень мощно отстает от других уровней образования. Действующие нормативные документы в основном распространяются на дополнительное образование по отношению к высшему. И совсем не затрагивают такие уровни, как среднее профессиональное и начальное профессиональное образование. Обсуждается формирование нового типового положения в образовательном учреждении дополнительного профессионального образования, которое должно впитать в себя все новации. С 1 января 2009 г. право на утверждение таких документов получило Министерство. Как показала встреча в департаменте, рабочая группа, сформированная там, столкнется с большими трудностями. Нужно будет вписать в этот документ то, что еще не получило своего оформления в законодательстве. Самые серьезные, глобальные вопросы нам надо предусмотреть в интегрированном акте, который к 2010 г. должен быть представлен Министерству.

В сложившихся экономических условиях дополнительное профессиональное образование будет чрезвычайно востребовано населением Российской Федерации. Мы еженедельно направляем информацию в Минздравсоцразвития по тому, что предлагают учебные заведения всех уровней для того, чтобы высвобождающаяся рабочая сила быстро меняла квалификацию, место работы.

Владимир Павлович Тихомиров, научный руководитель Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ):

Непрерывное образование, на мой взгляд, это основное стратегическое направление в развитии государства. Сегодня студентам предлагаются знания в таких быстроменяющихся областях, как информатика, экономика, 10 — 11-летней давности, а по инженерным специальностям — 20 — 40-летней. Мы выпускаем специалистов, не способных обслуживать и создавать новую конкурентоспособную технику в любых областях и, что наиболее важно, в обороноспособной. Выпускники российских вузов сегодня не готовы развивать конкурентоспособную экономику.

У нас в стране 70 млн. работающего населения. Обеспечить их переподготовку невозможно, у нас нет ни парт, ни зданий, ни учителей. Как с этой задачей справляются в Америке, где 150 млн. работающего населения? 20 лет назад они занялись развитием и внедрением технологий электронного обучения с доставкой знаний на рабочие места, а сегодня — и в любую точку, где есть подключение к Интернет. Мы в этой области идем в противоположную сторону в своем развитии относительно наших конкурентов. Закон относительно дистанционных технологий обучения не работает. Осталось совсем немного вузов, которые находятся на грани прекращения этой деятельности. Российская система образования потеряла чувствительность к внутренним запросам населения, к передовому опыту в России и в зарубежных странах. Это привело к отсутствию способности вести эффективные диалоги на международном уровне. Ведь уровень даже понятийного аппарата людей, работающих в системе российского образования, существенно отстает от западного. Решение сложившейся проблемы только одно: необходимо создать рабочую группу и направить письмо Президенту. Все остальные усилия бессмысленны.

Владимир Арсеньевич Буренин, ректор Высшей коммерческой школы Министерства образования и науки России:

Сегодня ситуация в области непрерывного образования сложилась так, что требуется не просто улучшение обстановки, — нужен революционный прорыв. Согласно докладу ЮНЕСКО, главной задачей непрерывного образования является предоставление универсального повсеместного качественного справедливого и приемлемого в ценовом отношении доступа к знаниям и образовательным услугам. Ключевым здесь является решение проблемы доступа. Исходя из этого, нам нужно кардинально изменить все образовательное законодательство, потому что оно уже десятилетиями сформулировано как образование классное, аудиторное. Я представляю учебное заведение, которое, как в примере

В.П. Тихомирова, прекращает использование электронного обучения. Мы титаническими усилиями формировали эту систему, взвалили на свои плечи изменение технологий образования. Мы начинали обучать сотни людей. Сегодня на программе учатся 2 – 3 человека, и не потому что не хотят, а потому что мы как учебное заведение не можем оказывать эти услуги. Все лицензионные и нормативные документы сформулированы и приравнены к аудиторному часу. Замените понятие «аудиторный час» на «учебный», и многие вопросы будут решены. Но все остается по-старому. Надо изменить все законодательство, качество законов, ввести новые образовательные стандарты. Документ, который необходимо подготовить, должен называться не «концепция», а «программа» или «национальная политика в области непрерывного образования». И отвечать за этот документ должно не Министерство, а Правительство и даже по возможности администрация Президента.

По итогам работы «круглого стола» было принято решение о необходимости включения в Федеральную целевую программу развития образования на 2006 – 2010 гг. мероприятий, направленных на создание российской электронной системы профессиональной подготовки и повышения квалификации взрослого населения, что обеспечивает возможность обучения большего числа граждан на основе электронных технологий.

При журнале «Философские науки»
и кафедре Истории и философии науки
Института философии РАН создан
Научно-методический центр

Одной из своих важнейших задач Центр считает публикацию учебно-методических и теоретических материалов для оказания помощи преподавателям, аспирантам и соискателям всех научных специальностей по курсу «История и философия науки».

Материалы выходят в серии «Библиотечка молодого ученого» – Приложении к журналу «Философские науки».

«Библиотечка молодого ученого»
издается отдельными книжками.

Наши авторы

Бакштановский Владимир Иосифович – доктор философских наук, профессор, директор НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Богданова Марина Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Кашин Владимир Кузьмич – кандидат психологических наук, руководитель проекта Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей.

Козолупенко Дарья Павловна – кандидат философских наук, заместитель заведующего кафедрой философской антропологии и проблем комплексного изучения человека философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Корсаков Сергей Николаевич – кандидат философских наук, старший научный сотрудник отдела комплексных проблем изучения человека Института философии РАН, доцент кафедры философии Тверского государственного университета.

Лещенко Олеся Александровна – менеджер проектов Международной Академии меценатства, магистрант социологического факультета С.-Петербургского государственного университета.

Любый Александр Павлович – кандидат философских наук, старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Союза российских писателей и Международной конфедерации журналистов.

Нешадин Андрей Афанасьевич – кандидат социологических наук, проректор Московского государственного университета прикладной биотехнологии, заместитель генерального директора Экспертного института Российского союза промышленников и предпринимателей.

Нешадина Ольга Андреевна – эксперт Международного центра финансового и экономического развития.

Пахомов Алексей Петрович – кандидат психологических наук, доцент кафедры менеджмента и маркетинга экономического факультета Российского университета дружбы народов.

Согомонов Юрий Ваганович – доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета.

Сулова Татьяна Ивановна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии Томского государственного университета.

Тульчинский Григорий Львович – заслуженный деятель науки РФ, доктор философских наук, профессор С.-Петербургского филиала Государственного университета – Высшая школа экономики.

Шевченко Владимир Николаевич – доктор философских наук, профессор кафедры философии Российской академии государственной службы, заведующий сектором философских проблем политики Института философии РАН.

Шмелева Надежда Дмитриевна – младший научный сотрудник сектора философии культуры Института философии РАН.

CONTENTS

PHILOSOPHICAL FORUM

Corporativity and Social Partnership in the Development of the Today's World ■

<i>THE EDITORIAL</i>	From the Society of Distrust to New Consolidation	5
<i>A.A. NESHCHADIN</i>	Socio-economical Development: National Special Features and the Collective Unconscious Mentality	7
<i>N.D. SHMELYOVA</i>	Phenomenon of Partnership: Socio-ontological Aspects	11
<i>G.L. TULCHINSKY</i> (<i>St. Petersburg</i>)	Corporativity as Social Technology of both Freedom and Responsibility	25
<i>V.K. KASHIN,</i> <i>A.P. PAKHOMOV</i>	Competitorability of an Organization and a Multistructural of Collective	45
<i>O.A. LESHCHENKO</i> (<i>St. Petersburg</i>)	Corporativity of Business in Russia and Social Development	55
<i>A.P. LYUSY</i>	Brand and Trophy	69
<i>V.I. BAKSHTANOVSKY</i> (<i>Tyumen</i>), <i>M.V. BOGDANOVA</i> (<i>Tyumen</i>), <i>Y.V. SOGOMONOV</i> (<i>Tyumen</i>)	University as a Scientific-educational Corporation: Dualism of Self-identification and the Choice of Priority	78
	Reflecting upon the problem	
<i>Andrey NESHCHADIN, Olga NESHCHADINA,</i> <i>Vladimir BAKSHTANOVSKY, Marina BOGDANOVA,</i> <i>Yuri SOGOMONOV, Vladimir KASHIN,</i> <i>Alexei PAKHOMOV, Alexander LYUSY,</i> <i>Olesya LESHCHENKO, Grigori TULCHINSKY</i>		95

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

On the 100th Anniversary of «Vekhi»'s Publication ■

<i>V.N. SHEVCHENKO</i>	The Russian Intelligentsia: Yesterday and Today	107
	Philosophical Dimension ■	
<i>D.P. KOZOLUPENKO</i>	Mythopoetical Narrative as One of the Basis of World Perception Successivity	125

SCIENTIFIC LIFE

The Unknown Past ■

<i>S.N. KORSAKOV</i>	The 10 th World Congress of Philosophy (Amsterdam, 1948) in the History of Russian Philosophy	141
	Reviews, annotations, and feedbacks ■	
<i>T.I. SUSLOVA</i> (<i>Tomsk</i>)	A.A. Vasilyev. Beauty in Exile	151
	Surveys, Announcements and other Information ■	
	Change of Profession vs Crisis “Young Scientist’s Library”	155